

Часть II

СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

Глава 1

ПРОСТЕЙШЕЕ ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВА КАК ПРОЦЕСС. СТРОЕНИЕ ПРОСТЕЙШЕГО ОТНОШЕНИЯ

Познание в развитой форме строения, или структуры общества, и в том числе выделение в «чистом» виде его простейшего отношения осуществимы лишь при отображении развитого общества. К развитому человеческому обществу, по нашему мнению, относится подлинная история человечества, в отличие от ее предыстории. Уже на завершающей стадии предыстории человеческого общества, т. е. при капитализме, создаются реальные возможности для перехода к подлинной истории человечества, а потому и определенные возможности для познания в развитой форме структуры общества (в том числе и для выделения в более или менее «чистом» виде простейшего отношения общества). И все-таки до построения социализма возможности для выделения простейшего отношения общества существенно отличны от тех возможностей, которые создаются с возникновением социализма, т. е. коммунизма, хотя еще только формирующегося.

Развитое человеческое общество встает перед умственным взором тех, кто приступает к его рассмотрению, как некоторая совокупность людей. Аналитическое расчленение общества, взаимодействия людей, взятого в качестве данного, приводит к выделению отдельного человека, т. е. индивида¹, также выступающего в качестве данного. Причем, если общество фиксируется как дан-

¹ Здесь (но не вообще) разница между понятиями «человек» и «индивид» не имеет значения.

ное, то индивид берется таким же образом, но с тем различием, что человек есть данный элемент, а общество есть данное определенное взаимодействие этих элементов. Продолжая анализ, приходим к тому очевидному факту, что каждый человек, каждый индивид прежде всего должен жить, поддерживать биологическое существование, свое и своего биологического вида.

Если мы рассматриваем человека как данный элемент общества, то первое, что бросается в глаза, это то, что он есть живой организм, живое существо, которое поддерживает свою жизнь и продолжает свой биологический вид. Это обстоятельство выступает при рассмотрении человека и общества прежде всего, наиболее непосредственно, и в этом смысле оно может быть квалифицировано как «поверхность», «бытие» процесса (человеческого общества).

Следовательно, и ход анализа, и максимально непосредственный, неопосредованный взгляд на человека и на отношения людей друг к другу приводят к выделению в качестве простейшего отношения общества – взаимодействия человека с окружающей средой для поддержания собственной жизни и взаимодействия людей друг с другом для продолжения своего биологического вида¹.

И то, и другое взаимодействия представляют собой относительно самостоятельные процессы в рамках в конечном счете одного, внутренне единого биологического взаимодействия людей друг с другом и с остальной природой. Причем речь идет не просто о биологическом взаимодействии живых существ друг с другом и с остальной природой, а о биологическом взаимодействии *людей* друг с другом и с остальной природой. Но вместе с тем выделяется не сугубо социальное, а именно *биологическое* взаимодействие.

¹ Довольно широко в последнее время стало распространяться представление о том, что простейшее отношение человеческого общества есть труд. Это представление в логическом аспекте основано на смешении сферы сущности с простейшим отношением, смешении, идущем в советской литературе от в целом интересной и глубокой книги Э. В. Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса» (М., 1960).

Мысль об этом простейшем отношении человеческого общества можно пояснить, несколько забежая вперед и привлекая к рассмотрению исторический аспект. Простейшее отношение данного процесса, предмета есть необходимая историческая предпосылка возникновения этого процесса, предмета, превращающаяся с возникновением сущности этого процесса, предмета в необходимую предпосылку, условие его функционирования. Вместе с тем, простейшее отношение – такая необходимая историческая предпосылка данного процесса, предмета, которая, достигнув определенного развития, сама превращается в качественно и по сущности иной процесс, сохраняясь в нем как снятый, преобразованный момент. Биологическое взаимодействие живых существ друг с другом и с остальной природой существует до возникновения социального, с образованием социального это биологическое, с одной стороны, становится необходимой предпосылкой, условием существования и развития социального, а с другой стороны, это биологическое включается в движение социального, преобразуется им и превращается в снятый, модифицированный момент движения социального. Конечно, биологическое взаимодействие людей друг с другом и с остальной природой никогда не будет абсолютно полностью преобразовано социальным, условие никогда не превращается полностью лишь в следствие того, условием чего оно есть. И тем не менее, это биологическое в качестве предпосылки, условия социального необходимо предполагает социальное, не существует как только «чисто» биологическое.

Предмет нашего рассмотрения – общество, взаимодействие людей, а потому мы выделяем биологическое не вообще, а в человеке, в отношениях людей друг к другу и притом сначала по преимуществу биологическое как условие, предпосылку социального, т. е. с точки зрения процесса познания биологическое в человеке и в отношениях людей друг к другу выделяется так, как оно выступает до специальной характеристики социального, или в относительной (но не абсолютной)

независимости от социального. Так как это независимость относительная, а не абсолютная, так как это рассмотрение предпосылки, предпосылка же не существует без того, предпосылкой чего она служит, то связь, единство биологического с социальным при такой характеристике уже здесь присутствует, но она не освещается специально.

Биологическое взаимодействие людей друг с другом и с остальной природой не полностью тождественно взаимодействию животных друг с другом и с остальной природой, оно всегда так или иначе, в той или иной степени и в том или ином отношении очеловечено. Однако пока человек берется непосредственно и специально не характеризуется социальное, не объясняется, почему и как развивается, «производится» специфически человеческое в человеке, до тех пор не может быть специально отлучено то, что присуще человеку именно как человеку, от того, что присуще ему только как живому существу.

И все-таки человек выступает на этой стадии рассмотрения по преимуществу (но не исключительно) со стороны своей биологической природы, биологических взаимоотношений со средой и друг с другом, а среда – главным образом со стороны своей природной определенности. Речь идет именно о людях, но в их биологической определенности, в их биологических взаимоотношениях. С самого начала человек фиксируется в единстве биологического и социального. Например, потребности в обуви, одежде, поскольку обувь, одежда необходимы для сохранения жизни, – физические потребности. Однако, даже не говоря о характере обуви, одежды, потребность в них для защиты от неблагоприятных внешних воздействий специфичны для человека. И все же первоначально социальное предстает непосредственно единым с биологическим и как бы моментом биологического, ибо поддержание и порождение жизни человека есть ближайшим и непосредственным образом животное, биологическое существование и порождение человека. Таким образом, непосредственное единство биологического и социального, в непосредственно рассмат-

риваемых людях, предстает прежде всего с биологической стороны этого единства. В свою очередь, эта биологическая сторона *двойка*. Она представляет собой биологическое отношение людей друг к другу и к остальной природе.

После характеристики биологического в человеке и в отношениях людей друг к другу, биологического, взятого в относительной самостоятельности по отношению к социальному, будет специально рассмотрено социальное, а затем специальному изучению подвергнется проявление социального в биологическом, единство социального и биологического, а также формы этого единства.

Единство биологического и социального присутствует в нашем изложении с самого начала. И хотя оно и не представлено специально, тем не менее влияет на последовательность и характер рассмотрения биологического.

При отображении чисто биологического взаимодействия (взятого в историческом аспекте) организма и окружающей среды строго последовательное изложение должно начинаться с характеристики среды, из нее следует вывести возможности существования тех или иных организмов, отобразить их строение, функционирование и т. п., и лишь затем нарисовать картину обратного воздействия организмов на окружающую природу. Эта последовательность диктуется тем, что в образовании и изменении сугубо биологического взаимодействия организма с окружающей средой в конечном счете главным является воздействие окружающей среды на организм, а не наоборот. Во взаимодействии человека с окружающей природой, напротив, главным оказывается воздействие человека на окружающую природу, человек не приспосабливается к окружающей природе, а по преимуществу «приспосабливает» ее к себе, преобразует ее. Поэтому при рассмотрении биологического взаимодействия человека с окружающей природой следует начать именно с отношения людей как биологических существ к остальной природе и друг к другу.

Итак, мы начинаем рассмотрение общества с биологического взаимодействия именно людей с остальной природой, при этом

предполагается, что в это определение входит рассмотрение биологического отношения людей друг к другу.

Само биологическое взаимодействие людей с остальной природой есть процесс, и отображено оно может быть лишь *процессом* познания. С чего же целесообразно начать характеристику биологического взаимодействия людей с остальной природой?

Эти компоненты взаимодействуют друг с другом. Но, как уже было сказано ранее, при отображении биологического взаимодействия человека со средой необходимо начать с человека, а не со среды. Рассмотрим сначала один компонент взаимодействия, или взаимодействие пока лишь со стороны одного компонента. Человек как компонент этого взаимодействия – живое существо с определенным организмом, с определенным строением тела. Если дан, если есть налицо организм с определенным строением (а человек в качестве живого существа здесь берется просто как данный), то для поддержания его жизни необходима соответствующая окружающая среда.

Поскольку предполагается данность организма человека, постольку организм предстает не изменяющимся, а значит, предполагается и природная среда, не изменяющаяся настолько, чтобы вызвать изменение строения организма человека.

Если биологическое взаимодействие людей с природой фиксируется как данное, имеющееся в наличии, то при его рассмотрении в первую очередь выступает тот факт, что человек должен жить, поддерживать свое существование, и лишь затем то, что он производит новую жизнь, поддерживает существование своего биологического вида.

Поддержание собственно существования каждым человеком есть реализация взаимоотношения человека и среды для сохранения человека. Здесь имеются два компонента: человек в качестве живого существа определенного строения и природная среда как условие физического существования индивидов. Конечно, при логическом способе рассмотрения абстрагирование этих компонентов происходит от того этапа развития человечества, когда уже

имеются современный биологический вид человека и изменение человечеством природной среды. Выделяется же пока только то, что и после образования человека в качестве особого биологического вида и при наличии общественного производства человек всегда остается живым существом с определенным строением тела, а природная среда (пусть так или иначе, в той или иной мере преобразованная) – необходимым условием его биологического существования.

Определение нужды, «требования» организма к окружающей среде есть потребности¹ человека как биологического существа. Потребности являются биологическими, если они необходимы, во-первых, для поддержания жизни человека, а во-вторых, для порождения новой жизни. В наиболее простой форме и в наименее преобразованном социальном виде биологические потребности человека существуют в том случае, когда они удовлетворяются непосредственно и при помощи девственной природы (например, дыхание в условиях незагрязненной вследствие преобразующей деятельности человека воздушной среды).

Если же необходимые биологические потребности не могут быть удовлетворены лишь девственной природой самой по себе, если они могут быть удовлетворены посредством и на основе преобразования природы, то тем самым и постольку биологические потребности начинают включаться или включаются в социальное движение, становятся социально «окрашенными» биологическими потребностями. В той или иной степени и животные изменяют природу, но это изменение, в отличие от человека, не характерно для них, не есть та основа, на которой зиждется их специфика в качестве животных. Подробнее об этом, а также о стадиях превращения животного воздействия на среду в человеческое воздействие на среду будет сказано позднее.

¹ Конечно, потребности организма обусловлены не только строением организма, но и особенностями окружающей среды. Но если отвлечься от происхождения потребностей и представить их как нечто данное, то они выступят именно в виде «требований» организма к окружающей среде.

Биологические отношения людей к природе и друг к другу приобретают специфически человеческую окраску, если их осуществление так или иначе, в той или иной степени опосредствуется процессом общественного преобразования природы или процессами, вырастающими на основе последнего. Такие биологические отношения становятся вместе с тем и социальными.

Если человек, который рассматривается при характеристике простейшего отношения как данное живое существо, предстает при предположенных обстоятельствах в качестве нуждающегося в определенной среде, в качестве имеющего потребности, то природная среда при этом оказывается условием биологического существования людей, предметы природной среды выступают в виде предметов, способных удовлетворить потребности.

Характеристика указанного взаимодействия с выделением лишь необходимых биологических потребностей и предметов, способных их удовлетворить, есть характеристика этого отношения в его потенции. Реализация же его есть потребление, т. е. удовлетворение потребностей предметами, способными их удовлетворить. (В соответствии с темой главы мы имеем в виду необходимые биологические потребности, предметы, способные их удовлетворить, и сам процесс удовлетворения такого рода.) *Простейшее отношение человеческого общества, отношение, взятое в качестве реализующегося, есть потребление как удовлетворение биологических потребностей человека.*

Потребление уже само в себе, самым своим совершением вносит изменения в условия своего возобновления, уничтожая предметы потребления. (При рассмотрении потребления обнаруживается, что потребление предмета потребности изменяет саму потребность. Теперь потребность выступает уже как зависящая не только от организма, но и от среды, от ее особенностей.) Возобновление предметов потребления другими природными процессами и удовлетворение человеком животных потребностей уже в

силу того, что это разные природные процессы, не могут находиться в устойчивом, постоянном соответствии друг с другом.

Когда фиксируются человек в качестве живого существа и среда как условие его биологического существования, тогда отмечается внешнее отношение человека как живого существа и среды. Когда фиксируются необходимые биологические потребности и предметы, способные их удовлетворить, тогда осуществляется переход к рассмотрению внутреннего отношения человека как живого существа и среды. Собственно же внутреннее отношение человека как живого существа и среды есть потребление, т. е. сам процесс удовлетворения телесных потребностей посредством предметов потребления (напомним, что *здесь потребление берется в том виде, когда не выделяется средство удовлетворения потребностей*, когда имеется только, с одной стороны, потребитель с его потребностью, а с другой стороны, предмет (или предметы) потребления).

Проследив отношение человека как живого существа и среды «с высоты птичьего полета», спустимся пониже и проделаем тот же путь, так сказать, по земле, рассмотрим отношение несколько подробнее, а вместе с тем проанализируем переход к более сложным отношениям.

Со стороны необходимости поддержания биологического существования человек выступает в качестве живого существа, имеющего организм определенного строения. Организм определенного строения нуждается в определенной окружающей среде. Эти нужды, «требования» организма к среде есть физические потребности и в конечном счете обусловленные ими психические потребности, т. е., говоря в целом, биологические потребности. Биологические потребности человека, поскольку они определяются именно строением организма, оставались и остаются, по крайней мере до сих пор и в основном, неизменными в различные исторические эпохи развития человечества. Пока биологически человек не изменяется (или, по меньшей мере, существенно и заметно не изменяется), сохраняется и нечто неизменное в потреб-

ностях, в требованиях человеческого организма к среде, несмотря на существование и образование бесконечно разнообразных предметов потребления, несмотря на изменения в ценностной шкале оценок животных потребностей и т. д.¹

¹ При логическом рассмотрении биологического до специальной характеристики социального в анализе выступает как раз то обстоятельство, что биологически человек не изменяется (или заметно, существенно не изменяется) на протяжении, по крайней мере, всей прошедшей истории со времени возникновения *homo sapiens*. В связи с этим следует уточнить понимание отношения Фейербаховской и марксовской трактовки человека. К. Маркс в 6-м тезисе «Тезисов о Фейербахе» пишет: «Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений».

Фейербах, который не занимается критикой этой действительной сущности, оказывается поэтому вынужденным: 1) абстрагироваться от хода истории, рассматривать религиозное чувство [Гетты] обособленно и предположить абстрактного – *изолированного* – человеческого индивида; 2) поэтому у него человеческая сущность может рассматриваться только как «род», как внутренняя, немая всеобщность, связующая множество индивидов только *природными* узами» [1. т. 3, с. 3].

Во-первых, всегда, когда речь идет о сущности человека, ссылаются на содержащееся в этом тезисе определение К. Марксом сущности человека, не учитывая того обстоятельства, что во время написания «Тезисов о Фейербахе» К. Маркс еще не выделил производственные отношения в качестве определяющих все другие общественные отношения. С выделением же производственных отношений в таком качестве, на наш взгляд, меняется и определение сущности человека, о чем подробнее будет сказано в главе «Сущность общества».

Во-вторых, К. Маркс, вырабатывая материалистическое понимание истории, естественно, обращает тут внимание лишь на недостаток Л. Фейербаха. Если же принять во внимание и недостаток, и достоинство воззрения Л. Фейербаха, то можно сказать так: при рассмотрении человека в качестве современного биологического вида абстрагирование от хода истории вполне правомерно, ибо ход этой истории либо совсем не изменяет, либо более или менее существенно не изменяет того обстоятельства, что человечество образуется как продукт природы и в дальнейшем существенно не изменяет биологический вид.

Заблуждение Л. Фейербаха относительно природных, в том числе биологических, уз человека состояло в том, что он сферу предпосылок, ту сферу, в которой скрывалось простейшее отношение общества, принял за сущность человека, выявить которую он не сумел. Л. Фейербах, конечно, знал, что человек существует в обществе, что имеет место ход истории. Однако включить эти факты в теоретическое рассмотрение он в основном не сумел. Фейербах не смог дать *теоретическое* объяснение общества и хода истории.

От строения организма человека зависит структура биологических потребностей: потребности, удовлетворяемые посредством процессов пищеварения (потребность в пище и воде), дыхания (потребность в воздухе), выделения (потребность выведения из организма конечных продуктов распада, образующихся при пищеварении и дыхании), в процессах защиты и локомоции, в деятельности органов чувств и мозга (потребности в чувственных раздражениях определенной величины и характера, в ориентировке...) и т. д.

Каждая биологическая потребность может быть определена качественно и количественно. Каждая биологическая потребность имеет свою меру (единство качества и количества). Удовлетворение потребности организма, выходящее за рамки меры, неблагоприятно воздействует на организм человека. Например, существует область температур, выше и ниже которой длительное существование организма человека невозможно. Причем, при прочих равных условиях, чем меньше отклонение температуры от этой области, тем дольше может существовать организм человека, и наоборот. Существуют определенное соотношение различных биологических потребностей и мера соответствия разных биологических потребностей, а также противоречия в удовлетворении этих различных потребностей. Например, если потребность в пище удовлетворяется максимально, а потребность в движении минимально, то это есть противоречие, вредно сказывающееся на организме.

Так как биологический вид человека (со времени возникновения современного биологического вида и до настоящего времени) остается одним и тем же (или, по крайней мере, существенно одним и тем же), то сохраняется неизменной качественная и количественная определенность необходимых биологических потребностей, остается одной и той же мера каждой необходимой биологической потребности и их совокупности¹.

¹ Для более успешного решения современных задач, необходимо целостное, объемное биологическое изображение человека, так сказать, биологическая голограмма человека.

Так, потребность в пище может быть удовлетворена бесконечно разнообразным сочетанием разных количеств различных продуктов. Однако при этом для нормального существования человеческого организма необходим постоянный качественный состав пищи. В ней должны иметься белки, жиры, углеводы, витамины, минеральные соли ... Количество каждого из необходимых веществ и их соотношение зависят от возраста, пола, внешних условий, активности организма. Но потребности в каждом из необходимых веществ, хотя и изменяются количественно, все же изменяются в некоторых постоянных для человеческого организма пределах.

При нормальном функционировании организма в состоянии покоя потребности в пище минимальны. Организм взрослого здорового человека при разнообразных индивидуальных различиях имеет некоторые средние минимальный и максимальный пределы потребления необходимых питательных веществ; при потреблении ниже минимального и выше максимального пределов длительность существования организма человека – при предположении наличия оптимума прочих условий – меньше видовой продолжительности жизни.

Минимальный и максимальный пределы существуют для каждой биологической потребности. Имеется и оптимум у каждой биологической потребности. Оптимальное удовлетворение человеком своих биологических потребностей (при нормальной наследственности) дает ему возможность достигнуть видовой (родовой) продолжительности жизни. Дальнейшее увеличение продолжительности жизни связано уже с изменением самой видовой продолжительности жизни, с воздействием на человеческую наследственность, на генетический аппарат человека.

Итак, человек как живое существо имеет биологические потребности, «требования» к окружающей среде, удовлетворение которых необходимо для поддержания его в качестве живого организма. Биологические потребности зависят от строения организма человека. Поскольку организм человека с возникновением че-

ловека как нового биологического вида и до настоящего времени не изменился (по крайней мере ныне нет достоверных данных об изменениях, если даже предположить, что они произошли), постольку не изменились и необходимые для поддержания жизни биологические потребности человека. С точки зрения обусловленности строением организма биологические потребности имеют неизменную качественную и количественную определенность, неизменную меру, неизменна, с этой точки зрения, и совокупность «требований» организма к среде.

Второй компонент – среда. Среда первоначально предстает в качестве условия биологического существования людей. Среда как условие биологического существования человека есть окружающая среда. В таком отношении среда выступает лишь как нечто пассивное, как «кладовая» для получения того, что удовлетворяет биологические потребности человека. Характеристика среды тогда сводится главным образом к определению того, насколько богатой или бедной «кладовой» (в количественном и качественном отношениях) она является. Среда как «кладовая» предметов потребления может иметь более или менее разнообразный или однообразный «набор» предметов потребления, большее или меньшее количество предметов потребления, входящих в «набор». Естественно, чем богаче «кладовая» в качественном и количественном отношениях, тем больше возможностей для удовлетворения биологических потребностей человека. И наоборот.

Биологическая потребность из потенциальной становится реализованной потребностью лишь в потреблении. Способность предмета удовлетворять биологическую потребность человека реализуется также в потреблении. До, вне потребления и потребность, и предмет потребления есть лишь возможности.

В потреблении биологическая потребность исчезает, уничтожается, и вместе с тем потребление создает условия для возрождения, возобновления потребности. Предмет же потребления уничтожается и самим потреблением, функционированием организма человека не возобновляется.

Биологическая потребность удовлетворяется, исчезает в потреблении, и этим же потреблением образуются условия для ее возобновления. Это соответствует самой сути живого. Живое существует лишь в единстве восстановления и разрушения, в живом разрушение – основное условие восстановления, а восстановление – основное условие разрушения. Поэтому, говоря о биологических потребностях, надо рассматривать не только потребности созидания, восстановления, но и потребности разрушения, а значит, и потребности в выделении продуктов обмена вещества. В самой сути своей живое есть внутреннее единство ассимиляции и диссимиляции. Также по самой сути живого телесные потребности постоянно возобновляются, постоянно возобновляется процесс их удовлетворения. Но, во-первых, процесс удовлетворения биологических потребностей с необходимостью, своим собственным осуществлением ведет к образованию продуктов распада, в своем непосредственном виде неспособных стать снова предметами потребления. Во-вторых, процесс удовлетворения потребностей есть разрушение, уничтожение предметов потребления, поэтому при достаточно длительном, бесконечном поддержании жизни данных организмов произойдет полное истощение данных предметов потребления.

Потребление как процесс поддержания биологического существования человека, если оно постоянно возобновляется, с необходимостью предполагает, что вследствие действия каких-то иных природных процессов, процессов, совершающихся вне рамок этого потребления, происходит возобновление предметов потребления, по крайней мере с не меньшей скоростью и эффективностью, чем скорость и эффективность потребления.

В предельном случае, т. е. в случае бесконечного, постоянного возобновления потребления в том же виде и масштабе, такое потребление предполагает превращение отходов удовлетворения человеком биологических потребностей вновь в предметы потребления того же количества и качества (разумеется, превращение может совершаться лишь при помощи иных, чем это потребление, процессов).

Если бы потребление могло бесконечно, постоянно возобновляться в том же самом виде и масштабе, то это была бы совершенно замкнутая система, включающая в себя, наряду с человеком, такие процессы, которые отходы потребления вновь превращают в предметы потребления. Существование систем совершенно, т. е. абсолютно, замкнутых, а следовательно, абсолютно изолированных от всего остального, невозможно в принципе¹. Уже простое повторение процесса есть всегда его изменение, процесс не может возобновляться совершенно одинаково. Кругооборот веществ в природе изменяется уже в силу своего повторения. Законсервировать природу, в том числе земную (а такие мысли и не подчас высказываются в связи с неблагоприятной экологической обстановкой), нельзя, можно лишь приостановить, иначе направить те или иные изменения в тех или иных ее областях.

Может существовать лишь более или менее замкнутая система, относительно замкнутая система. Устойчивость системы, ее замкнутость относительны, всякая система конечна. Всякая система проходит этапы образования, устойчивости и разрушения. Чем выше организация системы, тем более отчетлива – при прочих равных условиях – ее устойчивость, и наоборот. Но побеждает всегда не устойчивость, не равновесие противоположностей, а их борьба.

Если же система совершенно незамкнута, то она и совершенно неустойчива, она уже не есть система. Отсюда ясно, что если переносят центр тяжести вопроса об экологическом кризисе на взаимодействие между природой и обществом, то тем самым видят главным образом внешнее отношение разных систем, придает решающее значение неустойчивости этих систем, в современной экологической ситуации видят главным образом кризис, а общество рассматривают по преимуществу как неустойчивую, разрушающуюся систему (такой же подход и к земной природе), полагают, что наступил необратимый конец общества. Напротив, те, кто считают возможным рассматривать лишь социальное при

¹ Допущение возможности существования таких систем есть метафизическое допущение.

анализе современной экологической ситуации, фактически подходят к обществу только как к замкнутой системе, не видят ее кризисной стороны, к обществу подходят как к образованию, которое будет бесконечно существовать.

Мы полагаем неверными и тот, и другой подходы. Внешнее не есть только внешнее, а внутреннее не есть только внутреннее, их необходимо рассматривать в развитии и во взаимосвязи, то же следует сказать и о конечности и бесконечности развития общества. Подробнее об этом будет сказано ниже.

Итак, возобновление биологических потребностей человека и процесс их удовлетворения, с точки зрения специфики живого, есть их *постоянное* возобновление, повторение. Это возобновление имеет внешний и внутренний пределы.

Рассмотрим *внешний предел* возобновления биологических потребностей человека, процесса их удовлетворения. Если выделить только внешний предел и отвлечься от внутреннего предела, то отмеченное возобновление предстанет беспредельным, бесконечным. Это отвлечение не совершенно произвольно, оно выделяет специфику живого тела как самовозобновляющегося.

Внешним пределом при таких условиях будут, во-первых, ограниченность предметов потребления (вообще или того или иного вида, рода предметов потребления) и, во-вторых, ограниченность пространства для выделения продуктов распада (заполнение продуктами распада жизненного пространства). Относительно кругооборота веществ, включающего и организм человека, предполагается, что он не абсолютно замкнут, т. е. не может повторяться постоянно и полностью. Потребление только от природы данных предметов потребления неизбежно означает тупик для существования организма человека, в конечном счете «удушение», разрушение продуктами распада его жизненного процесса (если, конечно, индивиды не могут переселиться в зоны, не заполненные этими продуктами распада).

Если исчерпанные предметы потребления могут быть заменены другими готовыми предметами потребления, если при недо-

статке предметов потребления в данном месте люди имеют возможность переселиться в другое место, то самовозобновление будет продолжаться посредством использования готовых предметов потребления. Если во всех возможных местах поселения предметов потребления имеется меньше жизненно необходимого минимума, то это приводит к вымиранию, к гибели. Если предметов потребления, данных природой в готовом виде, достаточно для нормального функционирования тела, то самовозобновление тела осуществляется без внешних помех. Если же количество и «ассортимент» готовых от природы предметов потребления колеблется где-то около того, что минимально необходимо для поддержания биологического существования человека, то биологическое существование оказывается возможным длительно, однако вместе с тем постоянно имеется острая нехватка предметов потребления, данных природой в готовом виде. При такого рода нехватке этих предметов потребления, непреодолимой ни переселением, ни использованием готовых от природы предметов потребления, аналогичных потребляемым, единственный остающийся путь преодоления острой нехватки предметов потребления – воздействие на те процессы, которые приводят к образованию готовых от природы предметов потребления, а не просто потребление этих готовых предметов.

Внутренний предел возобновления биологических потребностей, процесса их удовлетворения. Жизнь внутренне противоречива. «...Отрицание жизни по существу содержится в самой жизни, так что жизнь всегда мыслится в соотношении со своим необходимым результатом, заключающимся в ней постоянно в зародыше, – смертью. Диалектическое понимание жизни именно к этому и сводится» [1, т. 20, с. 610]. Следовательно, внутренний предел физического существования индивида коренится в самой сути физического, телесного существования.

Этот внутренний предел преодолевается порождением нового индивида. В отношениях индивидов разного пола внутреннее единство осуществляется как единство внешне, независимо друг от друга существующих индивидов. В отношениях разных полов внут-

ренный процесс самовозобновления живого расчленился на внутренне единые, но внешне самостоятельно существующие противоположности. (Поэтому по самой сути дела зарождение нового индивида может быть прервано в любой момент, на любой стадии.)

Внутреннее единство индивидов разного пола как возможность существует в виде половой потребности. Полностью процесс реализации внутреннего единства индивидов разного пола, взятых в качестве живых существ, состоит в порождении нового индивида и уходе за ним до приобретения им способности к самостоятельному биологическому существованию.

Суть живого – в его постоянном самовозобновлении, поэтому биологически жизнь вида (рода) важнее жизни отдельных индивидов, видовые (родовые) связи играют определяющую роль по отношению к отдельным индивидам. И поддержание жизни индивида, и порождение новых индивидов есть самовозобновление живых индивидов.

Поддержание собственной жизни представляет собой поддержание индивидуального существования. Даже тогда, когда человек поддерживает свою жизнь ради других людей, непосредственно поддержание им своей жизни есть нечто индивидуальное. Напротив, порождение новой жизни и поддержание жизни нового индивида до тех пор, пока он не приобретет способности к самостоятельному биологическому существованию, есть по своей сути родовое (видовое) действие. Даже в том случае, если оно осуществляется субъективно ради порождающих индивидов.

Род (вид) – биологическая сущность индивида¹, приобретающая внешнее существование по отношению к индивиду. В отношении индивида и рода индивид относится к своей собственной сущности как к отделившейся от него, приобретшей внешнее существование в качестве совокупности остальных индивидов рода.

Поддержание биологического существования индивида совершается непрерывно. Эта непрерывность осуществляется посредством

¹ Тут можно уточнить сказанное ранее. Л. Фейербах принял сущность биологического индивида за сущность человеческого индивида, причем первую сущность он вполне отчетливо не выделил.

возникновения, удовлетворения и возобновления биологических потребностей. На определенном этапе возобновления биологического существования индивида для поддержания нормального биологического существования самого этого индивида требуется действие по порождению новой жизни, т. е. возникает такая телесная потребность индивида в поддержании своего собственного существования, удовлетворение которой есть вместе с тем порождение новой жизни, продолжение жизни рода (вида). Такова половая потребность.

Половая потребность – это потребность индивида в поддержании своего нормального индивидуального существования, т. е. индивидуальная потребность. Но «потребление», удовлетворение особой индивидуальной потребности есть производство другой, новой жизни, нового индивида (или новых индивидов).

Итак, удовлетворение половой потребности, по ее биологической природе, биологической сути, представляет собой одновременно и индивидуальное, и родовое действие. В удовлетворении половой потребности и затем в удовлетворении родительского инстинкта индивидуальное есть одновременно родовое.

Здесь мы впервые сталкиваемся с необходимой связью индивидов друг с другом, связью, внутренне, необходимо обусловленной строением их организма.

Добыча имеющихся в природе в готовом виде средств пропитания, охрана и защита от нападения и т. п. могут требовать совместных действий, может быть даже так, что без совместных действий нельзя поддержать индивидуальное существование и даже существование вида. Но по своей сути объединение для добычи (данных в природе в готовом виде) средств к биологическому существованию, для нападения, для охраны и защиты от нападения не требуется всегда с необходимостью.

Половая же потребность и родительский инстинкт, напротив, никогда не могут быть удовлетворены без того или иного объединения с другим индивидом (с другими индивидами). Удовлетворение половой потребности и родительского инстинкта по своей сути всегда видовое (родовое) действие.

У животных в нормальном случае (за исключением болезненных отклонений) удовлетворение половой потребности всегда заканчивается рождением нового индивида (или новых индивидов). Каждый же человек способен вмешиваться в самую суть своей животной родовой жизни: он может прервать зарождение новой жизни на различных ее стадиях. Тем самым каждый человек приобретает возможность разорвать это внутреннее единство своего биологического вида (рода), индивидуального и родового, обособиться от рода. А значит, образуется возможность, при соответствующих социальных условиях, способная представить большую или меньшую опасность для самого существования биологического вида (рода) *homo sapiens*. Появиться или не появиться новому человеку – зависит не только от биологической природы человека (биологической нормы и биологических отклонений от нормы), но также (при биологически нормальных индивидах) от социальной жизни, от социальных потребностей. Вмешательство человека в нормальный биологический процесс порождения новой жизни происходит под влиянием социальных потребностей.

Таким образом, от рассмотрения отношения человека к природе, отношения, заключающегося в поддержании собственного физического существования, мы перешли к рассмотрению отношения людей друг к другу по поддержанию жизни. Переход этот осуществляется через рассмотрение такой потребности человека в качестве живого существа, которая одновременно есть потребность в продолжении вида. В логическом аспекте это есть движение мысли от отображения взаимодействия на уровне непосредственности к отображению его на уровне сущности.

С появлением на свет детей получает вполне самостоятельную внешнюю форму существования потребность в продолжении вида (родительский инстинкт, отношение к детям) в отличие от половой потребности. Следовательно, происходит дифференциация половой потребности и потребности лишь в продолжении рода.

Достижение половой зрелости есть апогей биологического существования индивида и вместе с тем начало «заката». Но с реализа-

цией половой потребности, с рождением детей основной функцией родителей в качестве живых существ становится научение детей способности самостоятельно поддерживать свое биологическое существование. По мере приобретения детьми такой способности существование родителей для продолжения жизни вида становится излишним¹.

Стадия старости, умирания человека как живого существа начинается тогда, когда погасла половая потребность и когда дети приобрели способность к самостоятельному поддержанию биологического существования. На стадии старости, умирания главной—с точки зрения человека как живого существа, становится потребность в индивидуальном биологическом самосохранении, а так как при этом затухает или отсутствует половая потребность, потребность в продолжении рода, то нарастает противоречие между индивидом и видом (родом). Действительно, если поддержание жизни формирующегося индивида необходимо как предпосылка для продолжения жизни вида, если поддержание его жизни вместе с тем есть потенциально и поддержание жизни вида, если в половозрелый период происходит актуально поддержание половозрелыми индивидами жизни вида, то в старости угасает способность поддерживать и продолжать жизнь вида (угасает половая потребность, потребность в размножении) и потребность в самосохранении обособляется от потребности в продолжении жизни вида. Это с одной стороны. С другой стороны, и у детей, если стать на сугубо биологическую точку зрения, исчезает при старении родителей нужда в последних². Кроме того, и потребность в само-

¹ Необходимость обучения молодых особей особями старшего поколения возникает в процессе эволюции органического мира с появлением у живых существ условных рефлексов. Чем сложнее прижизненно образующаяся система функциональных связей живого существа с окружающей средой, тем — в общем и целом, при прочих равных условиях — сложнее и длительнее его научение в процессе его индивидуального формирования.

² По нашему мнению, чем выше расположен вид на «древе» биологического развития, чем более развита психика у представителей вида, тем более как бы «смягчается» противоречие между индивидом в старости и видом, тем значительнее сохраняются черты, свойства, присущие предыдущим стадиям отношения индивида и вида.

сохранении, вероятно, при достижении видовой продолжительности жизни угасает (видовая продолжительность жизни, естественно, при стихийно складывающихся условиях существования, может быть достигнута случайно, как исключение).

В старости, с биологической точки зрения, на первый план выходит противоречие индивида и вида (рода). Старый индивид – при прочих равных условиях – утрачивает биологическое «оправдание» своего существования.

Специальный уход, специальная забота о поддержании существования старых особей своего вида в развитом виде присуща лишь людям, человечеству. (В неразвитом виде такая забота может иметь место и у животных.) И если старый человек теряет способность к биологическому продолжению вида, то как социальное существо он способен сохранять большое значение, располагая значительным социальным опытом и сохраняющейся подчас до самой смерти способностью передавать его новым поколениям. В старости становится особенно заметным то, насколько социализировался данный индивид, насколько социальное «вошло в его плоть и кровь». Чем менее человек социализирован, тем – при прочих равных условиях – бессмысленнее, безысходнее и горше его существование в старости. Даже любовь старых жены и мужа друг к другу, любовь старого человека к своим родным, детям, внукам и правнукам есть, в значительной мере благодаря социализации, продолженная, усиленная и видоизмененная биологическая потребность, характерная для периода половой активности¹.

Итак, внутренний предел самовозобновления биологического существования человека преодолевается порождением новых людей, биологическим существованием человеческого вида (рода).

¹ В свою очередь, отказ детей от старых родителей означает, что дети находятся, так сказать, «на животном уровне», что у них, как минимум, недостаточна внутренняя социализация. То же справедливо и относительно заботы общества о стариках. Степень и характер заботы о стариках – один из показателей того, как далеко ушло общество от животных взаимосвязей, преобразовало их.

Но является ли биологическое существование человеческого рода беспредельным или оно имеет какие-то пределы?

Внутренние пределы продолжения человеческого рода заключены в строении тела индивидов, принадлежащих к разным полам. В жизни здоровой женщины период, когда она способна к деторождению, может колебаться в некоторых пределах, составляя в среднем 18–20 лет. Высшую границу оптимального использования способности к деторождению одной женщины образует, видимо, рождение 6–7 детей. Отклонение в сторону максимума может быть довольно большим, хотя и не беспредельным. Воспроизводительная способность мужчины колеблется в более широких пределах, но и для нее существуют некоторые пределы.

При прочих равных условиях пределы возможности размножения, увеличения численности рода зависят от количественного соотношения мужчин и женщин при максимальном использовании их воспроизводительных способностей.

Мы здесь исходим только из внутренних отношений индивидов биологического вида (рода), а потому отвлекаемся от специального рассмотрения модификаций, вносимых в эти отношения социальной жизнью. В том числе мы отвлекаемся даже от тех ограничений половых отношений, которые вызваны необходимостью сохранить жизнеспособными будущие поколения. Например, исключение половых отношений между ближайшими родственниками. Ибо такие ограничения возникают только в том случае, если длительно существуют коллективы с постоянным составом их членов и если имеется достаточное число индивидов (при очень небольшом числе индивидов в замкнутых коллективах, естественно, более или менее жесткие ограничения половых отношений становятся неблагоприятными для продолжения рода). А эти последние обстоятельства вызываются к жизни социальным развитием и могут быть специально рассмотрены после специальной характеристики социального, социальной жизни.

Внутренние возможности размножения, поскольку они зависят от строения тела мужчины и строения тела женщины, от

количественного соотношения мужчин и женщин, при котором могут быть максимально использованы их воспроизводительные способности, модифицируются рядом обстоятельств и никогда не осуществляются в «чистом виде». Но именно перечисленные моменты определяют максимальный предел размножения человеческого рода, предел, вытекающий из внутренних собственно биологических отношений по продолжению рода.

Итак, рост народонаселения (с точки зрения простейшего отношения) зависит от специфики воспроизводительных возможностей мужчины и женщины, от количественного соотношения мужчин и женщин, а также от природной среды, от ее возможности служить «кладовой» для удовлетворения биологических потребностей.

В процессе продолжения рода роль мужчины и женщины различна в силу различия строения их тела. Это различие существует не только в различных воспроизводительных возможностях мужчины и женщины, но и в различном участии в совершающихся отношениях по продолжению рода. Женщина рождает и выкармливает ребенка. А потому ее возможности добывания пищи и т. п., естественно, сужены. Мужчина же по своему биологическому предназначению, помимо участия в акте порождения, призван к добыванию средств для физического существования, охране и защите от нападения.

Из отмеченных выше различий между мужчиной и женщиной (в том числе и из различия воспроизводительных способностей) следует, что «стоимость» каждой женщины, с точки зрения сохранения вида, выше «стоимости» каждого отдельного мужчины, что для более благоприятного продолжения рода сохранность жизни женщин должна быть в целом более устойчивой, чем сохранность жизни мужчин. Отсюда вытекает большая устойчивость организма женщин к постоянно действующим неблагоприятным факторам (например, к чрезмерному или недостаточному количеству пищи, к колебаниям качественного состава пищи и т. п.) и, наоборот, большие возможности мужчин для действия в условиях случайных и чрезвычайных. В общем и целом природа женщин

заставляет их избегать условий случайных и чрезвычайных, а природа мужчин заставляет «искать» их. Поэтому смертность лиц мужского пола, при прочих равных условиях, от случайных обстоятельств выше, чем у женщин. Соответственно различаются, на наш взгляд, физические и психические качества мужчин и женщин. Например, мужской организм более приспособлен к чрезвычайным физическим усилиям, а женский организм выносливее по отношению к длительным, близким к обычным неблагоприятным внешним воздействиям. Например, лица женского пола более осторожны, осмотрительны, менее склонны к риску, чем лица мужского пола, и т. д. Это, конечно, может зависеть и от индивидуальных особенностей, и от влияния социальной жизни. Но тем не менее, с точки зрения биологической, мужчины – разведчики рода человеческого, его авангард, а женщины принадлежат к ядру рода.

В природе численность биологического вида – при невозможности переселения и, в конечном счете, даже при наличии этой возможности – определяется соотношением с условиями существования. Численность биологического вида в конце концов устанавливается такой, чтобы «воспроизводство» самой окружающей природой предметов потребления уравнивалось с их потреблением, использованием. Ухудшение природных условий ведет к уменьшению размножения, улучшение природных условий – к увеличению размножения.

Внутренний предел самовозобновления биологического существования индивида, как уже говорилось, преодолевается рождением новой жизни, продолжением вида (рода). Процесс порождения индивидами новых индивидов, взятый сам по себе, бесконечно возобновляется.

Внутренний предел возобновления рода существует лишь как предел возможности размножения в данное время. Но отсутствует внутренний предел самого порождения: порождение новых индивидов происходит необходимо из природы существующих индивидов. В конечном счете предел продолжения вида (рода) оказывается внешним пределом. Им являются условия существо-

вания. Предел продолжения человеческого рода лежит в условиях существования, во взаимодействии людей с внешним по отношению к ним, с природой.

Самовозобновление биологического существования индивида и продолжение биологического существования рода имеют своим конечным пределом наличие предметов потребления, условий существования. Всякое условие существования, с точки зрения возможности его использования для поддержания биологического существования, есть предмет потребления, предмет для удовлетворения биологической потребности.

С точки зрения индивида, минимум предметов потребления есть такое количество и качество предметов потребления, которое минимально необходимо для самовозобновления биологического существования индивида в данное время. Поскольку же определяющим является продолжение жизни рода, постольку минимум предметов потребления есть такое количество и качество предметов потребления, которое минимально необходимо не только для поддержания биологического существования индивида, но и такого поддержания биологического существования, которое позволило бы ему достигнуть возраста, при котором возможно деторождение, и продолжить существование вплоть до достижения новым индивидуумом способности к самостоятельному биологическому существованию. Верхней границей этого минимума служит такая, достижение которой позволяет численности членов рода поддерживаться постоянной (не уменьшаться и не увеличиваться, а просто воспроизводиться). Нехватка предметов потребления, нехватка предметов для удовлетворения телесных потребностей (при отсутствии возможности переселения в другую среду), если она постоянна, вызывают необходимость перехода к воздействию на процессы, приводящие к образованию предметов потребления.

Если количество и качество предметов потребления ниже отмеченных минимумов, то это влечет за собой гибель рода. Если и поскольку имеется изобилие предметов потребления, данных

природой в готовом виде, то самовозобновление рода происходит без внешних препятствий.

Наиболее остро необходимость перехода к воздействию на процессы, приводящие к образованию готовых от природы предметов потребления, сказывается тогда, когда количество и качество этих предметов потребления колеблются около минимума, который необходим для поддержания биологического существования индивидов и рода.

Простейшее отношение общества и семья. Выше мы говорили о природных отношениях между мужчинами и женщинами, родителями и детьми. Эти природные отношения включаются в социальную форму движения. Мы их фиксировали, отвлекая от социальной формы движения, но не рассматривая специально воздействие социального на природные отношения, т. е. мы брали природные отношения в их непосредственной связи с социальным, подчеркивая именно ту сторону, что это – природные отношения.

Биологические отношения между мужчинами и женщинами по продолжению рода, биологические отношения родителей и детей образуют биологическое «ядро» семьи. Но семья не сводится к этому биологическому «ядру». Семья есть продукт воздействия общества, социального, на это биологическое «ядро». Семья – «преломление» общества, социального через это биологическое «ядро». Следовательно, семья представляет собой продукт взаимодействия социального и биологического, а не только биологическое и не только социальное. При таком подходе к семье не общество образуется из развития семьи, а семья образуется с образованием общества (при исторически определенных социальных условиях). И логически нельзя начинать с семьи как более простого и переходить к обществу как более сложному. Рассмотрение семьи предполагает анализ биологических отношений людей по продолжению рода, выяснения специфики социального, и лишь «преломление» специфики социального через биологические отношения людей по продолжению рода дает возможность вскрыть специфику семьи. Если логически брать семью в каче-

стве простейшего отношения общества, то в историческом аспекте это соответствует взгляду на то, что общество выросло из семьи постольку, поскольку в этом отдельном, особом существовании проявляется жизнь вида.

Отношения родителей и детей, вообще старшего и младшего поколений, – проявление сущности видовых отношений в отношениях индивидов. С точки зрения этих отношений, индивидуальное потребление ребенка оказывается процессом, который опосредуется деятельностью родителей по обеспечению предметами потребления, т. е. этот процесс выступает теперь с той стороны, что он есть форма проявления отношения родителей и детей, старшего и младшего поколений. Более развитой формой проявления отношения родителей и детей, старшего и младшего поколений служит научение родителями (старшим поколением) детей (младшего поколения) способности к самостоятельному поддержанию своего биологического существования. Но приобретение этой способности есть приобретение способности к самостоятельному обеспечению себя предметами потребления. Из сказанного следует, что способность к самостоятельному обеспечению себя предметами потребления, поскольку она приобретает не от рождения, а образуется в индивидуальном развитии при решающей помощи родителей, старшего поколения, представляет собой форму проявления в индивиде видовых отношений. Реализация этой способности есть видовое отношение, *проявляющееся* в деятельности индивидов.

В этих формах поддержание собственного существования (простое потребление без обеспечения себя предметами потребления и потребление, предполагающее специальный процесс предварительного получения предметов потребления) предстает в снятом, преобразованном виде.

Ход мысли, которому мы следовали в этой главе, в общем и целом соответствует ходу индивидуального развития.

Выделяя и рассматривая удовлетворение биологических потребностей индивида при отвлечении от рассмотрения такой био-

логической потребности, как половая потребность, от добычи и производства предметов потребления, мы тем самым фиксируем процесс, в наиболее «чистом виде» имеющийся в детском возрасте, у формирующегося индивида, притом это потребление тем более «очищено» от остальных упомянутых моментов, чем младше возраст ребенка. По мере своего индивидуального биологического формирования человек приобретает потребность (и способность) в продолжении вида, а также способность к самостоятельному поддержанию своего биологического существования. Последняя из названных способностей не может быть сформирована у человеческого индивида без участия старшего поколения. Следовательно, характеристика способности к самостоятельному поддержанию своего биологического существования предполагает рассмотрение отношения родителей и детей, старшего и младшего поколений, а значит, и половых отношений индивидов.

Удовлетворение биологических потребностей (исключая удовлетворение половой потребности) есть ближайшим образом только индивидуальное действие. Удовлетворение половой потребности есть такое индивидуальное действие, которое одновременно представляет собой родовое (видовое) действие. Половые отношения – непосредственно видовые отношения. Видовые отношения есть *сущность* индивидов как живых существ. Отношения родителей и детей по поводу воспитания у детей способности к самостоятельному поддержанию своего биологического существования – *проявление* видовых отношений в индивидуальных действиях родителей и детей.

Пока человек в качестве живого существа только еще формируется, его индивидуальное существование имеет «самоценное» значение для вида, или, иначе говоря, поддержание жизни формирующихся индивидов непосредственно тождественно поддержанию жизни вида.

По достижении половой зрелости половая потребность становится одной из необходимых жизненных потребностей индивида. Притом это такая потребность в поддержании своего индиви-

дуального существования, удовлетворение которой есть одновременно взаимоотношение с другим индивидом, имеющим аналогичную потребность, и зарождение нового индивида (или новых индивидов). Реализация половой потребности есть непосредственная связь разных (по полу) индивидов одного вида. Если формирующийся биологически индивид продолжает жизнь вида уже тем, что он существует как отдельный индивид, то индивид, реализующий свою половую потребность, поддерживает жизнь вида не просто как отдельный индивид, а как биологически непосредственно связанный с другим индивидом (другого пола). Связь их осуществляется посредством удовлетворения потребности в поддержании своего существования как особого индивида, а вместе с тем эта связь есть порождение нового индивида (новых индивидов), т. е. продолжение жизни вида.

Однако и в случае удовлетворения биологических потребностей, в случае созревания и удовлетворения половой потребности поддержание жизни вида происходит главным образом благодаря поддержанию своего индивидуального существования. Положение кардинально меняется с рождением ребенка. Поддержание жизни иного индивида (ребенка) внешне отделяется от поддержания собственной жизни (родителей). Поддержание родителем своей жизни как «самоценной», как отдельной теряет значение для продолжения жизни вида. Жизнь родителей сохраняет значение для продолжения жизни вида лишь постольку, поскольку они способствуют сохранению, поддержанию жизни детей и образованию у последних способности к самостоятельному поддержанию биологического существования. Отдельное, особое существование этих индивидов (родителей) само по себе теряет свое значение для поддержания жизни вида, оно сохраняет это значение лишь постольку, поскольку их существование необходимо для поддержания биологического существования других индивидов (детей), непосредственно представляющих собой воплощение жизни вида.

Глава 2

ПЕРЕХОД ОТ ПРОСТЕЙШЕГО ОТНОШЕНИЯ К СУЩНОСТИ ОБЩЕСТВА

В предыдущей главе мы, по сути дела, характеризовали потребление человека как непосредственно тождественное с «производством» (и с «производством» собственной жизни, и с «производством» другой жизни), а также отношения, образующиеся в процессе этого потребления, т. е. отношения по «производству» жизни.

Высшая форма отношений людей по «производству» жизни — это отношения родителей, старшего поколения, и детей, младшего поколения, в ходе которых у детей формируется способность к самостоятельному обеспечению себя предметами потребления. Следовательно, способность к самостоятельному обеспечению предметами потребления и сам процесс этого обеспечения представляют собой *проявление видовых* отношений. Иначе говоря, процесс обеспечения предметами потребления есть *проявление* в деятельности *индивидов* жизни *вида*.

Важно напомнить, что и здесь изложение ведется под логическим углом зрения, а поэтому предмет рассмотрения — человек — выступает как данный. Поэтому в качестве *данной*, т. е. уже имеющейся налицо, фиксируются и биология человека, и соответствующая природная среда.

С точки зрения высшей формы отношения индивидов по «производству» жизни, весь процесс «производства» жизни предстает как *проявление* жизни вида и *формы* этого проявления. Жизнь вида и индивидов в качестве его представителей осуществляется в противоречии между организмом (организмами) и окружающей

природной средой при решающем влиянии, в конечном счете, природной среды.

В самой неразвитой форме (обозначим ее в качестве формы I) существования этого противоречия потребление еще непосредственно тождественно с процессом обеспечения предметами потребления. Это отношение живых существ к окружающей среде *характерно для растений*. Среда, обеспечивающая возможность существования растения, окружает его непосредственно. Такое отношение сохраняется у человека и животного (например, таков процесс дыхания), но сохраняется, конечно, в снятом, преобразованном виде.

В этой форме осуществления противоречия между живым существом и окружающей природной средой именно особенности среды решающим образом определяют потребление. Причем, здесь потребляющее живое существо *непосредственно связано с потребляемым материалом, обеспечение предметами потребления непосредственно тождественно с самим потреблением*. Но материал потребления создается иными процессами, нежели процесс потребления. Следовательно, если потребление внутренне едино с материалом потребления и непосредственно с ним связано, то *образование* материала потребления случайно по отношению к потреблению, не связано с ним необходимо.

Более развитой формой (назовем ее формой II) упомянутого противоречия служит такая форма, при которой имеет место относительное обособление друг от друга потребления и процесса обеспечения предметами потребления. Относительно обособленное существование процесса обеспечения предметами потребления по отношению к самому непосредственному потреблению *характерно для животных*, в отличие от растений. Решающую роль и здесь играют особенности окружающей природной среды. Для животных характерна¹ не непосредственная окруженность их природ-

¹ Речь идет о характерном для животных и растений, а не о том, что присуще всем животным, в отличие от всех растений, или наоборот. Растения не абсолютно неподвижны в процессе обеспечения своей жизнедеятельности, а среди животных имеются такие, которые имеют довольно сильную выраженность «сидячего образа жизни».

ной средой, обеспечивающей их жизнедеятельность, а такая природная среда, которая вынуждает их *двигаться* для обеспечения себя соответствующими предметами потребления. Для этой формы, в отличие от первой, характерно отсутствие изначальной непосредственной связи живого существа с предметами потребления. Потребление остается, разумеется, невозможным без материала (а точнее, здесь уже предметов) потребления. Однако установление непосредственной связи живого существа с предметами потребления опосредствуется относительно самостоятельным процессом обеспечения предметами потребления.

Форма II существенно отличается от формы I по характеру связей. В форме II сохраняется внутренняя связь живого существа с предметами потребления и обеспечением предметами потребления (без того и другого жизнь этих существ невозможна). Но тут *внутреннее единство* живого существа с предметами потребления совершается *через внешнюю связь внутренне единых, но внешне обособленных* различных процессов: потребления и обеспечения предметами потребления. Это уже не непосредственная связь одного (живых существ) с другим (предметами потребления), а связь, осуществляемая через *внешнюю* связь, обособленность различных внутренне связанных процессов (потребления и обеспечения предметами потребления). А поэтому возможность нарушения единства (вплоть до гибели индивида) здесь несравненно вероятнее, чем при непосредственной связи одного с другим.

Форма II значительно более зрелая форма существования упомянутого выше противоречия, чем форма I.

И в форме I, и в форме II живые существа не только испытывают воздействие окружающей среды, но и сами воздействуют на нее. В форме I это происходит путем потребления материала, черпаемого из окружающей природной среды, и выделения продуктов распада. В форме II обратное воздействие на природную среду, присущее форме I, сохраняется в снятом, преобразованном виде. Но для формы II характерно наличие относительно обособленного от потребления процесса обеспечения предметами потре-

ния. Последнее же необходимо предполагает, во-первых, *специальное обратное воздействие* на окружающую природную среду, отличное от обратного воздействия на эту среду процесса потребления, во-вторых, также и *специальные средства, органы* такого воздействия.

Самое простое осуществление процесса обеспечения предметами потребления в качестве относительно обособленного процесса есть его осуществление при помощи органов тела. В пределах этой формы процесса обеспечения предметами потребления имеются две главные разновидности: обеспечение растительными и животными предметами потребления (отрицательное выражение этих разновидностей: защита от неблагоприятного воздействия растений и от нападения животных). Обеспечение предметами потребления растительного происхождения представляет собой процесс более простой, чем обеспечение предметами потребления животного происхождения.

У человека сохраняются обе разновидности этой формы обеспечения предметами потребления в более или менее снятом, преобразованном виде. В относительно менее преобразованном виде – это, например, собирание дикорастущих растений или охота на животных с применением только органов тела.

Эта форма относительно обособленного процесса обеспечения предметами потребления для своего беспрепятственного осуществления необходимо предполагает наличие достаточного количества и качества предметов потребления, данных природой в *готовом* виде. Животный способ воздействия на предметы потребления в процессе *обеспечения* предметами потребления – в отличие от самого потребления – есть главным образом *механическое* воздействие на предметы потребления (например, срывание листьев, плодов, применение зубов хищным животным). Природа выступает как «кладовая» готовых предметов потребления, а способ воздействия на эти предметы потребления в рамках относительной самостоятельности процесса обеспечения

предметами потребления – как, по преимуществу механическое воздействие.

Еще более развитой формой (форма III) обеспечения предметами потребления служит использование (главным образом механических) свойств предметов неорганического и органического происхождения (например, камня, палки, кости) для обеспечения предметами потребления, данными природой в *готовом* виде. Эта форма в более или менее снятом виде сохраняется у человека. Таково, например, использование палки для сбивания высоко висящих плодов или бросание камня для защиты от нападения животного.

Эта форма промежуточная, переходная; с одной стороны, она выходит за рамки предшествующей, а с другой стороны – сходна с ней. В самом деле, тут в качестве средств для обеспечения предметами потребления применяются предметы, не представляющие собой органы тела. И в то же время все это – средства извлечения из «кладовой» природы готовых предметов потребления, эти средства действуют как органы тела, как простое, непосредственное продолжение органов тела, как «неорганические органы тела» (К. Маркс). *Для того, кто их применяет, они образуют лишь продолжение органов тела, хотя сами эти предметы как средства обеспечения предметами потребления применяются в той функции, которая им не свойственна вне этого процесса.*

Будучи существенно сходна с формой II, форма III существенно отличается от нее тем, что в качестве специальных средств обратного воздействия на окружающую природную среду используются *не только органы тела*. И все же, пока предметы (процессы) среды, не представляющие собой органы тела, применяются *лишь в иной функции*, оставаясь сами по себе неизменными, использование их остается более или менее *случайным*. Решающая роль особенностей природной среды в противоречии между живыми существами и окружающей природной средой сохраняется: средства воздействия, не представляющие собой органы тела и применяемые в их неизменном природном

виде, позволяют в общем и целом только более полно вычерпывать из «кладовой» природы данные природой в готовом виде предметы потребления.

Если в форме II средствами обратного воздействия на окружающую среду служат лишь органы тела, то в форме III арсенал средств воздействия потенциально оказывается несравненно более богатым. Форме III свойственно то, что процессы, предметы, явления природы, используемые для воздействия на другие процессы, предметы, явления природы, входят в качестве подчиненного посредствующего звена в процесс воздействия на предметы и т. п. при помощи органов тела. Средства воздействия в качестве подчиненного момента обуславливаются прежде всего и главным образом строением органов тела, их биологическими возможностями, а также предметом, на который происходит воздействие. Главную роль играют органы тела и предметы, на которые направлено воздействие. Тем самым решающей остается зависимость обеспечения предметами потребления от строения органов тела и от наличия готовых предметов воздействия. Сами средства воздействия, не представляющие собой органы тела, лишь черпаются в готовом виде из «кладеза природы» и только используются в иной функции, а именно в функции средств воздействия, которое происходит ради обеспечения предметом потребления.

Внутренний предел самой «кладовой» предметов потребления, данных природой в готовом виде, не устраняется, но возрастают возможности черпать из этой «кладовой» больше предметов потребления, данных природой в готовом виде.

Этот внутренний предел устраняется тогда, когда средства воздействия, не представляющие собой органы тела, превращаются из *подчиненного в главенствующий момент* воздействия. Последнее же происходит тогда, когда средства воздействия, не представляющие собой органы тела, на свой лад преобразуют оба крайних компонента, которые они опосредствуют.

Превращение таких средств воздействия из подчиненного в главенствующий момент само обуславливается крайними компо-

нентами процесса: с одной стороны, применение таких средств сталкивается с сопротивлением, противодействием предметов и т. п., на которые направлено воздействие, с другой стороны, имеется недостаточное удовлетворение биологических телесных потребностей. Средства воздействия, не представляющие собой органы тела и применяемые для получения предметов телесного потребления, изменяются и притом *не только функционально, но и морфологически* для преодоления этого двустороннего противодействия и в соответствии со *своей* предметной природой.

Так как средства воздействия отличаются от природно данных предметов, существующих вне процесса обеспечения предметами потребления, не только функционально, но и морфологически, а также отличаются от органов тела, то предмет, на который направлено воздействие, в конце концов, соответственно преобразуется, превращается в *искусственно созданный предмет*¹.

Преобразование средств воздействия, не представляющих собой органы тела и применяемых ради обеспечения предметами потребления, из подчиненного в главенствующий момент процесса обеспечения предметами потребления, приобретение ими не только функционального, но и морфологического отличия от предметов, данных природой в готовом виде, преобразование соответственно возможностям этой морфологии средств воздействия обоих крайних членов процесса обеспечения предметами потребления есть переход к IV форме.

В форме IV разрешается (а тем самым и развивается) противоречие между живыми существами и окружающей их природной средой. Во всех остальных ранее рассмотренных формах живое существо внутренне едино с материалом, предметами потребления и, в этом смысле, с окружающей природной средой. Однако природные процессы, в ходе которых образуются матери-

¹ Разумеется, образование средств воздействия, не только функционально, но и морфологически отличных от данного природой в готовом виде, ведет к определенному преобразованию и другого крайнего компонента – организма живого существа. Однако, напоминая, при логическом рассмотрении необходимо исходить из биологии человека как из уже данной.

ал, предметы потребления, есть иные процессы, нежели само потребление. Они лишь внешне, случайно, через свои результаты связаны с потреблением. А поэтому потребление подвержено в конечном счете решающему действию факторов, *не* зависящих от него, *случайных* по отношению к нему. Внутренняя связь процессов образования материала, предметов потребления, с самим потреблением отсутствует. Осуществление потребления в этом отношении есть случайность. Чем случайнее по отношению к потреблению возможность наличия предметов потребления, данных природой в готовом виде, тем – при прочих равных условиях – более развитым должно быть обратное воздействие живых существ на окружающую природную среду для обеспечения потребления. Следовательно, характер, степень обратного воздействия живых существ на окружающую их природную среду определяются *особенностями* этой среды (если выразить это в историческом аспекте – *изменением* окружающей природной среды).

Противоречие между, с одной стороны, функционированием и возобновлением потребления и, с другой стороны, процессами образования предметов потребления, выражающееся в несоответствии (по количеству и качеству) имеющихся в природе готовых предметов потребления и потребностями потребления, разрешается в корне лишь тогда, когда само образование предметов потребления происходит ради потребления, или, иначе говоря, при подчинении образования предметов потребления процессу потребления. А это с необходимостью наступает там и тогда, где и когда средства воздействия процесса обеспечения предметами потребления, не представляющие собой органы тела, служат главным моментом обеспечения предметами потребления, соответственно себе преобразующим все остальные моменты, в том числе образование предметов потребления.

Для этой формы характерно не обеспечение предметами потребления, данными природой в готовом виде, *а обратное специальное воздействие на образование предметов потребления.* Тем самым *устанавливается внутреннее единство* не только потреб-

ностей, потребления с материалом, предметами потребления, с процессами получения предметов потребления, данных природой в готовом виде, но и с процессами образования предметов потребления. Образование предметов потребления ради потребления есть *производство*. Итак, для формы IV характерны *внутренняя связь, внутреннее единство производства и потребления при решающей роли производства*.

Таким образом, в форме IV имеется *главенствующая роль средств* воздействия процесса обеспечения предметами потребления, не являющихся органами тела, по отношению к потреблению, к потребностям, к воздействию органов тела, а также к предметам, на которые они воздействуют. Причем речь идет о средствах воздействия, морфологически (а не только функционально) отличных от предметов, данных природой в готовом виде. Такие средства воздействия преобразуют соответственно себе и потребности, потребление и предметы потребления. Обеспечение предметами потребления оказывается *созиданием* этих предметов ради нужд потребляющего, т. е. *образование* предметов потребления есть в данном случае их *созидание, производство*. Следовательно, имеется *внутреннее единство потребностей, потребления не только с материалом, предметами потребления, но и с процессами, образования предметов потребления*. Вместе с тем, в рамках уже этого внутреннего единства потребления с производством само внутреннее единство существует как *расчлененное*. В самом деле, процесс обеспечения предметами потребления расчленяется: выделяется специальный процесс производства средств воздействия, он отделяется от процесса производства предметов потребления, вместе с тем выделяется как отличный от них процесс добычи предметов для осуществления этих процессов и научение подрастающего поколения всему этому. Главным моментом в форме IV служит процесс производства средств производства.

Главным же моментом во внутреннем единстве потребления и производства, как уже ясно из сказанного, оказывается производство, хотя оно и возникает и в конечном счете существует ради

потребления, а следовательно, определяется потреблением, подчиняется ему, тем не менее возникшее, сформировавшееся производство решающим образом формирует потребление соответственно самому себе.

До сих пор мы идем в общем и целом от потребления к производству, а поэтому нас интересует прежде всего и главным образом именно то, что производство совершается ради потребления, и мы здесь выделяем то обстоятельство, что потребление внутренне едино не только с предметами потребления, но и с процессом их образования (образование, созидание предметов потребления происходит именно ради потребления и в этом смысле подчиняется потреблению).

Потребление внутренне едино с предметами потребления, так как только в потреблении предмет становится действительным предметом потребления.

Потребление внутренне едино с процессом образования предметов потребления тогда, когда последний есть процесс созидания, производства предметов потребления, созидания ради потребления. Потребление в таком случае созидает производство двояким образом. Во-первых, «тем, что только в потреблении продукт становится действительным продуктом. Например, платье становится действительно платьем лишь тогда, когда его носят; дом, в котором не живут, фактически не является действительным домом. Таким образом, продукт, в отличие от простого предмета природы, проявляет себя как продукт, *становится* продуктом только в потреблении» [1, т. 46, ч. I, с. 27]. Во-вторых, «тем, что потребление создает потребность в *новом* производстве, стало быть, идеальный, внутренне побуждающий мотив производства, являющийся его предпосылкой. Потребление создает влечение к производству; оно создает также и тот предмет, который в качестве цели определяющим образом действует в процессе производства. И если ясно, что производство доставляет потреблению предмет в его внешней форме, то ... столь же ясно, что потребление *полагает* предмет производства *идеально*, как внутренний образ,

как потребность, как влечение и как цель. Оно создает предметы производства в их еще субъективной форме. Без потребности нет производства. Но именно потребление воспроизводит потребность» [там же, с. 28].

Мы здесь идем от рассмотрения потребления к рассмотрению производства и пока еще не характеризовали специально производство, а также созидание производством потребления. Для нас на таком пути важно охарактеризовать пока только то, что переход к производству совершается через *установление, обнаружение* внутреннего единства потребления с производством (и притом в определенной форме). Специальное же отображение этого внутреннего единства целесообразно дать в процессе и на основе рассмотрения производства самого по себе и воздействия производства на потребление.

В главе о простейшем отношении мы фактически начали отображение общества с собственно потребления, с потребления самого по себе, чтобы в следующей главе подойти к отображению производства. Но потребление само по себе «есть непосредственно также и производство, подобно тому как в природе потребление химических элементов и веществ есть производство растения. Что, например, в процессе питания, представляющем собой одну из форм потребления, человек производит свое собственное тело, — это ясно; но это же имеет силу и относительно всякого другого вида потребления, который с той или другой стороны, каждый в своем роде, производит человека. Это — потребительное производство» [там же, с. 27]. Сюда же относится и то, что «... естественный акт создания потомства представляет собой потребление жизненных сил» [там же, с. 26].

Итак, от производства жизни — своей и потомства, а также отношений по этому поводу, т. е., по сути дела, от *собственно потребления* (как простейшего отношения), мы переходим к *собственно производству*, т. е. к производству жизненных средств.

Этот переход совершается в процессе развития противоречия между живыми существами и окружающей их природной сре-

дой. В этой главе мы кратко рассмотрели основные формы этого противоречия, вплоть до той формы, в которой оно разрешается¹.

Уже в форме I имеется «предзародыш» определенного обратного воздействия на окружающую природную среду ради потребления: *избирательное* потребление веществ (сюда мы включаем в данном случае и выделение продуктов распада). В форме II обратное воздействие на окружающую природную среду совершается не только непосредственно самим потреблением, но и обособляется в относительно самостоятельный процесс обеспечения предметами потребления, а тем самым и предмет природы не просто потребляется, но подвергается воздействию до, вне непосредственного потребления. Следовательно, уже воздействие людей на природу при помощи только органов тела содержит в «зародыше» переход от потребления готовых предметов потребления к их производству. Но такое воздействие принципиально ограничено, оно

¹ Уже здесь следует сказать, что хотя переход к воздействию на процессы образования предметов потребления ради потребления есть разрешение противоречия между процессами образования предметов потребления и потреблением, однако это противоречие не может быть устранено полностью, оно поднимается на качественно более высокую ступень. Человек ради своего потребления *подчиняет* природу. Однако у природы, несмотря на ее «*подчинение*», имеется свой «характер», природное различие процессов создания предметов потребления и самого потребления не исчезает полностью. Напротив, рост и совершенствование *подчинения* человеком природы вместе с тем ведут к тому, что развивается, во все больших масштабах и глубине обнаруживается «сопротивление» природы разрушению протекающих в ней процессов, «сопротивление», все более затрудняющее поддержание биологического существования людей. Это «сопротивление» природы в конце концов вынуждает и вынудит перейти от «подчинения» к «равноправию», когда подчинение природы целям человека уравнивается деятельностью человека по сохранению и возобновлению природы, как она существует сама по себе, а также заставляет во все более возрастающей степени выходить за пределы земного обитания человечества.

От способности человечества сохранить устойчивость этого состояния будет в немалой мере зависеть сохранение неизменности его как биологического вида (рода).

имеет предел в строении органов тела. Это биологически определенный предел воздействия.

Гораздо более богатые возможности имеются в форме III (при воздействии на одни предметы, процессы природы при помощи других предметов, процессов природы, причем те и другие используются как данные природой в готовом виде). При этом в форме III использование органов тела остается необходимостью, ибо воздействие совершается ради потребления.

Форма III, как мы уже отмечали, промежуточная. Лишь в форме IV, когда средства воздействия, не представляющие собой органы тела, приобретают не только функциональное, но и морфологическое отличие от предметов, данных природой в готовом виде, и когда они преобразуют соответственно себе и потребности, потребление, с одной стороны, и предметы, становящиеся предметами потребления, с другой стороны, тогда само преобразование предметов потребления оказывается производством, которое совершается ради потребления.

И в этой форме остается необходимостью использование органов тела для приведения в движение средств воздействия, не

Если же в конце концов разрушение природных процессов, как они протекают сами по себе, не будет уравниваться их возобновлением в этом «первозданном» виде (нарушение такого «равновесия» будет, по нашему мнению, расти по мере исчерпания возможностей земной среды, включая и земную поверхность, и земные недра, и земную «оболочку»), то перед человечеством рано или поздно встанет дилемма: либо вымирание, либо изменение своей биологической природы. А так как по самой сути дела, какие бы усилия человечество ни прилагало, возобновление природных процессов в их совершенно «первозданном» виде невозможно, то люди в будущем встанут перед необходимостью и биологически приспособиться к новой среде. Длительное, постоянное проживание человека во внесемных, искусственно созданных условиях, на наш взгляд, как раз и приведет в конце концов к какому-то изменению биологии человека (расчеты на то, что искусственно созданная среда, образованная людьми вне сферы земного обитания, в полной мере будет совпадать с естественно возникшей средой, или, вернее, что воздействия той и другой среды на человека будут одинаковыми, на наш взгляд, вряд ли оправданы, влияния на человека искусственного и естественного никогда, по природе своей, не могут быть совершенно тождественными).

представляющих собой органы тела, ибо воздействие должно быть направленным, оно должно совершаться ради потребления¹. Правда, использование органов тела низводится до положения одного, и притом подчиненного, рода средств воздействия.

Взаимодействие человека с природой в специфически человеческой форме (форма IV) выступает здесь с двух сторон: со стороны участия в нем человека, использования органов его тела и со стороны внутреннего единства с потреблением, т. е. со стороны созидания предметов потребления, со стороны результата воздействия. С первой из названных сторон *одно и то же* взаимодействие человека с природой есть *труд*, со второй – *производство*. Это – одно и то же, но с разных сторон. Однако понятие «труд» может быть употреблено *и в более узком смысле*, как непосредственное использование органов тела человека в сравнении с используемыми человеком природными процессами, совершающимися без его непосредственного трудового участия. В последнем значении К. Маркс употреблял термин «труд», отличая его от термина «производство», когда писал о примерах перерывов рабочего времени: «Таким образом, во всех этих случаях время производства у авансированного капитала состоит из двух периодов: из первого периода, в течение которого капитал находится в процессе труда; и из второго периода, в течение которого форма существования капитала – форма еще неготового продукта, – предоставляется воздействию естественных процессов, не находясь при этом в процессе труда» [1, т. 24, с. 270]. Если в узком смысле слова эти естественные процессы не находятся при этом в процессе труда, то в широком смысле слова они все же включены в сферу труда.

В ходе изложения мы пришли к фиксации внутреннего единства процессов образования предметов потребления и самого потребления. Как такое единство образование предметов потребления есть *производство* предметов потребления. Причем произ-

¹ Человек с его органами тела остается *всегда* необходимым моментом, компонентом воздействия.

водство, будучи в конечном счете направлено на создание предметов потребления, само внутри себя расчленено (на добычу материала производства, производство средств производства, производство предметов потребления, производство человека как участника производства).

Теперь мы перейдем к специальному рассмотрению собственно производства, производства жизненных средств в его внутреннем и притом расчлененном единстве с потреблением.

Но предварительно еще одно соображение по поводу охарактеризованных форм обеспечения предметами потребления. Осуществление первых трех форм решающим образом зависит от окружающей природной среды. Осуществление формы IV решающим образом зависит от производства средств производства, а не от окружающей природной среды. Но природная среда и в форме IV, во-первых, остается необходимым условием производства, процесса обеспечения предметами потребления и потребления, во-вторых, в форме IV в снятом, преобразованном, подчиненном виде сохраняются отношения к окружающей природной среде, специфические для остальных форм, природная среда в снятом виде входит в производство, *а потому и постольку окружающая природная среда представляет собой фактор развития производства*, процесса обеспечения предметами потребления, хотя и не главный, не решающий в производстве самом по себе. Производство есть определенное *взаимодействие* человека и природы. Следовательно, не только человек воздействует на природу, но и природа воздействует на человека.

В формах I и II, поскольку они берутся как относительно самостоятельные, а не просто в их подчиненности форме IV, мы наблюдали преобладающее воздействие природы на человека. Форма III – промежуточная форма. В форме IV решающим, определяющим становится воздействие человека на природу, а воздействие природы на человека – подчиненным. Поэтому специальное рассмотрение формы IV – взаимодействия человека и природы – мы и начнем со стороны *воздействия человека на природу*. Взаи-

Структура общества

модействие же человека и природы со стороны участия в нем человека есть *труд*.

Глава 3 СУЩНОСТЬ ОБЩЕСТВА

§ 1. Труд и производство как процесс обмена веществ между человеком и природой

Процесс труда предполагает прежде всего телесную *потребность* в предмете потребления.

Труд вообще¹ включает следующие компоненты: человек как субъект труда, предмет труда, средства труда, результат, или продукт, труда. Взаимодействие этих компонентов и есть сам труд. Труд осуществляется в определенной форме, определенным способом. Это есть способ труда. Человек должен так привести в движение свои органы тела, использовать такие средства и такой предмет труда, чтобы получить требуемый, заранее известный результат. «В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действия и которой он должен подчинять свою волю» [1, т. 23, с. 189].

Марксова характеристика цели взята нами из той главы «Капитала», где К. Марксу, в соответствии с задачей его исследования, необходимо было проанализировать труд как *данный*. Если же дан либо какой-то процесс сформировавшегося труда, либо труд вообще, то можно сказать, что труд начинается с постановки цели, и это

¹ Определение «труда вообще» дано, как известно, К. Марксом [1, т. 23, с. 188–197].

будет совершенно справедливо. Цель выступает как предвосхищение результата в представлении, т. е. идеально; цель как закон определяет способ и характер труда. Но, как и всякую истину, это положение нельзя абсолютизировать. При абсолютизации же этой истины представляется, что сама цель дана изначально и что идеальное есть первичное по отношению к материальному, говоря менее категорично и в менее общем виде, что цель определяющим, решающим образом воздействует на процесс труда, сама будучи независимой или почти независимой от процесса труда, от остальных компонентов процесса труда, и во всяком случае, не представляя собой подчиненный момент процесса труда. Цель при этом предстает только с точки зрения ее воздействия на процесс труда и его компоненты, а воздействие процесса труда и остальных его компонентов на цель исчезает из поля зрения или недооценивается.

Если же мы рассмотрим труд вообще специально в связи с его происхождением, то тогда будет необходимо сказать о *взаимодействии* всех его компонентов.

В таком случае цель не только предшествует процессу труда и не только как закон определяет способ и характер труда, но она сама зависит от процесса труда, от остальных его компонентов. Более того, с диалектико-материалистической позиции именно процесс труда в конечном счете играет определяющую роль по отношению к цели, а не цель, не идеальное образование по отношению к процессу труда.

Цель, будучи предвосхищением результата данного процесса труда и определяя как закон его способ и характер, сама формируется именно в процессе формирования ранее совершившихся процессов труда и может быть поставлена именно в (осознаваемой или неосознаваемой) связи с ними. Имея в виду взаимодействие всех компонентов труда, следует сказать, что в возникающем труде вообще цель, целеполагание также лишь возникают и что то же верно для особой цели всякого особого нового процесса труда: особая цель этого особого нового процесса труда возникает и формируется окончательно вместе с возникно-

вением и формированием всех основных компонентов этого процесса труда. Имея в виду взаимодействие всех компонентов труда, мы утверждаем, что цель *действительно* есть цель, т. е. в полной мере оказывается целью, не просто тогда, когда в ней предвосхищается результат, когда она определяет как закон способ и характер труда, но тогда, когда она, будучи окончательно (для совершающегося процесса труда) скорректирована воздействием остальных компонентов труда, реализуется в результате труда. Если же в цели полностью предвосхищается результат процесса труда, то это значит, что совершающийся процесс труда полностью повторяет уже ранее совершившийся процесс труда. Следовательно, по нашему убеждению, цель в ее завершенном, вполне сформировавшемся виде, т. е. *вполне действительная* цель, есть цель, *реализованная* в результате процесса труда. Мы – подчеркиваем еще раз – имеем в виду взаимодействие цели с процессом труда и с остальными компонентами труда, а значит, воздействие не только цели на процесс труда и его остальные компоненты, но и воздействие процесса труда, его компонентов на цель, на предвосхищение результата в представлении, на действие цели в процессе труда. Цель, взятую в связи с действием на нее процесса труда и всех его компонентов, мы и называем *действительной* целью, в отличие от цели как возможности, возможной цели. Возможная цель – это цель как предвосхищение результата в представлении, цель как закон, определяющий способ и характер труда. Превращение цели из возможной в действительную представляет собой вместе с тем превращение цели в результат.

Действительная цель предполагает соответствующие средства, иначе она или не будет достигнута совсем или будет достигнута лишь частично. Действительная цель предполагает и соот-

¹ Нередко встречается неверное представление, будто предмет труда при рассмотрении труда выступает также и как средство. К. Маркс в «Капитале» отчетливо показал, что предмет труда есть средство с точки зрения *результата* взаимодействия человека и природы, но тогда предмет труда предстает как средство не труда, а *производства* [1, т. 23, с. 192]. Здесь же рассматриваем цель *труда*.

ветствующий предмет труда¹, иначе она также или не будет достигнута совсем, или будет достигнута лишь частично. Действительная цель предполагает наличие соответствующих трудовых умений, навыков и т. п. в обращении со средствами и предметами труда, иначе эта цель неосуществима или полностью, или частично, т. е. не есть действительная цель. *Действительная цель есть реализующаяся цель. Чисто идеальная цель есть фантазия, а не цель. Действительная цель есть такое идеальное, которое существует лишь как свое иное, лишь через свою противоположность, реальное; идеальное существует как идеальное постольку, поскольку оно осуществляется. Идеальное вне этого превращения есть лишь возможность (или абстрактная, т. е. возможность, для осуществления которой нет условий, или реальная, т. е. такая, для осуществления которой есть необходимые и достаточные условия).*

Действительная цель есть лишь цель, *реально* возможная и реально *осуществляемая*¹.

Цель есть прежде всего, если рассматривается труд. вообще, предвосхищение, представление предмета, который может удовлетворить биологическую потребность, до того, как эта потребность удовлетворена или начала удовлетворяться. Вместе с тем, собственно цель, развитая цель, т. е. специфически, собственно человеческая цель, необходимо предполагает также предвосхищение средств труда, предмета труда и способа труда.

Отмеченные выше формы (II, III, IV) воздействия человека на природу есть и три общеисторические формы образования труда, и три формы, которые проходит всякий новый процесс труда, и, следовательно, три формы образования цели. Потребность предшествует цели. Потребность – момент потребления. Будучи включен в трудовое, производительное отношение, этот момент процесса потребления трансформируется, превращается в цель. В

¹ Подобно тому как «только в потреблении продукт становится действительным продуктом» [1, т. 46, ч. I, с. 27], цель становится действительной целью лишь в ее реализации.

первом из отмеченных выше случаев цель (как только еще возникающая) предстает как предвосхищение того, что может удовлетворить потребность, и как констатация различия между предвосхищаемым предметом и условиями его образования. Если переформулировать это с точки зрения решения задачи, то тут обнаруживаются в приблизительном виде то, что следует найти, и возможные условия получения искомого. Во втором случае цель выступает также и как предвосхищение средств воздействия, но эти средства предстают главным образом как найденные готовыми, как данные. В третьем случае цель сформировывается окончательно, ибо и средства труда, и предмет преобразуются соответственно необходимости в получении данных предметов потребления, выявляется и способ труда, соответствующий цели.

Следовательно, собственно *цель сформировывается в развитии труда и функционирует во вполне развитом виде в повторяющемся процессе труда*. Но развитая цель не может предшествовать возникающему и формирующемуся процессу труда. *В повторяющемся процессе труда, при простом, неизменном возобновлении процесса труда цель в полной мере предшествует реальному труду. При возникновении, формировании, развитии процесса труда цель не полностью предшествует реальному труду, а возникает, формируется, развивается вместе с ним.*

Итак, если опираться только на рассмотрение повторяющегося, просто возобновляющегося в том же самом виде процесса труда и абсолютизировать это рассмотрение, то тогда с неизбежностью последует неверный вывод о том, что цель всегда в полной мере предшествует преобразованию и что цель как идеальное решающим образом воздействует на процесс труда. Если эта абсолютизация распространяется на весь исторический процесс, то она приводит к утверждению, будто вся история совершается с заранее, до ее совершения намеченной целью. Если эта абсолютизация распространяется на возникновение человека, то это приводит к утверждению, что сначала у человека возникла способность целеполагания, а затем уже происходило реальное преобразова-

ние природы. Если эта абсолютизация распространяется на образование нового процесса труда, то она приводит к утверждению возможности с самого начала полностью предвосхитить в цели образующийся новый процесс труда.

Кроме того, уже потому, что в реальной жизни общества труд никогда не сводится лишь к просто повторяющемуся процессу, невозможно абсолютно точное предвосхищение человечеством развития общества. Отсюда следует, что законы истории в той или иной мере всегда будут образовываться и действовать, не проходя через сознание людей.

Цель не существует вне связи с потребностью. Без потребности не может быть цели. Но потребность еще не есть цель. Цель необходимо предполагает соотнесение потребности с результатом труда, но не только с ним, а также с предметом, средством и способом труда. Цели как действительной цели нет вне этого единства.

Средство труда – то, *при помощи чего* человек воздействует на что-то другое определенным способом для достижения цели, создания предмета, способного удовлетворить потребности. Средство труда вне этого единства представляет собой просто предмет природы (а если он воздействует на другой предмет, то такое воздействие есть природное воздействие одного природного предмета на другой природный предмет).

Предмет труда – то, *на что* происходит воздействие при помощи средства труда определенным способом для достижения результата труда, создания предмета, способного удовлетворить потребности. Вне этого единства предмет труда оказывается просто предметом природы.

Способ труда – то, *как* происходит воздействие при помощи средств труда на предмет труда для достижения результата, осуществления цели, создания предмета, способного удовлетворить потребность.

Результат труда как именно результат – *то, что* создается трудом при помощи воздействия средств труда на предмет труда для осуществления цели, образования предмета, способного удовлетворить потребность.

Что касается потребности и труда, то потребность без труда существует, труд же без потребности существовать не может, ибо труд существует для создания предметов, способных удовлетворить потребности. Цель, средство труда, предмет труда, способ труда, результат труда друг без друга не существуют именно как таковые. Но они не только не существуют друг без друга, но и порождают друг друга. Изменение какого-либо из этих моментов приводит к соответствующему изменению других моментов – изменению, преломленному, разумеется, через их специфику. Эта специфика двоякая. Во-первых, специфика, закономерная для труда самого по себе, – это особое место, роль каждого момента в труде. Во-вторых, каждый из этих моментов (средство, предмет, способ, результат труда) существует всегда в каком-либо материале. То же, по нашему мнению, относится и к цели, поскольку она берется во взаимосвязи с другими компонентами труда и с процессом труда. Материал, в котором существуют моменты труда, есть нечто внешнее, случайное до отношению к ним и их внутренней связи.

Потребность вызывает необходимость в определенном предмете потребления. В цели предвосхищается предмет, способный удовлетворить потребность, как *созданный* предмет, т. е. предвосхищаются не только результат, но и предмет, и средства, и способ труда. Сам *процесс труда* есть применение соответствующих цели средств к соответствующему цели предмету труда соответствующим цели способом для получения соответствующего цели результата.

В самом процессе труда, по мере его реализации, все эти моменты так или иначе исчезают, за исключением результата. И в то же время, пока процесс труда не завершится, они существуют в их специфике. Что же касается результата, то он, напротив, еще не существует, поскольку процесс труда не завершился.

Цель действительно существует лишь в единстве с результатом, в единстве со своей реализацией. Но реализуясь, цель и сохраняется, поскольку ее реализация не завершилась, и исчезает, поскольку реализация уже произошла. По достижении результата труда *данного* процесса труда исчезает (до начала данного

процесса труда она имелась лишь в связи с ним как реальная возможность), она воплощается в его результате.

Средство труда также существует как средство труда до этого процесса труда как реальная возможность, т. е. лишь в связи с его будущим осуществлением, а в самом этом процессе труда средство труда потребляется. Поскольку образуется результат труда, постольку средство труда исчезает, превращается в результат. Поскольку возможности этих средств труда не исчерпаны в процессе труда, постольку они сохраняются в качестве средств труда.

Применительно к предмету труда верно то же самое. Предмет труда существует в качестве предмета труда лишь в связи с процессом труда, как реальная возможность, в самом процессе труда предмет труда реализуется в качестве предмета труда, потребляется, исчезает в результате.

Способ труда исчезает вместе с процессом труда постольку, поскольку *данный* процесс труда неповторим, индивидуально своеобразен. Способ труда также угасает в результате труда.

В результате угасают (становятся, так сказать, непосредственно не данными) цель, средство, предмет, способ труда.

Когда речь шла о том, что каждый из перечисленных моментов труда не существует без других и все они не существуют друг без друга, то, по сути дела, выделялась их внутренняя связь именно друг с другом.

С точки зрения *только внутренней связи* моментов труда, процесс труда предстает как следующие крайности. Во-первых, с точки зрения лишь внутренних связей моментов труда друг с другом (и, следовательно, при отвлечении от процесса удовлетворения телесных потребностей), результат труда с необходимостью есть полное исчезновение цели, средства, предмета, способа труда, т. е. данный процесс труда предстает как совершенно, абсолютно неповторимый, как абсолютно превращающийся в результат. Естественно, при этом невозможны никакие побочные, непревосхищенные в цели продукты, результаты труда, а также невозможны и никакие отходы процесса труда. Во-вторых, с точ-

ки зрения лишь внутренних связей моментов труда друг с другом, моменты труда взаимно полностью полагают друг друга, следовательно, полностью сохраняются своим единством и в своем единстве, т. е. данный процесс труда возобновляется в абсолютно том же самом виде, а значит, бесконечно. Если все моменты труда своим единством абсолютно, полностью полагают друг друга, то и результат труда вновь становится предметом абсолютно такого же труда, результатом которого он является. При этом так же, как и при первой крайности, невозможны никакие побочные, непредвосхищаемые результаты и никакие отходы процесса труда. Обе крайности имеют одну почву – *абсолютизацию отличия* труда, общества от природы.

Отсюда не следует, что выделение внутренней связи моментов труда в чистом виде есть такая абсолютизация. К самой этой связи мы подошли через рассмотрение потребности, потребления, предмета, способного удовлетворить потребность.

Труд невозможен без потребности, но потребность есть нечто *внешнее* по отношению к внутренним моментам труда. *Потребность, лишь превращаясь в цель, становится внутренним моментом труда.* Потребность предшествует труду. Труд вызывается к жизни прежде всего жизненно необходимыми потребностями¹. Результаты труда должны быть прежде всего предметами, способными удовлетворить именно такие потребности. Цикл, в начале которого стоят жизненно необходимые потребности человека, опосредствуется трудом и завершается потреблением продуктов.

Для полного возобновления этого цикла в том же самом виде необходимо, чтобы удовлетворение жизненно необходимой потребности при помощи продукта труда было вместе с тем возобнове-

¹ Конечно, потребности не сводятся только к потребностям в поддержании жизни индивидов и рода. Но, тем не менее, образуется труд все-таки прежде всего ради удовлетворения таких потребностей; эти потребности, их связь с трудом и при логическом рассмотрении должны быть отображены прежде рассмотрения других потребностей и их связи с трудом.

нием в том же самом виде и потребности, и средства, и предмета, и способа труда.

Сам этот цикл своим собственным совершением возобновляет лишь жизненно необходимую потребность (потребление живым существом предмета, удовлетворяющего его необходимую жизненную потребность, есть поддержание жизни и, следовательно, возобновление этой потребности). Мы пока отвлекаемся от изменения, которое вносит этот цикл в возобновление жизненно необходимой потребности. Остальные же моменты цикла самим совершением этого цикла не воспроизводятся. Ни потреблением продукта труда, предназначенного для удовлетворения жизненно необходимой потребности, ни процессом труда, ведущим к этому продукту, средства, предмет, способ труда и цель (поскольку ее существование зависит от них) не воспроизводятся.

Между тем самовозобновление жизненно необходимых потребностей, необходимость поддержания жизни индивида и рода, требует – при вышеотмеченных условиях – *возобновления, повторения* процесса труда. Именно при переходе к рассмотрению возобновления, повторения процесса труда он выступает как *целый цикл* по отношению к *другому* циклу, т. е. процесс труда выступает теперь прежде всего со стороны своей целостности и притом в связи с необходимостью удовлетворения возобновляющихся жизненно необходимых потребностей. Поэтому труд как целое при рассмотрении его возобновления, простого повторения, предстает как средство для удовлетворения жизненно необходимых потребностей, а жизненно необходимые потребности приобретают качество цели процесса труда как просто повторяющегося целого. Следовательно, при этом *социальное выступает пока подчиненным моментом биологического*, животного существования человека и человеческого рода.

При переходе к рассмотрению процесса труда *в его возобновлении* (в единстве с процессом удовлетворения жизненно необходимых потребностей) обнаруживается также необходимость *специального различия* между биологическим отношением и тру-

дом, между биологическим и социальным в отношении человека к природе. Жизненно необходимая потребность самовозобновляется процессом потребления предмета, ее удовлетворяющего. Компоненты, моменты труда самим этим процессом труда не возобновляются. Эта различная роль потребности и моментов труда в труде как *повторяющемся* процессе вызывает и необходимость специального рассмотрения различия между внутренним и внешним в самом труде.

Средство труда как компонент, момент труда есть внутренне присущее труду. Но средство труда исчезает в результате труда и не возобновляется самим этим процессом труда потому, что оно представляет собой трансформированное *природное* тело, что материалом для средства труда в конечном счете служит нечто *природное, внешнее* по отношению к самим внутренним связям труда, а также и к жизненно необходимым потребностям.

Предмет труда как момент труда также внутренне присущ труду и без труда не существует. Но предмет труда исчезает в результате труда и не возобновляется самим *этим* процессом труда потому, что он есть включенное в процесс труда тело природы, т. е. включенное в процесс труда нечто *внешнее* по отношению к этому процессу труда.

Цель труда также постольку не возобновляется самим тем процессом труда, в котором она осуществляется, поскольку она в своей определенности находится в единстве с определенными средствами и предметом труда. Она не возобновляется потому, что цель человека есть особое свойство человека, свойство, образующееся благодаря труду и отличное от тех жизненно необходимых потребностей, условием, средством удовлетворения которых оно служит.

То же верно и по отношению к способу и продукту труда.

Возобновление средства и предмета труда при повторении процесса труда происходит путем включения новых, до этого не включавшихся в процесс труда тел, процессов, предметов природы того же (в простейшем случае) качества и количества, что использовались в предшествующем процессе труда.

Возобновление цели труда происходит при повторении процесса труда, так как цель есть трудовое свойство *человека*, его жизненно необходимых потребностей, и отдельно от процесса труда не существует. Цель как предвосхищение результата в *представлении* есть психическое образование, определенное функционированием организма. А потому цель, целеполагание зависят от природных задатков человека, решающим же, главным в целеполагании, в образовании и функционировании цели является труд.

Следовательно, с точки зрения *повторения* процесса труда, труда как *возобновляющегося* в том же виде, и притом процесса труда, взятого в единстве с процессом удовлетворения жизненно необходимых потребностей, жизненно необходимая потребность выступает как самовозобновляющаяся, средство и предмет труда – как возобновляющиеся под действием самовозобновляющейся жизненно необходимой потребности при возможности черпать из природы все новые количества тех же самых материалов для средства и предмета труда. Цель в процессе труда, с точки зрения «участия» в ней природного «материала» человека, есть психическое образование, определенное функционирование органов тела человека.

При рассмотрении процесса труда в его повторении, возобновлении в том же самом виде, появляется необходимость в *специальном различении личного и вещного факторов в труде*: человека с его трудовыми качествами, с одной стороны, и средств и предметов труда, с другой стороны. Личные и вещные факторы труда играют разную роль в *возобновлении* труда.

Что же диктует необходимость повторения, возобновления процесса труда при выделенных условиях? Жизненно необходимая потребность. Из всех моментов рассмотренного цикла именно жизненно необходимая потребность возобновляется вместе с возобновлением жизни, возобновляется самим процессом потребления. Необходимость удовлетворения тех же самых самовозобновляющихся жизненно необходимых потребностей и вызывает повторяемость, возобновление процесса труда.

Первоначально, в простой форме, жизненно необходимая потребность удовлетворяется предметом потребления, данным природой в готовом виде. Если эта потребность при определенных условиях вызывает к жизни процесс труда, если она или количественно или качественно не может быть удовлетворена данными природой в готовом виде предметами потребления, то продукты труда, удовлетворяющие эту потребность, неизбежно отличаются от того, что дано в готовом виде природой, по крайней мере количественно.

Простое дальнейшее повторение этого одного и того же процесса труда, дающего один и тот же вид продукта в одном и том же количестве, ведет к совершенствованию этого процесса труда. Ведь один и тот же природный материал, используемый для средств и предметов труда, никогда не может быть совершенно однороден, его свойства колеблются в тех или иных границах. Поэтому необходимость в постоянном повторении одного и того же процесса труда ведет к стремлению найти возможно более однородный природный материал для средств и предметов труда. Поскольку средства труда служат для обработки не одного, а многих предметов труда, постольку их форма, материал более устойчивы, чем форма, материал предметов труда. Поэтому однородность материала предметов труда – при отмеченном условии – имеет меньшее значение, чем однородность материала и устойчивость форм средств труда. Следовательно, при наличии данного рода природного материала для предметов труда при повторении одного и того же процесса труда, во-первых, происходит выделение устойчивых свойств природного материала данного рода для средств труда и устойчивых свойств материалов данного рода для предметов труда; во-вторых, прежде всего средства труда из данного рода природного материала приобретают устойчивую, универсальную форму, все более превращаясь в искусственно созданные средства труда.

Таким образом, природный материал и форма предметов труда более изменчивы (если исходить из самого существа различия между по крайней мере механическими средствами и предметами

труда), чем природный материал и форма средств труда. Но устойчивое в этой изменчивости закрепляется для последующих процессов труда прежде всего в средстве труда, сначала в изменении его функции, а затем и в изменении формы.

Наиболее вероятно (с точки зрения существа отношения средств и предметов труда друг к другу) изменчивость природного материала предметов труда данного процесса труда. Поэтому наиболее вероятно возникновение новых сведений, умений, навыков и т. п. при использовании прежних, имеющихся налицо средств труда для воздействия на изменившийся материал того же рода предмета труда. Но общее, универсальное закрепляется, делается устойчивым тогда, когда закрепляется в универсализированной для данного процесса труда форме средств труда. Это закрепление приводит к тому, что создание такого рода продуктов приобретает устойчивость в количественном отношении, а самый продукт получает устойчиво повторяющуюся форму.

Итак, сначала средство труда дано так или иначе в готовом виде. Оно применяется к определенному роду предметов. Материал предметов изменяется в пределах данного рода. В связи с этим изменяются, соответственно, и функции данного средства труда. Накапливаются знания, сведения о свойствах этого рода предметов труда, о колебаниях и том устойчивом, что сохраняется при наличии колебаний этих свойств, а также умения, навыки действия данным средством труда при изменяющихся свойствах данного рода предметов труда, сведения о свойствах данного средства труда. Все эти умения, навыки, сведения приобретаются в процессе применения данного средства труда к предметам данного рода с вариативным природным материалом. Соответственно изменяется средство труда, все более универсализируясь для обработки предметов данного рода в данный продукт.

Приобретение средством труда универсальной формы для обработки данного рода предметов труда, а значит, изменение не только по функции, но и по форме взятого в готовом виде средства труда, изменение формы, которое делает данное средство труда

универсальным для обработки данного рода предметов в данный продукт, есть *зрелость* данного процесса труда. Полностью зрелость данного процесса труда завершается, во-первых, тогда, когда *применение* средства труда, универсального для данного повторяющегося процесса труда, приводит к окончательному закреплению умений, навыков использования универсального средства труда для создания строго устойчивого, повторяющегося продукта труда из изменчивых предметов труда данного рода, когда знания об универсальном, общем для данного процесса труда фиксируются в устойчивой форме; во-вторых, тогда, когда предмет труда данного рода предварительно обрабатывается для придания ему однородности, устойчивости, меньшей изменчивости в качестве предмета труда.

Таким образом, повторение, возобновление одного и того же процесса труда ведет к его созреванию, вызываемому самим его возобновлением. Его возобновление вызывается необходимостью удовлетворять самовозобновляющиеся жизненно необходимые потребности.

Созревание же процесса труда по своей сути, как следует из сказанного выше, есть вместе с тем его *расчленение*.

Для потребления данных природой в готовом виде предметов потребления их надо достать, найти, собрать и т. п., *вообще добыть*. Для получения предметов потребления при помощи данных природой в готовом виде средств труда надо добыть и средства труда, и предметы труда. *Добыча* материала для средств и предметов труда сохраняется и в зрелом процессе труда. Но помимо этого в нем выделяются обработка, создание средств труда и создание предметов потребления при помощи созданных средств труда. При вполне зрелом процессе труда имеет место также предварительная обработка предмета труда для придания ему однородности, вообще нужных свойств. При повторении, возобновлении процесса труда он сталкивается с пределом возобновления жизни индивида, в связи с этим возникает необходимость – для постоян-

ства повторения, возобновления труда – передачи сведений, умений, навыков новым индивидам, подключающимся к труду.

Различие процессов труда (помимо различия, вытекающего из внутренних связей самого труда) зависит также от определяемой строением тела расчлененности жизненно необходимых потребностей (например, производство пищи как особый вид производства). Кроме того, различие процессов труда зависит от рода природного материала предметов и средств труда (например, производство животной и растительной пищи). Зависимость процессов труда от рода природного материала и от совокупности жизненно необходимых потребностей, обусловленной строением тела, есть различие процессов труда, вызванное воздействием внешнего на внутреннее, на процесс труда.

Таким образом, процесс труда, взятый в его возобновлении, повторении, предстает как обособляющийся на различные процессы труда вследствие, во-первых, своих внутренних связей, во-вторых, обусловленной строением организма расчлененности потребностей, в-третьих, различия разных родов природного материала предметов и средств труда.

Что касается третьего, то более подробная его характеристика целесообразна при историческом рассмотрении, ибо то, каково именно различие родов природного материала предметов и средств труда, есть нечто случайное по отношению к самому по себе процессу труда вообще.

Что касается второго, то оно относится к созданию разного рода предметов потребления. Обусловленные этой расчлененностью жизненно необходимых потребностей различия процессов труда есть (как и третье) внешнее по отношению к самому по себе процессу труда.

Что же касается первого, то это расчленение процесса труда, обусловленное самим возобновлением, повторением процесса труда. Применительно к современной промышленности это разделение на добывающую и обрабатывающую промышленность, производство средств производства, производство предметов

потребления, подготовку кадров. Естественно, пока имеет место возобновление труда, будут существовать и различия, вызываемые самим его возобновлением.

Универсализация средств труда для создания продуктов определенного рода из соответствующего рода предметов труда *есть по своей сути, вместе с тем, и дифференцирование* этих средств труда от средств труда, служащих для создания других родов продуктов. Ибо чем больше выделяется общее именно данного рода, тем больше этот род отличается от других родов. Общее существует через различие (точно так же, как различие возможно лишь при наличии общего).

Возобновление, повторение процесса труда с необходимостью приводит одновременно ко все большему единству, «прилаженности» друг к другу различных моментов труда. В цели с повторением данного процесса труда все более точно предвосхищаются результат, а также средства, предмет и способ труда, требующиеся для его получения. Средство труда все более совершенствуется, приспособляется к данному процессу труда. То же верно и для других моментов процесса труда.

Но вместе с установлением все большего единства моментов процесса труда происходит и все большее вычленение, отделение моментов труда друг от друга. Вообще установление связи осуществляется через свою противоположность, через вычленение взаимосвязанных моментов. Действительно, чем более точно в цели предвосхищаются результат труда, соответствующие ему средства, предмет, способ труда, тем больше отчленяется результат от средств, предмета, способа труда, тем больше вычленяется то, *что* предвосхищается, от самого предвосхищения и т. д. То же верно и относительно других моментов труда. Чем совершеннее данный процесс труда, тем труднее, при прочих равных условиях, овладеть каждым из его компонентов в отдельности, тем более сложно и важно уловить их взаимосвязь. Вычленение моментов процесса труда, совершающееся вместе с углублением их единства, *есть собственно внутренняя дифференциация* процесса труда.

Итак, что же заставляет возобновлять, повторять процесс труда и что создается простым повторением процесса труда?

Возобновлять процесс труда вынуждает прежде всего необходимость поддержания жизни людей, т. е. самовозобновление их биологических, телесных потребностей. Биологические, телесные потребности, самовозобновляясь в процессе потребления продуктов труда, требуют и возобновления этих продуктов, а значит, и возобновления труда.

Труд в таком случае совершается ради удовлетворения телесных потребностей, ради поддержания физического существования, т. е. служит *средством* для поддержания физического существования, для удовлетворения телесных потребностей.

Что же происходит с трудом в процессе его повторения, т. е. при простом его возобновлении?

Если телесная потребность удовлетворяется при помощи продукта труда, то произведенные предметы потребления отличаются от предметов потребления, данных природой в готовом виде, количественно, по крайней мере. Удовлетворение телесной потребности при помощи продукта труда, производства означает, что удовлетворение телесной потребности *опосредствовано* наличием цели, других трудовых качеств человека, наличием средства и предмета труда.

При возобновлении, повторении данного процесса труда происходит потребление средств и предметов труда, а также трудовых сил человека. При все новом и новом возобновлении, повторении данного процесса труда, т. е. при непрерывном, постоянном, совершающемся устойчиво повторении данного процесса труда, расходуется, исчезает данный предмет труда. Предмет труда должен поступать извне данного процесса труда, а в этом процессе труда он превращается в продукт труда (что есть необходимость для процесса труда) и в отходы труда (что происходит не всегда). Извне данного процесса труда должны поступать и средства труда. В самом простом случае и предмет труда, и средство труда имеются вне данного процесса труда в природе в готовом виде.

При достаточно длительном и многократном повторении данного процесса труда оказывается израсходованной и сила труда данного человека. Тогда требуется вступление в процесс труда нового человека. Здесь повторение данного процесса труда наталкивается на ограниченность продолжительности жизни отдельного человека и расходования его трудовых сил. И дальнейшее повторение данного процесса труда предполагает как свое необходимое условие продолжение рода человека.

По мере того, как данный процесс труда продолжает повторяться, выделяются некоторые общие, устойчивые свойства, качества применяемых в нем средств и предметов труда, а также и трудовых качеств человека. Средство труда, соответственно, изменяется, универсализируется, сначала изменяются функции, а затем и формы, строение делается более устойчивыми, приспособленными к совершению именно данного процесса труда. Соответственно растет необходимость в однородном предмете труда, в придании предмету труда до его вступления в данный процесс труда в качестве предмета труда устойчивой однородности, одинаковости (например, выплавка железа определенного качества). Соответственно и в человеке, совершающем данный процесс труда, вырабатываются некоторые трудовые качества, универсализированные, обобщенные, устойчивые в рамках данного процесса труда.

При достаточно устойчивом повторении данный процесс создания при помощи труда определенного предмета потребления, удовлетворяющего биологическую потребность, приводит к образованию процессов труда, в которых создаются средства труда, предметы труда и люди труда. Само повторение данного процесса создания при помощи труда предметов потребления приводит к усложнению и расчленению труда на труд по созданию предметов потребления и труд по созданию средств и предметов труда, а также на труд по подготовке человека труда.

Усложнение и рост труда рано или поздно наталкиваются на ограниченность сил отдельного человека, приводят к разделению труда.

Возобновление, повторение данного процесса труда вызывается, во-первых, необходимостью поддержания жизни данного индивида, во-вторых, продолжением жизни рода. Чем больше число индивидов нового поколения по сравнению с числом индивидов прежнего поколения, тем – при прочих равных условиях – больше должно быть число одновременно совершающихся процессов данного труда. Пределы повторения процесса труда заключены, с одной стороны, в человеке (в продолжительности трудовой части жизни индивида и числе индивидов), с другой стороны – в природе. Количество природного материала данного рода служащего исходным материалом для средств и предметов труда, не бесконечно, а потому простое повторение данного процесса труда приводит к исчерпанию прежнего природного материала для средств и предметов труда. Тем самым создается необходимость в *переходе к иному* процессу труда. Предел же, заключающийся в человеке, в отмеченном выше значении, *непосредственно* при повторении данного процесса труда не ведет к иному процессу труда.

Простое повторение данного процесса труда, производства предметов потребления ведет к расчленению процесса труда, к образованию различных видов труда и, в конце концов, к переходу данного процесса труда в иной процесс труда.

Мы рассматривали процесс труда как средство для удовлетворения биологической потребности. Но биологическая потребность не одна, существуют различные биологические потребности. Различие биологических потребностей зависит прежде всего от строения тела человека и от данного природой различия предметов потребления.

Различные биологические потребности удовлетворяются различными предметами потребления. Невозможность удовлетворения биологических потребностей одними и теми же предметами потребления может определяться качественным различием самих биологических потребностей. Например, потребность в сохранении более или менее постоянной внешней температуры в пределах, при которых человек может существовать длительно,

обеспечивается одеждой, обувью, жильем, а потребность в пище – предметами питания.

Разнообразие процессов труда в таком случае зависит от разнообразия качественно различных биологических потребностей.

Одна и та же биологическая потребность может удовлетворяться различными предметами потребления. Прежде всего и главным образом разнообразие предметов потребления, удовлетворяющих одну и ту же потребность, определяется разнообразием природных материалов, из которых состоят предметы и средства труда. Например, производство предметов потребления растительного и животного происхождения (внутри этих больших подразделений могут быть мелкие; так, в производство предметов потребления животного происхождения входят производство мяса, выделка шкур, производство молока и т. д.) или производство средств труда из камня, различных металлов и т. д.

То, что одна и та же биологическая потребность может удовлетворяться различными предметами потребления, не вытекает необходимо ни из биологической потребности самой по себе, ни из компонентов труда, их внутренней связи, а определяется разнообразием внешних по отношению к человеку природных условий. Поэтому поскольку различие процессов труда зависит от природного разнообразия, постольку наличие *различных* процессов труда вызывается внешними, случайными по отношению к труду причинами. Разнообразие же видов труда, поскольку оно зависит от разнообразия биологических потребностей, есть уже не чисто внешнее по отношению к труду, а зависимое от разнообразия того, для чего труд служит средством.

Рассматривая простейшее отношение общества через призму процесса труда, можно также сказать, что разнообразие биологических потребностей преломляется в разнообразии различных процессов труда (хотя разнообразие процессов труда зависит не только от разнообразия биологических потребностей), что усложнение и рост процессов труда, наталкиваясь на пределы возможностей индивидов как живых существ, приводит к разделе-

нию труда по индивидуальным качествам, по качествам, которыми различаются мужчины, женщины, дети, старики. Повторение данных процессов труда в конце концов достигает предела продолжительности трудовой жизни отдельного индивида. Продолжение жизни рода требует включения во всякий данный необходимый процесс труда новых индивидов. Сформировавшийся процесс труда не совершается без наличия в том или ином отношении универсализированных, обобщенных, устойчивых трудовых качеств. Следовательно, необходима особая подготовка новых индивидов к труду, передача им, воспитание у них трудовых качеств, требующихся для совершения данных процессов труда.

Таким образом, разнообразие процессов труда зависит от разнообразия природных условий, от разнообразия природного материала предметов и средств труда, от строения необходимых биологических потребностей, от индивидуальных качеств людей, от их различий по полу и возрасту, а также от различий, вытекающих из внутренней природы, специфики компонентов труда и их внутренней взаимосвязи, т. е. из совершения самого процесса труда.

Повторение процесса труда по созданию предметов потребления приводит к образованию также и труда по созданию средств труда, труда по созданию предметов труда, труда по созданию человека труда, т. е. вызывает к жизни *многообразие различных видов труда*. Отмеченное здесь многообразие порождается *внутренними* связями самого процесса труда. Это многообразие различных видов труда вырастает вследствие того, что и человек труда, и средство, и предмет труда изменяются самим процессом труда соответственно ему; средство и предмет труда уже не просто даны природой в готовом виде, а изменены процессом труда, человек труда также приобретает трудовые качества, закрепляемые и в функциях, и даже в строении его биологических органов. Следовательно, *процесс труда* преобразует на свой лад все компоненты труда, а значит, *создает адекватную себе основу, т. е. сформировывается, созревает*.

Отмеченное многообразие видов труда (процессы труда по созданию предметов потребления, средств и предметов труда, человека труда) есть многообразие зрелого труда. В незрелом, возникающем труде нет этого многообразия, а есть создание предметов потребления при природных средствах и предметах труда и человеку как таковом, который может участвовать в труде без особой подготовки.

Созревание процесса труда есть преобразование соответственно процессу труда всех его компонентов, в том числе и человека. В зрелом процессе труда труд «отпечатывается» в человеке не только функционально, но и морфологически, и в этом отношении образуется, так сказать, телесная *трудовая* потребность, т. е. потребность в труде *здорового человеческого* организма.

Пока труд не созрел, он служит главным образом *средством* для удовлетворения внешних по отношению к нему телесных потребностей. Источник возобновления, повторения труда лежит вне самого труда, есть *внешний* по отношению к самому труду *источник движения труда*. Это источник не только повторения, но и расширения, развития труда, производства. Но, во-первых, это источник расширения во вполне определенных пределах: он диктует развитие труда до тех пор, пока индивиды не смогут обеспечить себя в конечном счете таким количеством предметов потребления, которое необходимо для максимального удовлетворения биологических потребностей (такой природный максимум есть у каждой телесной потребности); по достижении указанного максимума он превращается в источник повторения производства в том же самом объеме (естественно, при неизменной численности населения); *развитие* труда по достижении упомянутого максимума будет диктоваться уже ростом численности населения. Во-вторых, по своей сути этот источник необходимо предполагает *количественное* расширение труда (вплоть до достижения упомянутого максимума), но не предполагает с необходимостью *качественного* изменения труда. Качественное изменение труда вызывается этим источником негативно, а не позитивно: если для

удовлетворения биологических потребностей количественного изменения труда *недостаточно*, если количественное изменение труда сталкивается с внешними пределами (например, недостаточностью природного материала для данного рода предметов труда), то происходит качественное изменение. Центр тяжести при таком источнике движения труда лежит в количественном изменении труда, а качественное изменение занимает подчиненное положение.

Когда же труд созревает и, следовательно, человек труда изменяется не только функционально, но и *морфологически*, соответственно процессу труда, тогда, по нашему мнению, образуется потребность нормального, здорового человеческого организма в совершении самого процесса труда. Строение организма определяет возможности его функционирования и обуславливает потребность в реализации этих возможностей. Поскольку строение организма человека, и прежде всего его рук и мозга, специфично по сравнению со строением организма животных, постольку существует природная потребность в реализации этих специфических возможностей. Однако тут мы имеем дело не с чисто природной потребностью, а с потребностью, образующей внутренний момент социального, момент, не существующий вне внутреннего единства с социальным, однако и не сводимый полностью к социальному. Известно, что человеческий индивид, попавший в животную среду в раннем возрасте, остается на уровне животного развития, у него не реализуются возможности, вытекающие из специфики строения человеческого организма. Специфически человеческие потребности, в том числе и потребность в труде, при этом не формируются. Следовательно, потребность в труде *не есть* *сугубо биологическая* потребность. Вместе с тем, самые высокоразвитые животные при совершеннейшем обучении и воспитании не могут сравниться с людьми по своему развитию. Это свидетельствует о том, что способность человека к труду и его потребность в труде имеют *также биологическую природную основу*. Потребность в труде, поскольку благодаря ей реализуются возможности,

обусловленные специфическим строением организма человека, имеет «телесную, природную сторону», есть потребность в специфически человеческом функционировании организма человека, или, иначе говоря, потребность в реализации специфически человеческих природных задатков.

Все рассматривавшиеся выше жизненно необходимые потребности внешни труду. Здесь существенно лишь удовлетворение таких потребностей, оно может быть достигнуто и трудом, и добычей предметов потребления, данных в готовом виде природой. Напротив, реализация специфически человеческих природных задатков может быть осуществлена лишь в труде и никак иначе. Потребность в специфически человеческом функционировании организма человека, главным образом рук и мозга, есть потребность организма человека, внутренне единая с самим трудом, не существующая и не реализующаяся вне труда. Хотя труд, как следует уже из существования его в качестве средства для поддержания физического существования человека, далеко не всегда может быть реализацией, совершенствованием, развитием специфически человеческих природных задатков, в процессе труда могут и разрушаться, уродоваться эти задатки.

Поскольку в процессе труда уродуются, разрушаются природные задатки человека, постольку такой труд не может быть потребностью. Труд является потребностью, если он реализует, совершенствует, развивает природные задатки человека. Такой труд, с одной стороны, есть труд ради совершенствования, развития специфически человеческих природных задатков, с другой стороны и вместе с тем, этот труд есть реализация потребности в труде. Но если предметом потребности служит сам труд и удовлетворение потребности в труде есть процесс труда, то такой труд оказывается самоцелью, трудом ради труда. (Предваряя последующее изложение, заметим, что труд ради труда – это превращение труда в нечто иное.) Итак, если труд реализует, совершенствует, развивает специфически человеческие природные задатки, если труд совершается ради реализации, совершенствования этих за-

датков, то такой труд есть, вместе с тем, труд ради труда. Человек не чужд такому труду, а внутренне един с ним, такой труд – это не чуждый человеку труд, а его собственный труд, труд как «органическая» для него жизнедеятельность. Труд, который есть потребность, не служит просто средством для человека, а представляет собой его собственную жизнедеятельность особого рода.

Доминирование труда как средства характерно для возникающего и формирующегося труда, труд как потребность при этом необходимо существует, но в качестве подчиненного момента. В исторически сформировавшемся труде доминирует труд как потребность, труд как средство остается, но низводится на роль подчиненного момента, необходимого условия. Потребность в труде – это потребность в возобновлении труда. Количественное изменение (количественная сторона труда, количество предметов потребления) остается необходимым условием, но перестает быть главным в труде. Сначала на первый план выходит качество предметов потребления, а затем (или одновременно?) качество самого труда. Труд ради удовлетворения жизненно необходимых, телесных потребностей и труд ради удовлетворения потребности в труде, с одной стороны, в общем и целом не существуют друг без друга (реально не существует труд как средство поддержания биологического существования и труд ради удовлетворения потребности в труде в полном отрыве друг от друга), а с другой стороны, цели того и другого труда внешни друг другу, полное совпадение того и другого труда может быть, а может и не быть, из сути того и другого труда не вытекает необходимость их полного совпадения. Таким образом, труд как средство поддержания биологического существования и труд как потребность и едины, и *противоречат* друг другу. Противоречие между ними имеет место и тогда, когда доминирует труд ради поддержания биологического существования, и тогда, когда доминирует труд ради потребности в труде, хотя в том и другом случаях имеются качественно различные стадии противоречия.

Противоречив и труд, осуществляемый ради потребности в труде. С одной стороны, труд как потребность имеет место лишь тогда, когда он соответствует природным задаткам человека, а если труд уродует, калечит природные задатки человека, то он не может быть потребностью. С другой стороны, труд, происходящий ради потребности в труде, есть труд ради труда, труд как самоцель. Но труд как самоцель есть нечто совершающееся объективно, само по себе, а значит, нечто независимое от человека, от его природных задатков. Совершенствование, развитие природных задатков человека не имело бы места, если бы труд не был чем-то не только соответствующим природным задаткам человека, но также и чем-то таким, для совершения чего необходимо изменение этих задатков, т. е. также чем-то в определенной мере независимым от природных задатков человека.

Если труд совершается ради потребности в труде, то труд как средство для удовлетворения жизненно необходимых потребностей остается неизбежным, хотя и подчиненным, моментом. Потребность в труде есть потребность в возобновлении труда. Поскольку труд совершается ради удовлетворения жизненно необходимых потребностей, качество продуктов труда и качество самого труда по преимуществу даны с данностью биологических потребностей, а развитие труда и его продуктов выступает в виде изменения количества предметов потребления, на первом плане в развитии труда стоит достижение максимума удовлетворения, количественного насыщения необходимых биологических потребностей (следовательно, потребностей, по своей сути не изменяющихся, пока существенно не изменяется человек как представитель определенного биологического рода). Качественное изменение труда и его продуктов хотя и происходит, но как в общем и целом подчиненное количественному изменению. Если же труд совершается ради потребности в труде, то труд как средство для удовлетворения телесных потребностей остается необходимостью, хотя и подчиненной труду ради потребности в труде. На первый план в

развитии труда выдвигается *качество* труда, его качественное изменение, а количество труда оказывается подчиненным моментом.

Почему потребность в труде, в отличие от отношения к труду как средству для удовлетворения биологических потребностей, связана преимущественно с качеством труда, а не с количеством? Потребность в труде имеет своим предметом потребления труд. Потребление как реализация потребности в труде есть главным образом сам процесс труда, а не его результат¹. Труд из потребности в труде уже есть не только средство, но и самоцель, а вместе с тем процесс, совершающийся ради реализации трудовых качеств человека. Но при постоянном использовании трудовые качества человека совершенствуются, развиваются. Труд ради потребности в труде есть тем самым труд ради использования, совершенствования, развития трудовых качеств человека.

Потребность в труде, во-первых, зависит от организма человека, а во-вторых, от самого процесса труда. Что касается первого, то труд должен соответствовать возможностям организма, т. е. не быть чрезмерно утомительным, он должен также активизировать все органы и системы человека, способные участвовать в труде, быть разнообразным, по своим природным качествам человек должен быть способен к успешному выполнению этих процессов труда без чрезмерного напряжения сил своего организма. Развитие потребности в труде со стороны возможностей организма имеет свои биологические, телесные пределы.

Что же касается второго, то развитие потребности в труде происходит путем развития, совершенствования процесса труда;

¹ Если изолировать последнее утверждение, оторвав его от контекста, то может возникнуть вопрос: Вы что же, пишете о счастливом Сизифе? Сизиф в греческой мифологии – царь Коринфа, осужденный богами вечно вкатывать на гору камень, который, достигнув вершины, скатывался обратно. «Сизифов труд» – вынужденная, совершаемая в соответствии с чуждой внешней необходимостью, бесплодная работа. Мы же пишем здесь о труде как внутренней необходимости, не бесплодной, а развивающей силы человека, удовлетворяющей его потребность в развивающем его труде.

сам процесс труда не ставит пределов своему развитию. Развитие процесса труда может происходить путем совершенствования существующего процесса труда и путем перехода к иному (при прогрессивном изменении к более развитому) процессу труда.

Совершенствование уже существующего процесса труда и переход к иному, новому процессу труда, с точки зрения роли человека, есть творчество, такой труд есть творческий труд. Совершенство есть красота. Творчество по своей сути – совершенствование. По нашему мнению, всякий творческий труд есть труд по законам красоты. Главной, наиболее характерной чертой труда, совершающегося ради потребности в труде, есть творчество по законам красоты. Мера труда, его разнообразие есть необходимые, но не главные черты труда ради потребности в труде.

Итак, поскольку труд есть средство для удовлетворения биологических потребностей, постольку эти потребности берутся как данные, процесс труда выступает преимущественно как *повторяющийся*, а изменение процесса труда – по преимуществу, как *количественное* изменение; поскольку же труд совершается ради потребности в труде, постольку потребность оказывается потребностью, созданной самим трудом, процесс труда выступает преимущественно как *изменяющийся*, а изменение процесса труда – по преимуществу, как *качественное* изменение. Причем труд, даже если он – средство, никогда в реальной действительности не есть абсолютно только средство, а труд ради потребности в труде в реальной действительности никогда не может быть исключительно только таковым и не быть в той или иной мере также и средством.

Есть ли предел качественному изменению процесса труда?

Этот предел, во-первых, ставится биологическими возможностями индивида, продолжительностью его трудовой жизни, а также продолжением жизни рода. Во-вторых, пределом служит ограниченность тех или иных природных материалов. Как тот, так и другой предел может преодолеваться (т. е. они не абсолютны, а

относительны). Они есть, хотя и в разной степени и по-разному, *внешние пределы* процесса труда.

А ставит ли процесс труда внутренний предел своему развитию? (Внутренний предел процесса – такой предел, который ставит сам процесс своим собственным совершением.) Мы уже писали выше, что в зрелом процессе труда все компоненты труда созданы самим трудом, а не даны природой в готовом виде. В зрелом труде и человек труда, и средство труда, и предмет труда есть сами результат, продукт труда. Следовательно, и человек труда, и средство труда, и предмет труда по мере развития труда приобретают все большую зависимость от прошлого труда, от накопленного труда и относительную независимость от совершающегося труда. Пока компоненты труда даны природой в готовом виде, совершающийся труд зависит от природы. Когда компоненты труда сами в основном есть продукты труда, тогда совершающийся труд, по преимуществу, зависит от уже накопленного, от прошлого труда. И каждое новое поколение должно считаться с накопленным до него трудом, с имевшимся до него производством, как с чем-то независимым от его воли и желаний, с чем-то таким, что оно должно принять ради удовлетворения телесных потребностей и продолжения рода.

В зрелом процессе труда, поскольку все его компоненты созданы трудом, зависимость совершающегося труда от прошлого труда *устойчива, фиксирована в компонентах совершающегося труда*. Но зависимость совершающегося труда от труда совершившегося означает тем самым также невозможность для поколения, совершающего труд, по произволу совершать его, т. е. определенную *независимость* совершающегося труда от воли и желаний людей, совершающих этот труд. Таким образом, с созреванием труда *созревает и объективная закономерность развития труда*, отличная от природных объективных закономерностей (хотя и единая с природными закономерностями, включающая их в качестве своего момента и в качестве своего условия).

Зрелость процесса труда означает установление, *созревание внутренней связи* компонентов труда: в незрелом процессе труда объединяются компоненты, данные природой в готовом виде, в зрелом же процессе труда объединяются компоненты, созданные самим (прошлым) трудом. Одновременно зрелость труда есть установление созданной самим трудом *относительной самостоятельности, обособленности* компонентов труда в рамках их внутренней связи: в самом деле, процессы подготовки человека труда, создания средств и предметов труда по мере развития труда становятся все более сложными и зависящими каждый от своей относительно самостоятельной истории.

Такое обособление в рамках внутренней связи и способствует развитию труда, и препятствует его развитию. Но все же труд в общем и целом имеет возможность прогрессивно развиваться до тех пор, пока самостоятельность компонентов труда остается относительной и подчиненной их внутренней связи.

Труд поставит внутренний предел своему развитию, если внутренняя связь компонентов труда вследствие роста обособленности его компонентов будет разорвана. Нельзя закрывать глаза на то, что тенденции, ведущие к этому, имеются. И необходимы специальные усилия человечества, направленные на их нейтрализацию. По мере развития труда все более растут могучие преобразующие силы человечества. Но вместе с тем растет и независимость производства от человечества: зависимость производства от человечества становится все более опосредствованной, расчлененной, сложной, человек все более вытесняется из непосредственного процесса производства. *Следовательно, развитие труда имеет и тенденцию саморазрушения труда его собственным развитием.*

Процесс труда, если он просто повторяется, остается главным образом тем же самым, неизменным, или изменяется количественно. Вместе с тем, простое повторение труда включает в себе, хотя и подчиненные, моменты качественного изменения. Единство количественного и качественного изменения исходного качества

есть мера изменения. В мере изменения господствующую роль играет качественное изменение (в единстве с количественным).

Качественное изменение уже возникшего процесса труда мы уже отмечали. Кратко говоря, оно состоит в том, что в возникшем процессе труда средства труда преобразуются из просто данных извне в созданные самим трудом, то же самое происходит и со всеми остальными компонентами труда. *Преобразование компонентов труда из преимущественно данных труду извне в преимущественно созданные процессом труда представляет собой одновременно и формирование внутреннего источника самодвижения труда как главного (по сравнению с внешним источником движения труда) источника развития труда.* Преобразование компонентов труда из извне данных условий труда в его следствия, как мы видели, оказывается и процессом внутреннего расчленения процесса труда на различные и в то же время внутренне единые процессы (процесс добычи материала для средств и предметов труда, создание средств труда, создание предметов труда, создание предметов, способных удовлетворить телесные потребности, подготовка новых поколений к труду).

При логическом рассмотрении достаточно, на наш взгляд, сказать, что возобновление труда в конце концов приводит к преобразованию соответственно совершающемуся труду и человека, и природных условий. Человек и природные условия, в той степени, в какой они преобразуются в труде, становятся продуктами труда, т. е. искусственно созданными. В этом отношении поскольку развивается труд, постольку изменяются и будут изменяться человек и окружающие его условия (сфера «окружения» все больше расширяется и углубляется). Что касается биологических потребностей человека, то, когда мы вели речь о простейшем отношении общества, они выступали как зависящие главным образом от биологии человека, от строения его организма, а следовательно, как неизменные (при предположении, что биологический род *homo sapiens* существенно не изменился, не изменяется и не изменится).

После рассмотрения процесса труда становится необходимым фиксировать то обстоятельство, что под воздействием труда биологические потребности (при предположении неизменности биологии человека) не изменяются, поскольку они зависят от биологии человека, а поскольку они зависят от труда – изменяются с возникновением и дальнейшим развитием труда. С точки зрения биологии человека существенно, чтобы предметы потребления и само потребление поддерживали биологическое существование – в идеальном случае оптимально. С точки зрения воздействия труда на телесные потребности, последние могут удовлетворяться бесконечно разнообразными предметами потребления, создаваемыми трудом, изменение биологических потребностей и потребления может как прогрессировать, так и регрессировать соответственно прогрессу и регрессу труда, границы потребления как процесса удовлетворения биологических потребностей устанавливаются развитием труда, общества, а не биологией человека.

При этом биологический аспект такого потребления (потребления для поддержания биологического существования – в идеальном случае в пределах оптимума) и трудовой, социальный, его аспект есть хотя и связанные, но все же разные аспекты и могут как гармонировать, так и выступать в качестве противоположностей и даже противоречить друг другу. Например, в том или ином обществе социальный престиж может быть, в частности, прямо пропорционален объему талии. Естественно, люди, принадлежащие к крайним слоям, группам и т. п., могут выходить за пределы физиологической нормы.

Изучение *внутренней расчлененности* процесса труда ведет нас по пути дальнейшего углубления *логического* рассмотрения.

Внутренняя расчлененность процесса труда на различные внешне самостоятельные, а внутренне единые процессы труда по мере их роста и усложнения наталкивается на ограниченные возможности индивидов, и при таких условиях *различные* внутренние связанные процессы труда или ступени, моменты процессов труда,

выполняются *различными* индивидами или группами индивидов. *Труд разделяется* между разными людьми или группами людей.

Именно *внутреннее разделение труда* между разными людьми (группами и т. п.) прежде всего и главным образом внутренне связывает людей не просто как живых существ, а как занимающихся *трудом*. Именно *с рассмотрением разделения труда осуществляется переход к рассмотрению существенной связи людей друг с другом как людей*, в отличие от их связей друг с другом, просто как живых существ.

Разделение труда, или взаимоотношения людей в процессе разделенного труда, имеет две основные стороны: во-первых, оно есть разделение и взаимосвязь, по преимуществу и непосредственно обусловленные преобразованием *природы* и непосредственно необходимые для такого преобразования; во-вторых, разделение труда, или связь людей в процессе разделенного труда, опосредуясь преобразованием природы, есть взаимосвязь людей, поскольку они используют труд как средство, при помощи которого могут быть – в простейшем случае – удовлетворены лишь биологические потребности, а при более сложном и глубоком отношении к труду – как средство главным образом удовлетворения потребности в труде (удовлетворение биологических потребностей в этом случае оказывается моментом, подчиненным удовлетворению потребности в труде).

Разделение труда есть разделение труда людей между людьми. Люди разделяются по видам труда. Разделение труда включает в себя также разделение *средств, предметов и продуктов* труда. Рассмотрим первую сторону разделения труда. В разделение труда в качестве обязательного момента входит разделение труда между людьми. Но разделение труда между людьми зависит от характера предметов труда, от характера средств труда и от качеств (умений, навыков и т. п.) людей труда как участников процесса труда. Поскольку разделение труда определяется предметами и средствами труда, постольку разделение труда имеет *технологический* аспект. Взаимосвязи людей в той мере, в какой

они непосредственно диктуются предметами и средствами труда, представляют собой *технологические* отношения людей в труде.

Поскольку разделение труда непосредственно диктуется качествами людей как трудящихся (в том числе умениями, навыками и т. п.), постольку разделение труда имеет *организационный* (в узком смысле слова) аспект. А взаимосвязи людей, в той степени, в какой они непосредственно определяются качествами людей как трудящихся, – *организационные* отношения людей в труде.

Говоря о первой стороне разделения труда, мы выделяем отношение людей к *преобразуемой природе*, а отношения людей друг к другу (технологические и организационные) рассматриваем с точки зрения их непосредственной определяемости отношением людей к *преобразуемой природе*.

На отношения людей в труде, если возвратиться от труда к простейшему отношению, могут влиять, во-первых, индивидуальные потребности, индивидуальное потребление, необходимость производить предметы индивидуального потребления, во-вторых, отношения людей друг к другу по продолжению рода.

Если предметы индивидуального потребления могут быть произведены индивидуальным трудом, то, естественно, отношения людей в труде не вызываются трудом. Отношения людей в труде необходимы тогда, когда труд не может быть осуществлен одним человеком. Когда, при каких условиях и почему труд не может быть осуществлен одним человеком?

Компоненты труда, о которых шла речь выше, сами по себе, как таковые не вызывают необходимости объединения людей в труде. Они вполне могут быть компонентами индивидуального труда.

Конечно, компоненты труда *могут* и требовать объединения людей в труде. Но это объединение не вытекает из их внутренней связи в процессе труда и специфической роли каждого компонента в труде. Так, средство труда, с точки зрения внутренней связи в процессе труда, есть то, при помощи чего человек в соответствии с целью процесса труда изменяет предмет труда для получения результата, предвосхищенного в цели. Но это место средства тру-

да в процессе труда однозначно не определяет, приводится ли средство труда в движение отдельным индивидом или группой индивидов, или всем обществом. Средство труда, независимо от того, кем (индивидом, частью общества или всем обществом) оно приводится в движение, остается средством труда.

То же верно и относительно других компонентов процесса труда.

Объединение людей в труде, вытекающее из компонентов труда, может быть обусловлено не их внутренней связью в процессе труда, т. е. может порождаться не трудом самим по себе, а *природным материалом* компонентов труда, следовательно, чем-то *внешним* по отношению к внутренним связям компонентов в процессе труда. Природный материал компонентов труда есть нечто случайное, внешнее по отношению к процессу труда самому по себе. Природный материал компонентов труда может быть таким, что он не требует объединения людей в труде, а может быть и таким, что требует того или иного объединения людей в труде.

В наиболее простой форме процесса труда, когда и средства труда, и предметы труда даны природой в готовом виде, особенно сказывается зависимость процесса труда от природного материала, в том числе и необходимость или отсутствие необходимости объединения людей в труде особенно (по сравнению с более развитыми формами труда) зависит от природного материала компонентов труда.

Природные возможности человека, использующего данные природой в готовом виде средства труда для изменения предметов труда, также данных природой в готовом виде, хотя и могут варьироваться, но тем не менее ограничены, конечны. Природные данные различных индивидов, представляющие собой индивидуальные природные задатки к труду, их индивидуальные качества в этой наиболее простой форме труда, сказываются на труде наиболее непосредственно и в наибольшей степени (по сравнению с более развитыми формами труда) влияют на особенности процесса труда.

Сами по себе природные возможности индивидов не вызывают их объединения в труде, в производстве. Необходимость (речь идет о внешней необходимости) объединения имеется тогда, когда или средство труда по своему природному материалу, по своей природной данности таково, что приведение его в движение превышает природные возможности одного индивида, или предмет труда по своему природному материалу таков, что при помощи данных природой в готовом виде средств труда его изменение превышает возможности индивида.

Если средство труда, данное природой в готовом виде, по своему природному материалу требует для приведения в движение усилий более чем одного индивида, то индивиды совместно, объединенно приводят в движение это средство труда. Количество индивидов, требующихся для этого, обуславливается прежде всего природной данностью, природным материалом средства труда (при средних природных данных индивидов). Например, удары, производимые по свае с целью ее забивания в дно озера, могут потребовать для приведения в движение ударного средства усилий нескольких человек.

Если предмет труда, данный природой в готовом виде, по своему природному материалу требует для своей обработки при помощи данных природой в готовом виде средств труда одновременных усилий нескольких индивидов, то индивиды совместно, одновременно используют одно или несколько средств труда для обработки одного предмета труда. Таким предметом труда может быть, например, совместное сооружение плотины посредством ручного труда.

Разделение людей на группы в труде такого рода обуславливается главным образом их *природными различиями* (например, по физической силе, по полу и возрасту) .

Преобладает объединение *однородных* усилий людей, т. е. *простая кооперация*. Это *неразвитая форма простой кооперации* в труде, производстве, ибо она обусловлена главным образом *природным* материалом компонентов труда.

В развитой форме процесса труда, а именно в такой форме, когда процесс труда преобразовал соответственно себе и человека, и средство, и предмет труда, т. е. когда характерным для труда становится то, что и человек, и средство, и предмет труда есть продукты прошлого труда, зависимость объединения людей от природного материала компонентов труда остается, но уже не как господствующая, не как самая характерная. Например, объединение людей в производстве зависит и в современных развитых странах от наличия тех или иных полезных ископаемых, их количества и качества, однако эта зависимость не оказывает в конечном счете определяющего воздействия на форму объединения людей в производстве.

Рассмотренное объединение людей вызывается обстоятельствами, внешними по отношению к самому процессу труда. Это *внешняя* (по отношению к самому процессу труда) *необходимость объединения людей* в труде, производстве. Само объединение людей имеет характер еще внешний, случайный, обусловленный по преимуществу природой. Разделение людей на трудовые группы также обуславливается, по преимуществу, воздействием природы на труд.

Вообще, пока труд возникает, формируется, воздействие природы на образующегося человека непосредственно более значительно, чем воздействие человека на природу. При регрессивном развитии человечества воздействие природы на развитие человечества вновь станет более значительным, чем воздействие человека на природу.

Внутренняя необходимость объединения людей в процессе труда, обусловленная самим трудом, начинает обнаруживаться при рассмотрении процесса труда в его повторении, возобновлении. Само повторение процесса труда, как мы видели, приводит к обособлению от труда по созиданию предметов индивидуального потребления труда по подготовке человека труда, труда по созданию средств труда, а также труда по созданию предметов труда. За исключением подготовки человека труда все остальные перечислен-

ные виды труда сами по себе, как таковые, по своей сути не требуют объединения людей. Напротив, подготовка человека труда невозможна без объединения, по крайней мере, двух людей: обучающего и обучаемого.

При повторении данного процесса труда оно (повторение) наталкивается на предел продолжительности трудовой жизни индивида и на необходимость для продолжения рода включения в этот процесс труда нового индивида. Следовательно, само простое повторение данного процесса труда приводит к необходимости объединения людей в труде, объединения для передачи трудовых качеств одного индивида другому индивиду, для трудового обучения и воспитания. В наиболее простом виде – это передача трудовых качеств родителей детям. Это есть простая *внутренняя связь* людей в труде. Она представляет собой одновременно и внутреннее единство, и внутреннее различие людей в труде: внутренне связаны различные – обучающий и обучающийся.

Созидание предметов потребления, людей в качестве трудящихся, средств труда и предметов труда распределяется между разными людьми постольку, поскольку эти виды труда так сложны, развиты, что их осуществление превышает возможности отдельного индивида. Разделение труда может осуществляться также ради улучшения качества и увеличения количества процесса труда и его продуктов.

Все перечисленные виды труда едины друг с другом. Распределение внутренне единых разных видов труда между разными людьми означает также единство этих людей в труде. Единство обучаемого и обучающего – единство внутри процесса созидания человека труда, трудящегося. Между этими видами труда и внутри труда по подготовке человека труда имеется не только внутреннее единство, но и определенное количественное соотношение.

Для созидания определенного количества и качества предметов потребления при данных средствах и предметах труда требуется соответствующее количество данных средств труда и данных предметов труда, а также соответствующее количество

трудящихся с определенными трудовыми качествами. В свою очередь, для созидания данных средств труда необходимо строго определенное количество предметов труда, из которых изготавлиются средства труда, строго определенное количество трудящихся производителей с соответствующими трудовыми качествами. То же верно и относительно созидания предметов труда. В процессе подготовки трудящихся должно быть соответствующее число обучаемых (для всех видов подготовки) и обучающих (соотношение числа обучающихся с числом обучающихся определяется – сознательно или стихийно – требующимися трудовыми качествами и тем, в какой степени требуется их развить). При труде главным образом ради удовлетворения телесных потребностей доминируют в общем и целом обучение и воспитание трудящихся *минимуму* трудовых качеств, необходимых для труда. При труде главным образом ради удовлетворения потребности в труде доминируют в общем и целом обучение и воспитание трудящихся *максимуму* трудовых качеств, потребных для труда.

Разделение труда может происходить для созидания *наибольшего количества* продуктов труда. Разделение труда может происходить для созидания *лучшего качества* продуктов труда. В том и другом случаях речь идет главным образом о труде ради созидания *продуктов*. *Труд служит тут преимущественно средством для удовлетворения телесных потребностей*, это состояние доминирует в условиях, *когда обмен веществ между человеком и природой не развит настолько, чтобы он мог дать изобилие предметов потребления для удовлетворения телесных потребностей*. *Труд, направленный на увеличение количества, и труд, направленный на улучшение качества, здесь не могут, в общем и целом, не противоречить друг другу*.

При труде, направленном главным образом на увеличение количества продуктов труда, процесс труда ускоряется. При переходе определенной меры скорости увеличение количества происходит при ухудшении качества. При погоне за количеством качество ухудшается. Напротив, при производстве, труде, направленном

на улучшение качества продуктов, их количество уменьшается по сравнению с тем, когда главным в труде является количество. Для каждого процесса труда имеется *мера*, когда увеличение созида-ния количества продуктов не ухудшает качество и когда улучшение качества продуктов не ведет к уменьшению их количества. *При невозможности создать изобилие предметов потребления эта мера не может, как правило, соблюдаться: увеличение количества продуктов происходит при ухудшении их качества, а улучшение качества продуктов – при уменьшении их количества.* При таких условиях труд, направленный на увеличение количества, есть мас-совый труд, а труд, направленный на улучшение качества, есть труд для немногих, меньшинства (в том числе труд по созданию пред-метов роскоши).

Разделение труда зависит от того, на что направлен данный труд – на увеличение количества или на улучшение качества. При прочих равных условиях в одном и том же виде труда для получе-ния одного и того же количества продуктов труда в первом случае нужно меньше трудящихся, чем во втором.

При труде ради удовлетворения потребности в труде главным становятся не количество и даже *не качество продуктов* труда (то и другое необходимо, но недостаточно при таком производстве), а *качество процесса* труда и *соблюдение такой его меры, которая не превышала бы возможностей здорового организма.* При этом – при прочих равных условиях – число людей, занятых разными видами труда, возрастает по сравнению даже с трудом ради качества *про-дуктов* труда, ибо, хотя качество продукта требует и качественного процесса труда, одно и то же качество продукта может быть полу-чено за счет разных по качеству процессов труда (например, за счет перенапряжения сил трудящегося). Особенно возрастают число обу-чающих по сравнению с числом обучаемых, качество и продолжи-тельность процесса обучения, ибо происходит обучение трудовым качествам по максимальным меркам.

Итак, это разделение людей труда есть их разъединение по различным видам труда, но разъединение при внутреннем един-

стве этих видов труда, при их объединении. Разделение людей по названным видам труда зависит, во-первых, от соотносительности возможностей людей с требованиями приведения в движение средств и предметов труда (т. е. с возможностями «управляемости», податливости воздействию человека со стороны прежде всего средств, а также предметов труда), во-вторых, от направленности труда (от последней зависит главным образом количество трудящихся, занятых данным видом труда).

Внутренняя необходимость объединения людей в труде вызывается внутренней расчлененностью и внутренним единством расчлененного труда. Различные индивиды занимаются различным, но внутренне единым трудом. Это происходит при распределении различных трудовых операций, действий, видов единого процесса-труда между различными людьми. Внутренняя необходимость объединения людей в труде осуществляется *через разделение* единого труда между различными людьми. К внутренней расчлененности процесса труда относится его расчленение на труд по добыче предметов труда, по созданию средств труда, предметов труда, человека труда. Следовательно, тут каждый компонент процесса труда вообще создается особым видом труда.

Это разделение труда, которое проникло в самый процесс труда, есть *внутреннее* разделение труда. *Более широким внутренним разделением труда служит такое разделение труда, при котором особыми, разделенными процессами труда становятся постановка цели и ее реализация*, – более широким уже потому, что отделение цели от реализации ее представляет собой отделение одного момента процесса труда от всех остальных. Человек в процессе труда вообще ставит цель, в соответствии с целью приводит в движение средство труда и воздействует на предмет труда. Постановка цели и ее реализация – внутренне единые и противоположные, противоречащие друг другу стороны процесса труда. Распадение этих сторон на различные процессы труда есть приобретение внутренне едиными сторонами относительно обособленного внешнего существования. Это есть, по сути дела, разделение

умственного и физического труда. Если предположить, что разделение труда (в том смысле, в котором оно пока здесь рассматривается) исчезнет в определенной мере, то тем самым исчезнет и внутренняя трудовая необходимость объединения людей.

Поскольку разделение труда определяется природными возможностями и трудовыми качествами человека, данными средствами труда и предметами труда, способом труда, целью процесса труда, требуемым продуктом, постольку разделение труда есть непосредственно момент самого процесса труда (предполагается расчлененный, разделенный процесс труда).

Но процесс труда может быть задуман и осуществлен по-разному. Даже если даны цель, средства труда, предмет труда, то и тогда сама реализация цели может происходить более или менее быстро, более или менее качественно. И это определяется уже не компонентами труда самими по себе и не их внутренней связью как компонентов труда. Тем более различной может быть реализация, если цель не дана, а должна быть поставлена, если именно такие-то средства труда не даны, а должны быть или *выбраны* из имеющихся средств труда, или *заново созданы*, если предмет труда не дан, а должен быть или выбран из имеющихся предметов труда, или заново создан.

Следовательно, разделение труда не связано непосредственно и жестко только с природными возможностями и трудовыми качествами человека, со средством труда и предметом труда.

Разделение труда есть не только разделенность различных людей (или групп людей) по различным трудовым актам, но и единство, взаимосвязь разделенных людей. Разделение труда, будучи вызвано, в частности, невозможностью выполнения всего труда одним человеком, *относительно самостоятельно* по отношению к отдельным людям, участвующим в труде. При наличии определенного количества людей труд может быть разделен между ними по-разному, в соответствии или несоответствии, в большем или меньшем соответствии с их природными и трудовыми качествами. При наличии определенных средств труда и при определен-

ном их количестве, требующемся для использования труда, он может быть разделен по-разному (одно средство труда может приводиться в движение, скажем, одним человеком, а другое такое же средство труда может приводиться в движение двумя людьми, т. е. труд последних может быть облегчен; одно средство труда может использоваться, например, в течение суток, а другое такое же средство труда – в течение семи часов и т. д.). Разделение труда и связь людей в разделенном труде могут в различной степени использовать имеющиеся природные возможности и трудовые качества людей, имеющихся налицо, имеющиеся средства и предметы труда, т. е. разделение труда и связь людей в разделенном труде неоднозначно детерминированы природными возможностями и трудовыми качествами людей, имеющихся налицо, имеющимися средствами и предметами труда. Поскольку разделение труда и связь людей в разделенном труде определяются именно этими обстоятельствами, постольку разделение труда и связь людей в разделенном труде непосредственно входят как моменты в процесс обмена веществ между человеком и природой, в трудовое, производительное отношение людей к природе.

Разделение труда и связь людей в разделенном труде зависят, как уже отмечалось выше, от того, служит ли труд главным образом средством для удовлетворения биологических потребностей или совершается главным образом ради удовлетворения потребности в труде. В этом аспекте разделение труда и связь людей в разделенном труде также входят как момент в процесс обмена веществ между человеком и природой.

Но разделение труда и вообще объединение людей в труде есть не только их отношение друг к другу как относящихся к природе и непосредственно зависящих от преобразования природы. Это есть вместе с тем отношение людей *друг к другу*, их взаимодействие как живых существ, обладающих телесными потребностями природными задатками, потребностью в труде.

Если самым простым при рассмотрении человека является то обстоятельство, что человек должен поддерживать биологичес-

кое существование – свое и своего рода, то и отношения людей в труде в самом простом их виде есть отношения ради удовлетворения необходимых жизненных потребностей. Таким образом, отношения людей друг к другу в труде в простейшем случае определяются тем, каковы эти отношения с точки зрения возможности обеспечения предметами потребления, необходимыми для поддержания биологического существования индивида и рода. Но в таком случае труд и отношения в труде предстают с точки зрения *продуктов* труда, обмен веществ между человеком и природой выступает с точки зрения результатов, продуктов этого обмена. Труд, с точки зрения продукта труда, предстает как *производство*.

С точки зрения результата, продукта труда, весь процесс, приведший к результату, есть *процесс производства*, средства труда и предмет труда – *средства производства*, человек труда – *производитель*. Тогда и сам результат, продукт есть *продукт производства*. Способ применения человеком средств труда к предмету труда, с точки зрения продукта, результата, есть *способ производства* (в узком смысле слова)¹. Цель труда, с точки зрения продукта труда, есть *цель производства* (тоже в узком смысле слова).

На первый взгляд представляется, что не имеет никакого значения, смотрим ли мы на процесс обмена веществ между человеком и природой с точки зрения участия в нем человека или с точки зрения продукта труда. Между тем это не совсем верно. Эти разные точки зрения позволяют выделять не только общие для каждой из них, но и специфические стороны обмена веществ между человеком и природой.

Именно с точки зрения продукта привлекает особое внимание не только участие человека в этом процессе, но и роль природы. В образовании продукта участвуют не только человек с его

¹ При капитализме продукты труда господствуют над людьми, в том числе и над производителями. Поэтому при отображении капитализма на первый план выдвигается рассмотрение процесса преобразования человеком природы с точки зрения продукта, соответственно весь процесс предстает прежде всего как производство (на первый план выступают средства *производства*, способ *производства*, *производительные* силы, *производственные* отношения).

трудовыми качествами, не только средства труда, поскольку они приводятся в движение и изменяются *человеком*, т. е. не только средства *труда* и предмет *труда* (предмет, на который направлено воздействие человека), но и предметы, процессы, материалы *природы* с их природными закономерностями. Именно с точки зрения продукта, результата природа предстает не просто как то, на что направлены усилия людей, не как нечто лишь подлежащее изменению, преобразованию человеком, но также как нечто *относительно самостоятельно* участвующее в процессе обмена веществ между человеком и природой. Или, иначе говоря, *с точки зрения участия человека, т. е. с точки зрения процесса и компонентов труда, природа выступает лишь объектом* воздействия, лишь чем-то пассивным, лишь пластичным материалом, изменения которого полностью определяются человеком и его трудовыми качествами и средствами труда (причем и средства, и предмет труда не выступают в их зависимости от природного материала, а фиксируются с точки зрения участия, роли, активности человека). «Сопротивление» природы этому «нажиму» кажется – при таких условиях – только чем-то негативным. Именно, *с точки зрения продукта, результата* труда, *выявляется необходимость специального фиксирования участия природы* в обмене веществ между человеком и природой, участия природы в этом обмене в отличие от участия в нем человека. Впервые именно с такой точки зрения принимается во внимание *относительно самостоятельное влияние природы* на человека в обмене веществ между человеком и природой, взаимодействие человека и природы.

Если в простейшем отношении общества природное и социальное *непосредственно тождественны* друг другу, если при переходе от простейшего отношения к сущности и в труде выступило в первую очередь *отличие* социального от природного, то теперь – именно при рассмотрении труда, с точки зрения его продукта, результата, – становится важным выделять *различия внутри* социального между социальным и природным.

Каково же участие природы в производстве продукта? Прежде всего сам человек – продукт и часть природы. В производстве продукта он участвует и как социальное, и как природное существо, как существо, обладающее определенными природными задатками и действующее в определенных природных условиях. Средства труда и предметы труда состоят из природного материала, обладающего своими природными закономерностями, свойствами. В каждом данном процессе труда человек приводит в движение средство труда и с его помощью изменяет предмет труда. Но средство труда состоит из какого-то природного материала, предмет труда также состоит из природного материала. И природный материал средства труда, и природный материал предмета труда имеют свои природные свойства, свои природные закономерности. Следовательно, эти свойства, закономерности в так или иначе измененном виде используются, используется и взаимодействие природных свойств, закономерностей средства и предмета труда друг с другом.

Без участия природы производство продуктов невозможно. Но одна природа, конечно, не *производит* продукты труда, производства. Необходимо также участие человека в производстве. Однако и только человек без природы не может произвести продукты. Для производства необходимы и человек, и природа. В производстве, в преобразовании природы природа не есть только природа сама по себе в ее включенности в процесс преобразования, т. е. в той или иной модифицированности процессом преобразования. Производство формируется тогда, когда и человек, и природа изменяются под влиянием друг друга, когда человек есть результат *взаимодействия* его как живого существа, преобразующего природу, с природой, и природа включается в обмен веществ с человеком и постольку становится результатом *взаимодействия* человека и природы в процессе преобразования природы человеком.

Но участие природы и человека в производстве различно. Природные свойства, закономерности материала средств и предметов труда не могут не сказываться на производстве, а если иметь

в виду возобновление производства, то не может не сказываться на производстве не только качество, но и количество «природных запасов» природных материалов для средств и предметов труда. Наличие или отсутствие природных материалов для средств и предметов труда, их качество и количество могут ускорять или тормозить производство, а то и делать его невозможным. Человек должен в этом отношении *приспособляться к природе*.

И все же производство есть преобразование природы человеком, т. е. главным образом *воздействие человека* на природу: воздействие человека на природу (а не природы на человека) – *решающее, определяющее* для характеристики производства. Производство, собственно говоря, присуще лишь человеку, а не животным, не природе самой по себе.

Во взаимодействии человека и природы сначала природа приводит к образованию человека. Человек возник как продукт природы. Следовательно, *решающим* для первоначального возникновения человека (при образовании человека как биологического вида) было *воздействие природы* на животного предка человека. Когда же человек возник, тогда *решающим* для его *развития* стало *воздействие человека* на природу, а воздействие природы на человека и приспособление человека к природе – подчиненным.

В создании продукта производства участвуют и силы природы, и силы человека, но не в отрыве друг от друга, не сами по себе, а как включенные в снятом виде в процесс преобразования человеком природы. В процессе преобразования человеком природы человек выступает как субъект, а природа – как объект. Но человек преобразует природу при помощи природных же сил. А преобразуемая природа также влияет на процесс как результат своего преобразования. Процесс действия чего-то на что-то другое зависит от того, *что* действует, и от того, *на что* оно действует.

Результат *взаимодействия* есть результат и действия, и обратного действия; и то, и другое есть силы, образующие продукт взаимодействия. То же верно и относительно результата, продукта производства как продукта взаимодействия человека и приро-

ды. И силы человека, и силы природы приводят к образованию результата их взаимодействия.

С точки зрения продукта, результата производства, участие человека и участие природы выступают как силы производства, как *производительные силы*. Причем, так как продукт производства – результат взаимодействия человека и природы, то в качестве производительных сил ни человек, ни природа не являются вне связи, вне взаимодействия друг с другом. Как человек, так и природа в качестве производительных сил существуют лишь в *производстве* продуктов, результатов, как *участники* производства продуктов, результатов.

В производстве человек и природа представляют собой два внутренне взаимосвязанных, внутренне единых полюса. Человек внутри этого единства есть *производитель*. В качестве производителя человек есть и природное существо, существо, единое с природой, и полюс, противостоящий остальной природе. Остальная природа внутри производства поляризуется в виде природных условий производства и, ближайшим образом, в виде предметов труда. Конечно, от человека исходит импульс производства, человек активен, он воздействует на предметы труда, а предметы труда есть то, что подвергается воздействию. Оба полюса внутри производства опосредуются средствами труда. Средства труда состоят из природного материала, но в качестве средств труда есть *трудовые органы человека*, средства воздействия человека на предмет труда. С точки зрения участия человека, предмет труда и тем более условия труда есть нечто пассивное. С точки зрения продукта производства и, следовательно, *взаимодействия* человека и природы, а значит, также учета не только участия человека, но и участия природы в производстве, и предмет труда, и условия производства, и природа, поскольку она включена в средства труда, и природа, поскольку сам производитель есть продукт природы, есть не только нечто испытывающее воздействие, но и само действующее на человека.

Исходя из сказанного, в состав *производительных сил* вообще следует включать, во-первых, человека-производителя, во-вто-

рых, средства производства (в средства производства входят средства и предмет труда, а также условия производства). Конечно, производительными силами они служат только в действительно совершающемся процессе производства.

Способ использования производителями средств производства в процессе созидания продуктов, взятый лишь в аспекте обмена веществ между человеком и природой, есть *способ производства в узком смысле* (о способе производства в широком смысле слова будет сказано позже).

Довольно широко распространено представление, согласно которому в производительные силы следует включать только производителя и средства труда. Дискуссия о том, включать или не включать в производительные силы предмет труда, во-первых, так окончательно и не завершилась, во-вторых, если ясно, какой вопрос дискутируется, то остается неясным смысл дискуссии. Какое, собственно говоря, имеет значение, включено ли будет понятие предмета труда в понятие производительных сил или нет? Может быть, это просто игра в понятия?

Нам думается, что точка зрения сторонников невключения понятия «предмет труда» в понятие «производительные силы» основывается на смешении труда и производства. С точки зрения труда, *участия человека*, действительно следовало бы выделить только эти компоненты. Но ведь понятие «производительные силы» есть понятие, в котором фиксируются силы человека и природы, с точки зрения их участия в создании *продукта*. А с точки зрения продукта, в его образовании участвует не только человек, но и природа¹.

¹ Кроме того, очень важно заметить следующее. Невключение понятия «предмет труда» в понятие «производительные силы» внутренне связано с представлением о том, что активен только человек с его средствами труда, а предмет труда только пассивен. Производительное отношение человека к природе предстает не как взаимодействие, а как действие человека с его средствами труда на пассивную природу. Этот взгляд на производительные силы, пусть и неявно, неосознанно для его сторонников, исходит из того, что природа – пассивный материал, которым люди распоряжаются как хотят, не опасаясь обратного отрицательного воздействия природы на человека.

Сторонник невключения предмета труда в производительные силы ищет, опять-таки пусть и неосознанно, источник развития не во взаимодействии, а

Тем не менее разница «участников» создания продуктов производства заставляет сказать, что именно производители служат главной производительной силой. Средства труда есть их трудовые, производительные органы.

То, что выше говорилось о труде, с определенными модификациями может быть сказано и о производстве.

Компоненты труда есть компоненты производства, возобновление труда в том же или изменяющемся виде есть возобновление производства в том же самом или изменяющемся виде, разделение труда есть разделение производства. *Разделение труда*, поскольку оно сказывается на создании продукта труда, *есть производительная сила*. (Отношение разделения труда как производительной силы к перечисленным выше производительным силам подобно отношению разделения труда к компонентам труда вообще.)

Но мы уже подчеркивали, что в характеристике труда природа хотя уже предстает необходимым моментом обмена веществ (ведь речь идет об обмене веществ между человеком и природой), однако ближайшим и главным образом выступает *негативно*, как то, что должно быть преобразовано. В характеристике же производства природа в своей необходимости для этого процесса обмена веществ выступает уже *и позитивно*. Тем самым выдвигается на авансцену в позитивной форме зависимость трудового воздей-

только в одной из сторон взаимодействия, тем самым только во внешнем. Если у сторонников такого подхода речь идет об источнике развития общества, то они ищут его не во взаимодействии производительных сил и производительных отношений, а в производительных силах, т. е. только в одном из компонентов взаимодействия. Такой ход мысли заставляет, в свою очередь, искать то, что есть источник развития производительных сил. И снова источник видят в одном из компонентов – в потребностях. Так можно поступать до бесконечности. Но практически бесконечность тут скорее всего прекращается: дальше в расчленении идти как будто некуда. И тогда растворяют источник развития общества в совершенной неопределенности: все стороны жизни общества – факторы его развития, все они влияют на развитие, т. е. возвращаются к хаотическому представлению. По сути дела, эта точка зрения – отказ от изучения внутреннего, в том числе от внутреннего источника развития общества, и сведение внутреннего к внешнему.

ствия человека на природу от природы самой по себе. Поэтому, на наш взгляд, не случайно, что тогда, когда человечество стало широко использовать в своей трудовой деятельности силы природы, стало пробивать себе дорогу представление о том, что человек не есть только господин природы, а природа не есть только раба человека.

Если учитывается не только в негативной, но и в позитивной форме «участие» природы в созидании продуктов, то отчетливо выступает *объективность* производства, *независимость* производства *от воли, желания, сознания людей*, несмотря на то, что производят люди и производят для себя. Кроме того, природа, поскольку она есть не только негативный, лишь сопротивляющийся «участник» процесса обмена веществ с человеком, но также и «участник», позитивно воздействующий на этот обмен, в позитивной форме входит *внутрь* самого этого процесса обмена веществ. А так как природа существует до и независимо от человека и человечества и постольку есть нечто внешнее человеку, то она, вступая в обмен веществ с человеком, никогда не становится абсолютно зависимой от человека, она остается и внутри производства вместе с тем чем-то внешним, случайным по отношению к человеку. Например, разделение труда как *разделение производства* зависит не только от человека, его сил и возможностей, но и от природных процессов, включенных в созидание продуктов производства; природные же процессы сами по себе внешни по отношению к процессу труда.

Наиболее конкретно производительные силы при логическом их рассмотрении предстали перед нами как разделение труда, как разделение производства. Оставаясь пока в рамках логического аспекта, мы отвлечемся от более конкретной характеристики производства, с точки зрения «участия» в производстве природы, ибо, как вытекает из сказанного, это означало бы переход к специально историческому аспекту анализа производства. При этих предпосылках разделение производства в логическом аспекте берется как разделение труда между людьми, с точки зрения получения продуктов.

§ 2. Производственные (трудовые) отношения

Люди объединяются в труде, в производстве. Объединение людей в производстве (труде) может диктоваться внешней необходимостью, когда преобразование природы невозможно в одиночку, вследствие, главным образом, характера природных процессов, природных материалов, включаемых в процесс труда. Например, погрузка тяжелого бревна на телегу несколькими людьми есть кооперативный труд, обусловленный, по преимуществу, самим природным материалом предмета труда.

Объединение людей в производстве (труде), продиктованное внешней необходимостью, означает, что труд имеет общественный характер. Но это, можно сказать, *внешний общественный характер труда*. Объединение людей в труде, производстве может вытекать из внутренней расчлененности самого процесса труда. Это самое глубокое основание объединения людей в труде. В отличие от первого, назовем его *внутренним общественным характером труда, или собственно общественным характером труда*. Самые глубокие отношения людей в труде, производстве – отношения людей в процессе совершения внутренне расчлененного труда, когда различные его моменты выпадают на долю различных людей. *Переход от анализа производства (труда) к анализу отношений людей в производстве (труде) совершается через рассмотрение общественного характера труда*. Но самым глубоким «слоем» этого перехода служит разделение труда между людьми, обусловленное главным образом развитием внутренней расчлененности процесса труда, т. е. внутренний, или собственно общественный, характер труда.

До сих пор мы фиксировали производство, а также потребление как процессы обмена веществ между человеком и природой. При этом обнаруживаются как относительная самостоятельность, так и внутреннее единство производства и потребления.

Производственные (трудовые) отношения пронизывают производство и потребление, опосредствуют их. Производственные

отношения, в отличие от трудовых отношений, представляют собой отношения между людьми в процессе обмена веществ между человеком и природой, с точки зрения продукта, результата, а не участия человека в этом обмене веществ (подобно тому, как производство есть этот обмен веществ, с точки зрения продукта, а труд – с точки зрения участия в нем человека).

Производство (труд) в простейшем случае и простейшем выражении происходит ради поддержания биологического существования (индивида и рода). Поэтому отношения людей между собой в производстве (труде) представляются *на поверхности* прежде всего как отношения по поводу *продуктов* производства, служащих предметами индивидуального потребления.

Можно подумать, что, определяя таким образом поверхностное выражение производственных отношений и отличие производственных отношений от трудовых, мы отождествляем производственные отношения с их поверхностным выражением. Но это не так. Ведь если производство есть процесс обмена веществ между человеком и природой, с точки зрения продуктов обмена, то тем самым производство не сводится к продуктам производства. То же верно и относительно производственных отношений.

Самое поверхностное выражение производственных отношений есть отношения людей между собой по поводу продуктов производства, служащих предметами потребления. Но в чем же состоят при этом сами отношения людей между собой? В распределении продуктов. Но распределение не сводится только к распределению продуктов производства, служащих предметами потребления. «Распределение в самом поверхностном понимании выступает как распределение продуктов и, таким образом, представляется отстоящим далеко от производства и якобы самостоятельным по отношению к нему» [1, т. 46, ч. I, с. 33]. Но если распределение так представляется на поверхности, то при более глубоком рассмотрении обнаруживается, что распределение коренится в производстве.

«...Прежде чем распределение есть распределение продуктов, оно есть: 1) распределение орудий производства и 2) – что представляет собой дальнейшее определение того же отношения – распределение членов общества по различным родам производства (подчинение индивидов определенным производственным отношениям). Распределение продуктов есть, очевидно, лишь результат этого распределения, которое заключено в самом процессе производства и которое определяет структуру производства» [там же]. Несколько далее К. Маркс задается вопросом, каково отношение распределения в процессе производства к самому производству, и отвечает следующим образом: «В каком отношении к производству находится это определяющее его распределение, есть, очевидно, вопрос, относящийся к самому производству. Если скажут, что тогда, по крайней мере, – поскольку производство необходимо образом исходит из известного распределения орудий производства, – распределение в этом смысле предшествует производству и образует его предпосылку, то на это следует ответить, что производство действительно имеет свои условия и предпосылки, которые образуют собой его моменты. Последние могут на первых порах выступать как естественно выросшие. Самим процессом производства они превращаются из естественно выросших в исторические, и если для одного периода они выступают как естественная предпосылка производства, то для другого периода они были его историческим результатом. В самом процессе производства они постоянно изменяются. Например, применение машин изменило распределение как орудий производства, так и продуктов. Современная крупная земельная собственность сама есть результат как современной торговли и современной промышленности, так и применения последней к сельскому хозяйству» [там же, с. 33–34]. «Структура распределения, – указывает К. Маркс, – полностью определяется структурой производства. Распределение само есть продукт производства – не только по распределяемому предмету, ибо распределяться могут только результаты производства, но и по форме, ибо определенный способ участия в произ-

водстве определяет особые формы распределения, те формы, в которых люди принимают участие в распределении» [там же, с. 31–32]. Если распределение продуктов производства есть внешний «слой» распределения, то глубинным «слоем» распределения служит распределение людей по различным родам производства и распределение средств производства.

Целью производства служит потребление. Как бы ни относились люди друг к другу в производстве, по поводу ли продуктов потребления, по поводу ли родов производства, по поводу ли средств производства, они всегда относятся друг к другу в производстве в конечном счете ради потребления. Поэтому во всех этих случаях отношение людей друг к другу состоит в распределении, в присвоении¹.

Что такое распределение? Распределение продуктов, сфер, средств производства означает разделение их между людьми. Будучи разделены, они могут быть потреблены соответственно своей природе или переданы другим людям. Разделенные продукты, сферы, средства производства *присваиваются людьми*, получившими их, т. е. потребляются соответственно своей природе.

Распределение – это характеристика разделения между людьми продуктов, сфер, средств производства как *уже имеющихся*, характеристика со стороны того, *что* разделяется между людьми. *Присвоение* – это определение *процесса*, в ходе которого устанавливается фактическая возможность (фактическая способность) человека распоряжаться по своему усмотрению долей (частью) продуктов, средств производства, осуществлять тот или иной труд. *Фактическое распоряжение* долей предметов, средств производства, то или иное фактическое включение в сферы производства

¹ Обмен и обращение, если под обращением понимается обмен в целом, по нашему мнению, есть исторически преходящая форма производственных отношений (при коммунизме достигающееся людям по распределению будет непосредственно или в основном непосредственно совпадать с тем, что требуется индивиду, и тогда обмен становится или совсем не нужен, или его роль становится весьма незначительной), и потому при рассмотрении производственных отношений как таковых от них можно отвлечься.

есть *собственность*. Иначе говоря, собственность есть фактическое распоряжение предметами, средствами производства, трудом (своим или чужим).

Распределение в широком смысле слова, с одной стороны, и собственность, присвоение, с другой стороны, есть одно и то же, только в первом случае мы имеем дело с тем, *что* разделяется между людьми, а во втором – с тем, что разделяемым или разделенным *распоряжаются люди как своим*. Причем собственность есть результат присвоения, отношения собственности – результативные отношения по сравнению с отношениями присвоения как процессом их образования.

Распределение, присвоение, собственность в качестве производственных отношений являются отношениями между людьми, отношениями людей друг к другу по поводу предметов, средств производства и самого труда (а также продуктов труда, о чем речь пойдет ниже).

Распределению, присвоению может подлежать и нечто не произведенное, например девственный лес. Можно быть собственником предметов, данных природой в готовом виде. Тогда это будет отношениями между людьми (люди делят между собой данное природой в готовом виде), однако эти разделяемые предметы не произведены людьми, и поэтому их распределение, присвоение, собственность на них не будут собственно производственными отношениями. Пользование предметами, данными природой в готовом виде, – если взять его вообще в *отрыве от* производства – не есть ни распределение, ни присвоение, ни собственность: это животное бессознательное потребление «ухваченного» членом животного сообщества.

Распределение (присвоение, собственность) данного природой в готовом виде есть производственное отношение только в том случае, если данное природой в готовом виде включено в процесс производства (труда) либо в качестве производителя, либо в качестве средства труда, либо в качестве предмета труда, либо в качестве их того или иного сочетания. Поскольку человек, средство

труда и предмет труда даны природой в готовом виде, не преобразованы процессом труда, не стали продуктом предшествующего труда, постольку производственные отношения не вполне отделились от простого животного использования природы, постольку распределение, присвоение, собственность не вполне оформились, не есть сформировавшиеся производственные отношения.

Собственность на конечные *продукты* производства, т. е. на предметы, способные удовлетворить биологические потребности, их распределение, присвоение порождаются собственностью на производителя, средства производства, на сам труд, их распределением и присвоением. Для краткости в последующем мы будем употреблять термин «компоненты производства», имея в виду производителя (или производителей, что здесь не имеет значения) средств производства, сам процесс производства и продукты производства.

Распределению, присвоению могут подвергнуться человек труда (производитель), средство труда (в узком смысле, т. е. те вещи, «посредством которых труд воздействует на предмет труда и которые поэтому так или иначе служат проводниками его деятельности» [1, т. 23, с. 191], и в широком смысле, т. е. «все материальные условия, необходимые вообще для того, чтобы процесс мог совершаться» [там же]), предмет труда, сам труд. Субъектом присвоения, собственником может быть индивид, та или иная часть общества, все общество (все человечество).

Рассмотрим теперь, каким образом происходят распределение, присвоение, каковы формы распределения, присвоения, собственности и чем именно эти формы определяются.

Если производство возникает, формируется и существует ради удовлетворения биологических потребностей, то производственные отношения должны, в конечном счете, быть такими, чтобы производительное отношение к природе осуществлялось наилучшим образом, производственные отношения должны предоставлять наибольшие возможности для развития производительного отношения к природе, для преобразования природы.

Производственные отношения могут предоставлять различные возможности для преобразования природы и – *если речь идет о поддержании биологического существования* – для производства продуктов, служащих предметами индивидуального потребления. Распределение, соответственно, есть распределение продуктов производства между людьми. Распределение продуктов производства, с точки зрения людей, между которыми распределяются продукты, есть присвоение продуктов. Завершение присвоения человеком продуктов производства – это не что иное, как их потребление.

Таким образом, потребление теперь предстает не просто потреблением индивидов, а таким процессом, которым завершаются распределение, присвоение, реализация собственности, т. е. индивидуальное потребление, удовлетворение телесных потребностей, выступает как внутренне единое с производственными отношениями, хотя здесь это единство выступает своей внешней стороной.

Распределение *продуктов* производства невозможно (если отвлечься от внешних, случайных обстоятельств) без распределения производителей по сферам производства, без распределения средств производства, т. е. без распределения компонентов *процесса* производства. Как продукт производства создается в процессе производства, так распределение продуктов производства основывается, порождается распределением компонентов процесса производства. Распределение компонентов процесса производства необходимо для распределения продуктов производства, а распределение продуктов производства необходимо для их потребления, *потребление – мотив, цель* для производства. Но реализация этой цели, создание продуктов происходят в процессе производства. Поэтому процесс *производства – господствующий момент* в этих отношениях. Распределение компонентов *процесса* производства – это *самый глубокий «слой»* производственных отношений.

Акцентирование внимания на *распределении* компонентов процесса производства означает подчеркивание того, что компо-

ненты процесса производства выступают как продукты прошлого труда, прошлого производства. Это распределение есть вместе с тем *присвоение* компонентов процесса производства. Всякое присвоение есть потребление (*своим* нельзя сделать что-то иначе, как в конечном счете потребляя¹ его).

Таким образом, производство как производительное отношение людей к природе есть одновременно (с точки зрения единства производства, осуществляемого различными людьми, с потреблением) распределение, присвоение и потребление компонентов процесса производства. Производительное отношение людей к природе выступает не только как отношение к природе, но вместе с тем как производственное отношение (и как отношение людей по поводу продуктов производства и как их отношение в самом процессе производства). Производственные отношения в *процессе* производства предстают как самый глубокий «слой» производственных отношений.

Тем не менее, производственные отношения имеют *внешне относительно самостоятельную форму* своего существования именно в *распределении продуктов производства*, форму, отличную от формы существования процесса производительного отношения к природе и от формы существования потребления.

Рассмотрим подробнее, чем и каким образом определяется эта форма распределения, с тем, чтобы затем перейти к более подробному анализу самого глубокого «слоя» производственных отношений и производственных отношений в целом.

Распределение продуктов производства есть разделение продуктов производства (представляющих собой предметы потребления) между людьми. Следовательно, это распределение предполагает, во-первых, что производство ведется не одним человеком, а многими людьми; во-вторых, что разделяются продукты производства; в-третьих, что продукты производства пред-

¹ Потребление бывает двух основных видов: производительное потребление, т. е. потребление, реализация компонентов производства, и индивидуальное потребление, т. е. собственно потребление.

ставляют собой предметы потребления, что они удовлетворяют потребности. Кроме того, распределение *продуктов* производства определяется распределением *компонентов процесса* производства.

Производственные отношения именно как производственные основываются на имеющихся *возможностях* обмена веществ между человеком и природой, на труде, производстве как отношении человека к природе. Распределять, присваивать можно лишь то, что произведено либо может быть произведено при имеющихся *возможностях* обмена веществ между человеком и природой. Распределять, присваивать (или избегать) какие-либо виды труда, сферы производства можно только, если обмен веществ между человеком и природой предоставляет те или иные *возможности* разделения труда, разделения производства.

Производственные отношения в качестве отношений есть необходимость, поскольку процесс обмена веществ между человеком и природой не может совершаться вне такой связи. Но и при этом труд, производство создают *спектр возможностей* для той или иной реализации производственных отношений.

На реализацию этого спектра возможностей оказывают «давление» все моменты труда, производства как обмена веществ между человеком и природой, но, имея в виду их специфику, можно сказать, что это – «давление», в общем и целом, разной силы. Поскольку главным, решающим в процессе сформировавшегося труда, производства играет воздействие человека на природу, а не природы на человека и поскольку во взаимодействии человека и природы имеет место поляризация, постольку наибольшее «давление» на образование тех или иных производственных отношений оказывают *люди-производители, трудящиеся, средства труда, разделение труда* (с точки зрения отношения человека и природы), в меньшей мере, но все же влияют на реализацию тех или иных производственных отношений имеющиеся предметы труда и природные условия труда, производства.

Пока труд только возникает, формируется, он, хотя и есть уже ведущий фактор специфически человеческого развития, еще не господствует. Соответственно, хотя воздействие человека на природу стало ведущим по сравнению с воздействием природы на человека, но воздействие природы на человека господствует. Поэтому и человек труда, и средства труда тут – ведущий фактор развития производственных отношений, но непосредственно господствуют предметы труда и их влияние на возникающие и формирующиеся производственные отношения. (Человек зависит главным образом от нахождения данных природой в готовом виде предметов труда, от их обработки ¹.)

Если производственные отношения решающим образом зависят именно от развитости людей труда и средств труда, то *решающим в уже сформированных производственных отношениях является распределение людей труда и средств труда. В возникающих и формирующихся производственных отношениях это распределение является лишь ведущим в развитии, в то же время непосредственно господствует распределение предметов труда.*

Итак, распределение компонентов процесса труда, производства и распределение продуктов производства определяются местом, ролью, значением труда индивидов в совокупном труде, в системе производства.

Распределение по самой своей сути есть разделение *целого* на части. Следовательно, распределение, производственные отношения представляют собой сторону общества как *целого*. Необходимость производственных отношений вытекает из *общественного* характера труда, из характера труда как *целого*. Поэтому разделение труда между людьми, каждый вид разделенного труда постольку воздействуют на распределение, на производственные отношения, поскольку и разделение труда, и каждый вид труда

¹ Кстати, поэтому не случайно эпохи возникновения и формирования процесса труда различаются на основании степени обработки *предмета труда, обрабатываемого материала природы.*

вливают на совокупный труд как *целое*, поскольку от этого зависит совокупный труд как *целое*. Поскольку же данный процесс труда предстает именно в качестве *части* целого, а не части *целого*, постольку он не влияет на производственные отношения, на распределение, постольку разделение труда не есть вместе с тем производственное отношение. Конечно, часть не есть только часть, она всегда есть часть целого. Следовательно, всякое разделение труда есть одновременно производственное отношение, так или иначе влияет на распределение, в том или ином отношении одновременно есть распределение компонентов процесса труда, производства и продуктов труда, производства. Но разделение труда, вид разделенного труда есть производственное отношение именно как часть *целого*. Иначе говоря, *разделение труда представляет собой производственное, отношение именно как общественное разделение труда*. Разные виды труда в разной степени представляют целое, совокупный труд, соответственно, их роль как производственных отношений и в производственных отношениях различна.

Такие виды зрелого труда, как производство человека труда, производство средств труда, производство предметов труда, различаются тем, что производство людей труда и производство средств труда в совокупном труде играют более важную роль, чем производство предметов труда, но, тем не менее, это есть по преимуществу *частные* виды труда наряду с таким частным видом труда, как производство предметов труда.

Иное дело разделение труда на умственный и физический, на труд по постановке целей, касающихся всего сообщества, на труд по организации труда сообщества как целого и на труд по реализации целей. Первый вид (виды) труда относится именно к *целостности* совокупного, общественного труда, второй его вид (виды) – к *частям* совокупного труда. Поэтому такое разделение оказывается решающим для различия внутри производственных отношений, для различия в распределении, для образования групп, классов.

Цель имеет особое значение в процессе труда. Конечно, нет полной цели без средства и предмета труда, без продукта труда, и каждого из этих компонентов нет друг без друга в качестве компонентов процесса труда. *Тем не менее, именно цель объединяет компоненты труда в целое*, ибо трудовой процесс есть не что иное, как действия по преобразованию предметов труда при помощи его средств в соответствии с целью процесса труда. Именно *цель направляет действия* со средствами труда, воздействие с их помощью на предметы труда. Объединение различных трудовых действий в соответствии с целью есть *организация* процесса труда. Поэтому разделение труда между трудом по постановке целей, оперированию целями, организационными функциями и трудом по реализации целей, исполнительскими функциями представляет собой разделение между тем, что, по преимуществу, есть труд как целое, и тем, что имеет частное значение в совокупном труде.

Постановка целей, организация, управление имеют дело с трудом как целым, реализация, исполнение – с частным в труде. Поэтому при наличии такого разделения труда непосредственно решающую роль в производственных отношениях играют люди первого вида труда, а люди второго вида труда – подчиненную. Только такое разделение труда обуславливает существенно различные присвоение и распределение продуктов труда, производства между группами людей, занятыми этими видами труда.

Итак, производственные отношения определяются прежде всего тем характером компонентов труда, который играет главную роль в *совокупном* труде. Что такое характер компонентов труда, исключая человека? *Характер вещественных компонентов* труда – это то, как приводятся в действие компоненты труда. Тот или иной вещественный компонент труда может приводиться в действие индивидом, группой, всем обществом.

Характер процесса труда определяется характером вещественного компонента труда, играющим решающую (по отношению к характеру другого вещественного компонента процесса труда) роль в процессе труда.

Требует ли тот или иной вещественный компонент процесса труда индивидуальных или групповых усилий или усилий всего общества – это не исчерпывает характер компонентов процесса труда. В характер компонентов процесса труда входит и то, каких именно трудовых усилий требуют вещественные компоненты процесса труда от человека. Вещественные компоненты процесса труда требуют от человека тех или иных знаний, умений, навыков, их известного характера, широты и глубины, той или иной количественной определенности трудовых усилий. Все это также воздействует на производственные отношения, а именно на самый их «механизм». В общем и целом их воздействие на человека может быть благоприятным или неблагоприятным. При неблагоприятном воздействии процесса труда в целом, тех или иных его компонентов люди стремятся избежать такого воздействия, и при отсутствии возможности такого изменения процесса труда, которое устранило бы его неблагоприятное воздействие, между людьми происходит борьба за то, чтобы избежать этого воздействия, что при предположенных условиях объективно возможно лишь за счет усиления этого неблагоприятного воздействия на другого человека (или других людей).

Складываются отношения враждебности, борьбы людей друг с другом. Напротив, при благоприятном воздействии вещественных компонентов процесса труда на людей создаются возможности для складывания отношения благожелательности, дружбы и т. п. Однако тут важна и количественная определенность, ибо при недостаточном удовлетворении потребностей людей в отмеченных благоприятных воздействиях между людьми опять-таки имеют место отчужденность, борьба и т. п., хотя и качественно менее жесткие, чем в борьбе за то, чтобы избежать неблагоприятных непосредственных воздействий процесса труда на человека и, следовательно, за переложение такого труда «на плечи» других людей.

Воздействие компонентов процесса труда на производственные отношения осуществляется не только непосредственно в про-

цессе труда, но и через потребление продуктов труда. Здесь главную роль играет то, в каком отношении находятся качество и количество продуктов к биологическим потребностям. При устойчивом поддержании биологического существования жизни людей возможны два основных состояния: либо качество и количество продуктов производства достаточны лишь для минимального удовлетворения биологических потребностей людей или несколько превосходят этот минимум, но не достигают оптимума удовлетворения биологических потребностей, либо качество и количество продуктов производства достаточны для устойчивого оптимального удовлетворения этих потребностей. При первом состоянии между людьми идет борьба из-за продуктов производства, устанавливается враждебность друг к другу; при втором состоянии исчезает основа для этой борьбы.

Каким образом изменяются производственные отношения? Необходимость в изменении производственных отношений возникает по мере того, как изменяются характер и уровень развития производительного отношения к природе.

Следует различать *характер средств производства*, обусловленный, по преимуществу, *природой* (например, создание при помощи ручных средств труда плотины, перегораживающей течение большой реки), и характер средств производства, являющихся, по преимуществу, *продуктами* труда, т. е. созданными средствами производства.

Поскольку характер средств производства обусловлен природой, постольку он есть нечто *извне* данное по отношению к обществу. Поскольку же характер средств производства создается самим производством, постольку он есть нечто *внутреннее* по отношению к обществу. Конечно, при этом важно иметь в виду, что чисто внешнее и чисто внутреннее в реальности не существуют оторвано друг от друга, внутреннее и внешнее всегда имеются в единстве друг с другом.

Предположим, что средства труда и предметы труда даны природой в готовом виде и характер средства труда и предмета

труда обусловлен главным образом природой. Такой характер труда назовем *природно-обусловленным характером труда*. Этот характер могут иметь только средства труда или только предметы труда, или не все, а те или иные средства труда, или не все, а те или иные предметы труда. Определяет характер совокупного труда в целом характер тех средств производства, которые играют решающую роль по отношению к другим средствам производства. Если средства и предметы труда, их характер созданы трудом, то такой характер труда мы назовем *общественно-обусловленным*.

Производственные отношения – это общественные отношения людей в производстве. Поэтому средства производства по их воздействию на производственные отношения необходимо различать прежде всего по тому, какого субъекта они требуют: индивида, части общества (группы, класса и т. д.) или всего общества. Следовательно, с точки зрения воздействия средств производства на производственные отношения, нужно различать индивидуальный, частичный и собственно общественный характер средств производства. Индивидуальный и частичный характер средств производства *в конечном счете* есть их общественный характер, ибо всякие средства производства возникают и существуют в совокупном труде, но они не имеют собственно общественного характера.

Если сравнить средства производства, данные природой в готовом виде, и средства производства, созданные трудом, с точки зрения общественного характера труда, то по самой сути тех и других общественный характер первых не развит по сравнению с общественным характером вторых. Ведь вторые сами созданы трудом, и, следовательно, то производство, в котором они применяются, внутренне связано с тем производством, в котором они создаются. По мере развития производства растет и разделение труда, а значит, развивается общественный характер производства.

Что касается *уровня, т. е. количественной* стороны дела, то в общем виде об этом уже сказано выше.

Каково воздействие производственных отношений на производительное отношение к природе? Сами производственные отношения есть форма, обнаруживающаяся при *специальном* рассмотрении *единства*, целостности производительного отношения к природе с простейшим отношением общества. Поэтому необходимо рассмотреть не только воздействие производственных отношений на производительное отношение к природе, но и воздействие производственных отношений на простейшее отношение общества (сюда входит, например, анализ семьи как экономической ячейки общества). Однако прежде – при возвратном движении мысли – выступает первое воздействие.

Если производительное отношение людей к природе действует на производственные отношения через человека (*производителя*) и *средства производства*, то производственные отношения действуют на производительное отношение людей к природе *через человека*. Ибо связующим звеном между производственными отношениями и производительным отношением к природе служат люди: в первом случае *они* относятся друг к другу, во втором – *они же* относятся к природе.

Каковы важнейшие качества человека как компонента производительного отношения к природе?

Знание свойств, средств, предметов, способов труда, способность к *познанию*, т. е. к приобретению новых знаний, к постановке целей (в том числе к постановке целей, новых не только для индивида, для той или иной части общества, но и для общества в целом), *сознание*, т. е. знание и познание индивидом себя в *единстве* с другими индивидами, с обществом, – такова первая группа качеств.

Вторая группа качеств – *умения и навыки*. Последние характеризуют способность индивида к практическим действиям со средствами и предметами труда. Умения и навыки предполагают то или иное знание и познание; взятые как таковые, они должны соответствовать цели, быть целесообразными, но их специфика в

том, что они есть способности к *практическому* действию, к *реальному* действию со средствами и предметами труда.

Третья группа качеств – *побуждения к труду, стимулы* труда. Из рассмотрения простейшего отношения вытекают следующие виды стимулов к труду: труд ради удовлетворения биологических потребностей, ради поддержания жизни индивида и труд ради продолжения жизни рода (в том числе и особенно – труд родителей ради поддержания жизни детей). При рассмотрении производительного отношения к природе помимо отмеченных выявляется еще один вид стимулов к труду – труд ради удовлетворения потребности в труде, труд ради совершения и совершенствования самого процесса труда.

При рассмотрении производственных отношений выделяются еще два вида стимулов к труду: труд ради борьбы с другими людьми за присвоение компонентов процесса труда и продуктов труда, труд ради других людей, ради помощи другим людям.

Как производственные отношения действуют на человека, представляющего собой компонент производительного отношения к природе?

Отношения борьбы между людьми образуются там и тогда, где и когда для всех взаимоотносящихся людей нехватает возможностей для полного удовлетворения их потребностей (биологических потребностей индивида, потребностей в поддержании жизни рода, потребности в труде и т. д.). Наиболее устойчивым результатом борьбы оказывается не уравнительность присвоения, распределения, а удовлетворение потребности одних за счет того, что потребности других удовлетворяются даже в меньшей степени, чем они удовлетворялись бы при уравнительности.

Отношения труда ради других и т. п. возможны там, где нет такого недостатка в возможностях удовлетворения потребностей людей.

При господстве отношений борьбы развитие одних людей идет за счет развития других, общество разделяется на враждующие части. «Победители» заинтересованы в производительном

отношении к природе и его развитию постольку, поскольку это выгодно именно им. «Побежденные» заинтересованы в производительном отношении к природе, его развитии не непосредственно, а опосредствованно, через отношение к «победителям», через отношение последних к «побежденным».

При господстве отношений сотрудничества, взаимопомощи, труда ради других развитие каждого становится условием развития всех (ибо труд совершается ради других), общество едино. Все заинтересованы в производительном отношении к природе, его развитию ради полного удовлетворения биологических потребностей индивидов, потребностей в продолжении рода, потребности в труде, ради поддержания и совершенствования отношений взаимопомощи и т. п.

Производственные отношения влияют на производительное отношение к природе через человека, они влияют и на возможности удовлетворения биологических потребностей, и на труд. Производственные отношения непосредственно определяют, какие по количеству и качеству предметы потребления получает человек, место, роль, значение именно таких-то людей в совокупном труде.

А как сам человек может влиять на труд? Какова роль человека в труде?

Человек трудится при помощи определенных средств труда, обрабатывая определенные предметы труда. Если человек работает с данными средствами и предметами труда, то его роль состоит прежде всего и главным образом в их использовании. В конечном счете именно ради человека и человеком целесообразно приводятся в действие средства труда, и тем самым обрабатывается предмет труда. Поэтому от человека зависит, в какой мере он использует возможности, имеющиеся у наличных средств и предметов труда, каким именно конкретным способом он будет трудиться. Способ труда, способ производства определяется возможностями наличных данных средств и предметов труда, но он зависит также и от человека, от того, насколько и как человек реализует эти возможности.

Способ труда, способ производства как зависящий только от средств производства в действительной жизни существует лишь потенциально, как спектр возможных осуществлений. В качестве реального способ труда, способ производства всегда включает человека и притом людей в их отношениях с другими людьми. В конце концов активность в труде, производстве исходит от человека.

Если рассматривать процесс труда как просто повторяющийся, при тех же самых средствах и предметах труда, то от человека зависит, как трудиться: более или менее интенсивно, длительно, с большей или меньшей тщательностью и т. п., а качество и количество повторяющегося процесса труда могут выражаться в качественных и количественных различиях продуктов труда. При *просто повторяющемся* процессе труда главным для человека является с необходимостью *результат, продукт труда*, труд совершается главным образом как средство получения продуктов, результатов. Следовательно, стимулом к труду служит стремление получить предметы потребления. Поэтому производственные отношения при преобладании в обществе повторяющегося труда действуют позитивно на производительное отношение к природе главным образом через распределение, получение людьми предметов индивидуального потребления.

Сам процесс труда, поскольку он есть лишь средство для получения результата, не есть для человека потребность, а есть лишь *внешняя* необходимость. Он выполняется или по принуждению, или ради получения результата, продуктов, предметов индивидуального потребления, но не ради самого процесса труда. При таком труде естественно желание избежать труда. При данных обстоятельствах человек не избегает труда тогда, когда он трудится непосредственно либо на себя, либо на тех близких людей, к которым он относится как к самому себе, и, если он трудится непосредственно не на себя и близких своих, он не избегает труда постольку, поскольку количество и качество предметов потребления, получаемых им, определяются количеством и качеством его

труда. Если же человек, при отмеченных обстоятельствах, трудится непосредственно не на себя и своих близких, если качество и количество получаемых им предметов потребления не определяются качеством и количеством его труда, то человек избегает труда и для совершения труда оказывается необходимым принуждение со стороны других людей.

Итак, при просто повторяющемся процессе труда производственные отношения влияют *позитивно* на человека труда через распределение результатов труда и именно предметов потребления; на сам процесс труда производственные отношения влияют позитивно тогда, когда человек при помощи индивидуально приводимых в действие средств труда и индивидуально обрабатываемых предметов труда непосредственно присваивает продукты своего труда, представляющие собой, пусть и в конечном счете, предметы потребления; но производственные отношения влияют на процесс труда иначе, поскольку имеется объединенный, *совокупный* труд индивидов: из самого процесса труда возникает стремление избежать его, и тогда труд осуществляется тем успешнее, чем совершеннее принуждение к труду, распределение труда оказывается не добровольным, а принудительным. Кстати, во всех обществах с застойным производством главным является производство предметов индивидуального потребления, труд совершается как средство для их получения, как внешняя необходимость. То, что активность в труде, производстве исходит от человека, видно уже при рассмотрении просто повторяющегося процесса труда. В этом случае человек приводит в движение неизменяющиеся средства труда и обрабатывает одинаковые предметы труда. Сам человек тоже по преимуществу не изменяется.

Но, как мы видели, в конце концов повторение процесса труда оказывается и его изменением, повторяющийся процесс труда превращается в изменяющийся процесс труда. А тут активность исходит от человека, сталкивающегося с условиями и компонентами труда, которые он вынужден изменять, уже просто повторяя процесс труда.

При господстве изменяющихся процессов труда на первый план выступает изменение компонентов процесса труда (средств, предметов труда и самого человека труда)¹. Результат труда остается необходимым, но все же центр тяжести перемещается с результата на процесс труда. *Процесс* труда становится главной целью, а результат – подчиненным моментом. Труд осуществляется, по преимуществу, не как средство для получения предметов индивидуального потребления (это низводится на положение, хотя и необходимого, но подчиненного момента), а ради потребности в труде, ради самого процесса труда. Только тогда, когда возникает потребность в труде, труд приобретает *внутренний стимул, внутренний источник* своего движения, становится *внутренней необходимостью*.

Производственные отношения при преобладании в обществе труда ради потребности в труде, т. е. при господстве изменяющегося, а не повторяющегося труда, действуют позитивно на производительные силы и через получение людьми предметов потребления, и *главным образом путем распределения труда*.

При господстве потребности в труде люди стремятся к труду. Человек в общем и целом не избегает труда ни тогда, когда труд непосредственно дает ему свои плоды, ни тогда, когда труд совершается непосредственно для других людей. Возможные противоречия между людьми могут возникать не на той общей почве, которая порождает желание избежать труда, если только это не увеличивает количество, не улучшает качество получаемых им предметов потребления, а на той общей почве, которая порождает стремление к труду. Противоречия в последнем случае могут возникать, если стремление людей к труду того или иного количества и качества превосходит объективные возможности предоставления им труда такого качества и в таком количестве.

¹ Для капитализма, если сравнить его с предшествующими формами общества, характерно изменение процессов труда. И тем не менее это изменение еще не господствует, оно подчинено накоплению продуктов труда.

Переход от повторяющегося труда, от труда как средства для удовлетворения биологических потребностей к труду изменяющемуся, к труду ради потребности в труде, представляет собой снятие предыдущего состояния труда последующим, т. е. такое преобразование предыдущего состояния труда, когда оно сохраняется, но становится подчиненным моментом последующего состояния труда.

Этот переход имеет не только качественную, но также и количественную сторону. *Производство, труд ради удовлетворения биологических потребностей лишь тогда могут стать подчиненными моментами труда ради удовлетворения потребности в труде, а повторяющийся труд – подчиненным моментом изменяющегося труда, когда производство, труд достигают уровня, при котором возможно удовлетворение оптимума биологических потребностей.* Лишь по достижении этого уровня начинается такое развитие производства (труда), когда производство (труд) ради получения предметов, способных удовлетворить биологические потребности, перестает играть преобладающую роль в производстве (труде), начинается длительный процесс возрастающего преобладания труда ради потребности в труде.

Материальное производство как *внешняя необходимость* есть производство как средство для удовлетворения биологических потребностей. Как внешняя необходимость материальное производство необходимо всегда. Но материальное производство есть и *внутренняя необходимость*, а именно тогда и постольку, когда и поскольку оно совершается ради удовлетворения потребности в труде. Преобладание материального производства как внешней необходимости – менее развитое состояние производства по сравнению с тем его состоянием, когда преобладает материальное производство как внутренняя необходимость.

При господстве повторяющегося труда производственные отношения воздействуют на человека через получение им предметов потребления, представляющих собой продукты труда, а также они воздействуют на применение человеком имеющихся у него неизменных трудовых качеств.

При господстве изменяющегося труда производственные отношения действуют так же, как при господстве повторяющегося труда, ибо повторение есть необходимый момент изменения, но в подчиненном виде, а главным становится влияние производственных отношений на изменение человека, точнее, на прогрессивное развитие человека.

Если при преобладании повторяющегося труда главным является то, насколько и как производственные отношения способствуют производству предметов потребления или тормозят его, то при преобладании изменяющегося труда главным является то, насколько и как производственные отношения способствуют развитию человека труда или тормозят его.

Производительные силы (в единстве с простейшим отношением) определяют производственные отношения, в свою очередь производственные отношения влияют на производительные силы, имеет место их единство. *Единством* производительных сил и производственных отношений является *способ производства в широком смысле слова*. Термин «способ производства», как говорилось выше, может употребляться также в узком смысле слова. Способ производства в широком смысле слова целесообразно зафиксировать термином *«общественный способ производства»*.

Общественный способ производства и представляет собой *сущность общества*. Наиболее глубоко диалектика производительных сил и производственных отношений осуществляется как собственно общественный характер производства. Именно собственно общественный характер производства и есть диалектика производительных сил и производственных отношений как *противоречие*, или, иначе говоря, собственно общественный характер производства и есть собственно противоречие, развитое противоречие производительных сил и производственных отношений. В нем производительные силы есть производственные отношения, а производственные отношения есть производительные силы: каждая из противоположностей есть свое иное в отрицании своего иного.

На этой ступени углубления в сущность диалектики производительных сил и производственных отношений заканчивается рассмотрение логического аспекта этой диалектики, ибо дальнейшее исследование данного противоречия ведет к изложению его разрешения, что при нынешнем уровне социального развития, находящегося на первой фазе зрелого (т. е. коммунистического) общества, наиболее приемлемо посредством исторического способа рассмотрения. Заметим лишь следующее.

Ныне соотношение производительных сил и производственных отношений в качестве самовозобновляющегося берется в лучшем случае на уровне их соотношения в качестве содержания (производительные силы) и формы (производственные отношения). Рассмотрение общественного способа производства в аспекте содержания и формы выдвинулось в познании общества тогда, когда образовалось противоречие между достигнутыми производительными силами и *капиталистическими* производственными отношениями. Достигнутые производительные силы выступают здесь как в общем и целом достаточные для упразднения старых и утверждения новых, социалистических производственных отношений. Таким образом, *производительные силы* выступают как в основном данные, а *производственные отношения* фиксируются как спектр возможностей, более или менее не соответствующих или более или менее соответствующих данным производительным силам. Напротив, при анализе *социалистического* общества социалистические *производственные отношения* представляются в основном данными (речь идет только об их совершенствовании), и *главная задача* видится в развитии *производительных сил*. В обоих случаях то одна, то другая из противоположностей фиксируется как данная. Поэтому диалектика производительных сил и производственных отношений в историко-материалистическом аспекте берется в ее функционировании, как в общем неизменная для всех исторических стадий развития человечества, и тогда *не замечают того фундаментального обстоятельства, что сама диалектика производительных сил и производственных отношений развива-*

ется. Причем – что наиболее существенно – производительные силы как таковые, производственные отношения как таковые, их соотношение как таковое развиваются. Между тем ныне общее соотношение производительных сил и производственных отношений мыслится как неизменное, не осмысливается то, что сама диалектика производительных сил и производственных отношений возникает, формируется, развивается и когда-нибудь исчезнет.

Если производительные силы берутся как данные, то производственные отношения предстают как главным образом определяемые ими. Производственные отношения в большей или меньшей степени «лежат» в пределах возможности наличного, данного производительного отношения к природе, изменение производственных отношений может быть осуществлено в пределах этих возможностей. Спектр этих возможностей определяет общее направление к предельной их реализации посредством производственных отношений. Но эти возможности могут быть реализованы в разных отношениях и в различной степени: хотя общее направление изменения производственных отношений определяется наличным производительным отношением к природе, однако реализация возможностей может быть осуществлена в различных отношениях и в различной степени, т. е. в так или иначе различающихся производственных отношениях.

Здесь, при данных производительных силах, в реализации их возможностей люди могут влиять на степень и в какой-то мере, частично на характер их реализации.

Изменение производственных отношений, даже частичное, есть изменение производства как *целого* (в том или ином отношении). Следовательно, степень и частично характер реализации возможностей, имеющих в наличных производительных силах, хотя в общем и целом определяются этими производительными силами и наличными производственными отношениями, но зависят и от чего-то такого, что не сводится полностью ни к наличным производительным силам, ни к наличным производственным отношениям. Что же еще влияет на реализацию посредством произ-

водственных отношений возможностей, имеющих в наличном производительном отношении к природе?

Влияют сами люди, но постольку, поскольку их цели и действия не сводятся только к наличному производительному отношению к природе и к наличным производственным отношениям. Таков неизбежно последовательный ход мыслей в том случае, если производительные силы фиксируются как данные.

И наоборот, если в качестве данных берутся производственные отношения, то дело предстает так. Изменение производительных сил происходит в рамках определенных производственных отношений, а не просто само по себе, не вне производственных отношений, не в чистом виде. И тут производственные отношения определяют, как именно и в какой степени реализуются возможные изменения, имеющиеся в производительных силах. Сами по себе эти возможности есть лишь возможности, реальны они только в единстве с наличными производственными отношениями.

Тем не менее, всякие производительные силы имеют тот или иной, более или менее определенный спектр возможностей своего изменения, и производственные отношения не могут «игнорировать» весь этот спектр. Наличные производственные отношения могут воздействовать на изменение производительных сил в рамках того спектра возможностей изменения производительных сил, который имеется в наличных производительных силах. При этом и при предположении определенных производственных отношений в качестве данных и производительных сил в качестве данных их отношение, по сути дела, представляется внешним, а потому наиболее глубокое противоречие общественной жизни ищут не в самом взаимодействии производительных сил и производственных отношений, а вне его. Типичный ход рассуждений таков: производственные отношения определяются производительными силами, производительные силы зависят от потребностей... Действительное положение вещей представляется перевернутым: внутреннюю связь (соотношение производительных сил и производственных отношений) принимают за внешнюю, а более повер-

хностное, внешнее предстает в качестве внутреннего, в этом более поверхностном ищут источник самодвижения общества.

Внимательный читатель может заметить, что наше изложение шло от рассмотрения человека как биологического существа, в котором *непосредственно* едино биологическое и социальное, причем на первый план в этом единстве выступает биологическое в человеке (но не в отрыве от социального, социальное присутствовало в неявном виде), к характеристике *преимущественно социального, социального самого по себе* (в связи с биологическим, но без специального анализа этой связи), т. е. к характеристике труда, производства, производительных сил и производственных отношений. Теперь мы перейдем к *специальному* рассмотрению *единства и форм* единства социального и биологического, единства уже не непосредственного, а внутри себя расчлененного.

Прежде чем продолжить этот анализ, вернемся к способу производства.

Предположим, что наличные производственные отношения позволяют наилучшим образом реализовать возможности, имеющиеся в наличном производительном отношении к природе. Тогда при производительном отношении к природе, повторяющемся в том же самом виде, производственные отношения остаются теми же самыми (прочие условия предполагаются равными).

Но производительное отношение к природе при его простом возобновлении оказывается, как мы видели, вместе с тем его изменением. Общее направление изменения производительного отношения к природе в таком случае сначала определяется необходимостью производить ради удовлетворения биологических потребностей, двигателем развития производительного отношения к природе тут служит сохраняющаяся разность между количеством и качеством продуктов производства и мерой биологически обусловленных потребностей. По достижении производством такого уровня, когда эти продукты производства имеются в изобилии для удовлетворения телесно обусловленной меры биологических потребностей, главным двигателем развития производительного от-

ношения к природе становится удовлетворение потребности в труде – противоречие между потребностью в труде и достигнутым уровнем и характером возможностей ее удовлетворения.

Изменение производительного отношения к природе происходит в рамках определенных производственных отношений, а не просто само по себе, не вне производственных отношений, не в чистом виде. И тут производственные отношения определяют, как именно и в какой степени реализуются возможности изменения, имеющиеся в данном производительном отношении к природе. Сами по себе эти возможности есть лишь возможности, реальны они только в единстве с наличными производственными отношениями.

Тем не менее, всякое данное производительное отношение к природе имеет тот или иной, более или менее определенный спектр возможностей своего изменения, и производственные отношения не могут «игнорировать» весь этот спектр. Наличные производственные отношения могут воздействовать на изменение производительного отношения к природе в рамках того спектра возможностей изменения производительного отношения к природе, который имеется в наличном, данном производительном отношении к природе.

Глава 4

ЯВЛЕНИЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА. ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ, ЕГО ФОРМЫ. НАДСТРОЙКА. ЛЮДИ КАК ЛИЧНОСТИ

Рассмотрение человека как индивида, как существа, в котором непосредственно едины биологическое и социальное, есть рассмотрение предпосылки человека как личности. Переход к анализу труда, производительного отношения к природе – это переход к анализу человека как *естественного* существа, к анализу сущности человека¹. *Человек, поскольку он – общественное, а не просто биологическое существо, есть личность. Личностное в человеке есть специфически человеческое в человеке.*

Труд, производство как взаимоотношение человека и природы диктует *возможность* человека в качестве общественного существа. Но именно в производственных отношениях эта возможность *реализуется*. Именно включенность в производственные отношения есть реальная включенность индивидов в *обществен-*

¹ В широком смысле сущность включает в себя собственно сущность, явление и действительность. Это включение в сущность явления и действительности правомерно потому, что явление и действительность не есть нечто лишь непосредственное, а есть *необходимые (сущностные)* формы проявления сущности в непосредственном. В узком смысле слова сущность есть сущность сама по себе в отличие от непосредственного, внешнего и т. п., в том числе от необходимых форм проявления сущности в непосредственном, внешнем и т. п. В широком смысле сущностью человека является *вся совокупность, весь ансамбль* общественных отношений. В узком смысле сущность человека – единство производительного взаимоотношения с природой и производственных отношений, или, можно сказать, единство производительных сил и производственных отношений.

ные взаимоотношения с природой. Производительное отношение индивидов к природе – возможность их существования в качестве личностей; включенность индивидов в производственные отношения, в общественные отношения производства есть реальность их существования в качестве личностей.

Следовательно, все люди, поскольку они трудятся, производительно относятся к природе и участвуют в производственных отношениях, уже тем самым представляют собой личности¹. Сфера общественного производства есть ядро человеческого общества. Таковую же роль сфера общественного производства играет и в образовании, и в развитии людей как личностей.

Предположим, что производительное отношение к природе и производственные отношения существуют, воспроизводятся в неизменном виде. Тогда включение в них новых рождающихся и подрастающих индивидов будет превращением этих индивидов в личности. Но, будучи включены в производственные отношения, эти индивиды перестанут изменяться как личности. Их деятельность в качестве личностей будет неизменной, неизменно повторяющейся, не требующей изменения целей, и потому, так сказать, механической, безличностной.

Производительные силы и производственные отношения *проявляются* через биологические, шире говоря, природные связи людей друг с другом и с остальной природой. Ныне выделяется сфера социального в узком смысле слова. Но выделяется эта сфера скорее на эмпирическом уровне, определяется же путем перечисления того, что к ней относится. Мы полагаем, что *сфера социального в узком смысле слова – это сфера явления общества*. Тем самым оказывается возможным вычленивать эту область теоретически.

¹ Следует иметь в виду, что сами производственные отношения исторически возникают, формируются, развиваются, а потому и люди как личности в этом смысле тоже находятся исторически на разных стадиях развития. Поэтому, например, ответ на вопрос, являлся ли раб-производитель личностью, необходимо предполагает решение вопроса о том, на какой стадии развития находились производственные отношения (в их отличии от природных) в рабовладельческом обществе.

В самой простой форме общественный способ производства проявляется через отношение человека как биологического существа к остальной природе, через биологическое потребление. Например, с биологической точки зрения человек для поддержания своего существования, для удовлетворения потребности в еде нуждается в определенном количестве определенных веществ, представленных в различного рода предметах природы. Потребность в пище и ее удовлетворение, взятые как относящиеся к сфере явления общества, – это потребление *произведенных* предметов потребления и при помощи *произведенных* средств, следовательно, в этом отношении потребность в пище социально обусловлена.

В более сложной форме проявления общества происходит «просвечивание» социального, общественного способа производства через отношение биологического воспроизводства людей. Законы народонаселения, например, относятся главным образом к сфере явления общества.

Еще более сложная развитая форма проявления общества – непосредственное воздействие на биологические потребности людей самого процесса труда: воздействие на человека как биологическое существо длительности, интенсивности процесса труда, производства, влияние на человека как биологическое существо условий труда и производства, разделения труда и производства, а также отдыха и т. д.

В сфере явления общества общественное «просвечивает» через биологическое и в биологическом, но все же основным остается то, как социальное обнаруживается *непосредственно* в биологическом, в биологических связях *индивидов*. Возьмем, например, классы (правда, строго говоря, рассмотрение классов не входит в задачу логического рассмотрения общества, так как классы существуют только на некоторых не вполне зрелых стадиях развития человечества). Классы различаются прежде всего в сфере сущности общества, внутри общественного способа производства. Вместе с тем, классы относятся и к сфере явления общества, имеют социальную сторону в узком смысле слова. В этом социальном

аспекте класс выступает главным образом с точки зрения того, что его место и роль, единство положения его членов в общественном способе производства проявляются в *одинаковости* жизни индивидов, относящихся к классу (в одинаковости условий труда, производства и в одинаковости их влияния на индивидов, в уровне обеспеченности пищей, жильем и т. д. и т. п.). Можно сказать, что в таком, узком социальном отношении *единство* класса предстает *через одинаковость* жизненных интересов входящих в него *индивидов*.

При рассмотрении сферы явления общества люди уже предстают *в какой-то степени как личности, и все же непосредственно на первый план выступает то, что они есть человеческие индивиды*.

Предположим теперь, что производительное отношение к природе и производственные отношения изменяются. Это значит, что изменяется деятельность людей в качестве личностей. Именно изменение производственных отношений, изменение *общественных* отношений производства порождают потребность предвосхитить изменение общества в представлении, идеально. Чем более сформировались производственные отношения и чем кардинальнее нужда в их изменении, тем больше потребность предвосхищения изменения общества.

Именно *изменение* производственных отношений ближайшим образом порождает потребность в индивидах, в той или иной степени *сознающих* свое участие в *общественном целом*. Или, иначе говоря, потребность в *общественном* сознании вытекает из производства как *процесса*, т. е. как изменяющегося, и ближайшим образом – из *общественных* отношений производства как *процесса*, т. е. как именно изменяющихся отношений. *В полной мере человек есть личность в качестве сознательного участника изменения общества как целого (а значит, и соответствующего изменения себя самого)*.

Забегая вперед, чтобы снять недоразумения, возможные у некоторой группы читателей, заметим следующее. Сознание в це-

лом вырастает из процесса производства и главным образом существует ради процесса производства. *Сознание имеет в себе две стороны*; с одной стороны, это предвосхищение в представлении, т. е. идеально, результата преобразования предмета труда средствами труда, иначе говоря, речь идет о *знании*; с другой стороны, это есть предвосхищение в представлении, идеально, своего отношения к людям и людей к себе, отношений людей друг к другу. Вторая сторона и есть само по себе сознание, т. е. знание со стороны его *общественного* существования, существования через общественные отношения. С этой второй стороны, сознание само по себе необходимо включает в себя, необходимо предполагает самосознание. Сознать, *совместно, общественно* знать нельзя, если индивиды не отличают себя друг от друга в качестве знающих, если индивиды не знают себя в качестве знающих по отношению к другим индивидам. Первая сторона (знание) вырастает преимущественно из взаимоотношения человека и природы, вторая сторона – из взаимоотношения людей в производстве, труде. И подобно тому как производительные силы и производственные отношения, труд как обмен веществ с природой и труд как общественный труд существуют реально лишь в их внутреннем единстве, так и обе стороны сознания внутренне едины друг с другом в своем различии. Как отдельный человек не существует вне внутренней связи с другими людьми, обществом и наоборот, так и сознание людей внутренне едино и различно с самосознанием. Тем не менее можно заметить, что первая сторона сознания (знание) в большей мере обусловлена отношением человека к природе, а вторая сторона (собственно сознание) в большей мере обусловлена отношениями людей друг к другу в труде, в производстве, общественными отношениями производства. И если мы ближайшим образом выводим здесь *вторую* сторону сознания из производственных отношений, то первая сторона вне специального фиксации ее связи со второй рассмотрена при характеристике обмена веществ человека и природы.

Всякое данное производительное отношение к природе имеет спектр возможностей своего применения и изменения. В зависимости от тех или иных производственных отношений эти возможности могут быть реализованы так или иначе, в той или иной степени, но они не могут (по крайней мере, надолго) выйти за «рамки» этих возможностей. В этом смысле они не могут совершенно и более или менее длительно не соответствовать производительному отношению к природе.

От чего же зависит то, какие *именно* производственные отношения образуются при разрешении несоответствия старых производственных отношений наличным производительным силам, т. е. насколько и как образующиеся производственные отношения реализуют возможности, имеющиеся в наличном производственном отношении к природе? Само изменение производственных отношений в общем и целом вызывается их несоответствием производственному отношению к природе, их несоответствием производительным силам. Но какое несоответствие производственных отношений имеющимся производительным силам необходимо для осуществления изменения имеющихся производственных отношений? И достаточно ли это необходимое развитие имеющихся производственных отношений для того, чтобы совершился их переход в иные производственные отношения? Начнем с ответа на последний вопрос.

Абсолютное, совершеннейшее соответствие производственных отношений производительным силам невозможно. Всякое соответствие имеющихся производственных отношений наличным производительным силам включает в себя в той или иной степени, в том или ином отношении также и несоответствие.

Возникновение новых производственных отношений есть возникновение производственных отношений, соответствующих наличному производственному отношению к природе, наличным производительным силам. Вместе с тем оно есть возникновение нового несоответствия возникших производственных отношений существующим производительным силам.

Как всякий процесс развития, соотношение данных определенных производственных отношений и определенных производительных сил, на основе которых они возникли, проходит типичные стадии.

Стадия возникновения новых производственных отношений — стадия возникновения как соответствия, так и несоответствия вновь возникших производственных отношений имеющимся производительным силам. На этой стадии новые производственные отношения в основном соответствуют унаследованным производительным силам, унаследованному производительному отношению к природе.

Стадия формирования новых производственных отношений. На этой стадии в рамках новых производственных отношений происходит изменение унаследованных производительных сил, унаследованного производительного отношения к природе. Вместе с тем, формируется несоответствие новых производственных отношений изменяющимся в их рамках производительным силам, изменяющемуся в их рамках производительному отношению к природе.

Стадия зрелости новых производственных отношений. На этой стадии в рамках новых производственных отношений формируются *качественно иной характер и соответствующий ему уровень* производительных сил по сравнению с унаследованными характером и уровнем производительных сил. На этой стадии достигает зрелости несоответствие новых производственных отношений производительным силам, качественно и количественно изменившимся по сравнению с унаследованными производительными силами.

Стадия упадка, регресса, загнивания, умирания этих производственных отношений. Если даже на стадии возникновения новых производственных отношений нет и не может быть *абсолютного соответствия, только соответствия* новых производственных отношений имеющимся производительным силам, то даже на стадии упадка нет *абсолютного несоответствия, только несоответ-*

ствия имеющихся производственных отношений имеющимся производительным силам. Поэтому, хотя и в уменьшающейся степени, в более ограниченных отношениях, но загнивающие производственные отношения никогда абсолютно не закрывают дорогу функционированию и развитию производительных сил, функционированию и развитию производственного отношения к природе. Производительные силы сами по себе никогда абсолютно не исключают старые производственные отношения.

Следовательно, автоматическая смена одних производственных отношений другими вследствие только развития производительных сил и одного лишь противоречия между старыми производственными отношениями и изменившимися (качественно и количественно) производительными силами невозможна.

Смена одних производственных отношений другими, реализация различных возможностей, содержащихся в производительных силах, зависит не только от объективных предпосылок – они необходимы, но недостаточны, – а также и от *мыслей, чувств и действий людей*, направленных либо на поддержание существующих производственных отношений, либо на возвращение к старым, либо на замену существующих производственных отношений иными, не имевшими места прежде.

Наиболее вероятна смена существующих производственных отношений на стадии упадка. Так как изменение производительных сил, вообще производственного отношения к природе лежит в основе изменения производственных отношений (ибо главное для людей, в конечном счете, производительное отношение к природе, а не производственные отношения), то смена существующих производственных отношений в общем и целом закономерно происходит на стадии их умирания.

Однако по мере того как производительное отношение к природе, производительные силы развиваются настолько, что они позволяют производить изобилие материальных благ, производственные отношения приобретают все большую относительную самостоятельность по отношению к производительным силам, про-

изводительному отношению к природе. Люди получают все больше и больше возможностей для выбора производственных отношений, связь производственных отношений с производительными силами, с производительным отношением к природе становится все более опосредствованной. Но, конечно, общей основой для изменения производственных отношений продолжают всегда оставаться производительные силы, производительное отношение к природе, ибо без этого люди не могут существовать.

При отсутствии изобилия материальных благ производственные отношения, их смена более жестко детерминированы производительными силами, производительным отношением к природе, ибо при отсутствии изобилия материальных благ особенно остра необходимость наилучшего использования производительных сил, производительного отношения к природе для того, чтобы получать возможно больше материальных благ.

При наличии изобилия материальных благ существенно изменяется сам характер детерминации производственных отношений производительными силами, производительным отношением к природе. Главным для выбора (сознательного или бессознательного) людьми производственных отношений становится не количество и качество результатов, продуктов производства, а количество и качество процесса труда как способа развития сил человека. При этом связь производственных отношений с производительными силами, с производительным отношением к природе становится более непосредственной.

Так как на любой из отмеченных стадий имеются и соответствие и несоответствие существующих производственных отношений имеющимся производительным силам, то существует возможность миновать или одну из этих стадий, или их все и сразу установить наиболее высокие производственные отношения из тех, которые так или иначе, хотя бы минимально и в самых ограниченных отношениях, соответствуют производительным силам, производительному отношению к природе.

Если рассматривать производительные силы, производительное отношение к природе, производственные отношения в целом, то совершенно закономерно, что на смену существующим производственным отношениям идут производственные отношения, в общем соответствующие имеющимся производительным силам, производительному отношению к природе, ибо именно сохранение и развитие производительных сил, производительного отношения к природе есть главное по сравнению с производственными отношениями. И соответственно закономерной оказывается смена одних производственных отношений другими именно на стадии упадка.

Если же производственные отношения человечества развиваются в различных своих «частях» и т. п. неравномерно, то вполне вероятен «перескок» менее развитых «частей» под влиянием более развитых «частей» через одну или несколько стадий развития. Но, тем не менее, развитие производственных отношений общества, взятых в целом, или, иначе говоря, смена производственных отношений, имеющая *всемирно-историческое* значение, происходит на стадии упадка сменяемых производственных отношений.

Когда именно и как именно происходит смена одних производственных отношений другими, зависит от существующего способа производства, от спектра возможностей его изменения, таящихся в нем самом; но не только от этого, а также от того, как и насколько люди *осознают* имеющиеся возможности, как они *воспринимают* их, как они *действуют* ради реализации тех или иных возможностей, таящихся в способе производства.

Пока речь шла о простейшем отношении, люди выступали либо как одинаковые друг с другом, либо как различающиеся по полу и возрасту. Когда речь шла о производительном отношении к природе и о производственных отношениях в их единстве и в отвлечении от их изменения, т. е. в отвлечении от их изменения внутри *способа производства*, люди различались по их месту, роли, значению в совокупном производстве. Теперь, когда обнаружива-

ется зависимость смены производственных отношений, изменения способа производства от людей, которые не есть только носители труда и носители производственных отношений, на *первый план* выступает то, что люди имеют *свободу выбора*.

Пока рассматривались труд, производительное отношение к природе, *в общем и целом* на первый план выступала *необходимость* (труд, производство представлялись средством удовлетворения биологических или трудовых потребностей), а познание — как познание *необходимости*. Свободу выбора люди имеют потому, что необходимость не есть абсолютно предопределенная, объективные возможности таковы, что могут быть реализованы различно, хотя и на основе имеющегося спектра возможностей. Свободу выбора люди имеют также потому, что выбор зависит и от них самих, и от их чувств, сознания, воли, индивидуальных качеств.

Чувства, сознание, действия людей, поскольку дело заключается в изменении производственных отношений, а значит, производства как общественного производства, как *целого*, имеют своим *содержанием* это целое, сферу общественного производства, т. е. представляют собой *общественные* чувства, *общественное* сознание, *общественные* действия.

Свобода выбора отношений людей друг к другу предполагает, что индивид выделяется из коллектива и тем самым развивается как личность. Говоря о выделении индивида, мы не имеем в виду обязательно антагонизм, враждебность индивида коллективу. Речь идет о том, что человек относится к коллективу не как животное, а как существо, осознающее свою связь с другими индивидами, с коллективом, осознающее себя как способного к *различным* мыслям, чувствам, действиям в какой-либо ситуации общения.

Выделение индивидов в коллективе как личностей означает приобретение ими способности к свободному выбору в общении, выбору, основанному на познанной необходимости, т. е. выбору в общении, опирающемуся на то или иное знание других людей, коллектива, себя самого. Знание, познание свободы выбора отно-

шений людей друг к другу есть вторая из упомянутых выше сторон сознания. Еще раз подчеркнем, что знание, познание, с одной стороны, и собственно сознание – с другой, едины. Знание людей своим происхождением обязано главным образом трудовым, производительным отношениям людей к природе, сознание своим происхождением обязано главным образом отношениям людей друг к другу в производстве, труде, т. е. производственным отношениям. Подобно тому как производительное отношение к природе не существует реально вне и помимо производственных отношений, так знание и сознание существуют во внутреннем единстве друг с другом и не существуют в отрыве друг от друга. Знание есть всегда реально и собственно сознание, а собственно сознание есть знание. Тем не менее в этом внутреннем единстве имеется и различие. В широком смысле слова и знание, и собственно сознание есть сознание.

Что такое знание и познание? А в связи с этим – что такое сознание?

Познание есть процесс получения знания. Знание – *результат* познания. Знание образуется прежде всего в целесообразной деятельности по преобразованию природы. Знание есть отражение. Собственно знание есть верное, правильное отражение. Знание в широком смысле слова включает в себя и верное, правильное, и неверное, неправильное, отражения. Знание в самом узком смысле слова есть абсолютная истина, знание в более широком смысле слова есть единство абсолютной и относительной истины. А в еще более широком смысле слова знание – единство истины (собственно знания) и заблуждения. Если заблуждение закрепляется, раздувается причинами, посторонними к самому процессу познания, то оно вообще выходит за границы знания даже в самом широком смысле слова.

Знание в качестве знания необходимо как верное, правильное отражение. Заблуждение входит в знание и познание лишь постольку, поскольку оно представляет собой *необходимый побочный* момент и продукт, результат достижения истины, верного,

правильного знания. Знание вообще по своему происхождению и по сути есть цель. Знание как цель представляет собой верное, правильное предвосхищение результата, продукта процесса труда, осуществляемое при помощи верного, правильного знания о средстве и предмете труда, их свойствах, а также о способе труда.

Итак, знание есть верное, правильное отражение. Но это не пассивное отражение, *не отражение только того, что есть*. Это отражение есть отражение того, что есть, и, вместе с тем, того, что будет, т. е. *предвосхищающее отражение*. Кроме того, знание есть такое отражение, которое необходимо предполагает *отражение средств и способов* достижения того, что будет, *а также предмета* (или предметов), на который направлены средства.

Тождественны ли цель и знание? По сути своей цель и знание неотделимы друг от друга, внутренне едины, существуют лишь в превращенности друг в друга. Но по своей, так сказать, чистой специфике, в своей обособленности знание предстает как отражение того, что есть, а цель – как предвосхищение результата, того, что будет, как то, что направляет движение к результату, т.е. как управление движением к результату.

Если знание, познание как таковые образуются (имея в виду их специфику по отношению к собственно сознанию) преимущественно в процессе преобразования *природы* и для преобразования природы, то в качестве знания, познания они призваны к преимущественному отражению природы. Производственные, вообще общественные отношения, собственно сознание могут быть объектом и предметом познания, знания, но в этом случае общественные отношения, собственно сознание отражаются со стороны их обусловленности природой, производительным отношением к природе, выступают как *объективно* существующие, как *объект*.

Если собственно сознание как таковое происходит в конечном счете и главным образом из производственных отношений, из *общественных* отношений производства, то и предназначено оно главным образом (но не исключительно) для осознания общественных отношений производства. В знании, познании познается не-

что как *независимое* от познающего, как объект, собственно сознание есть установление единства или установленное единство людей как знающих, познающих в их отличии друг от друга (без отличия нет единства). Сознание, следовательно, необходимо предполагает самосознание. Иначе говоря, в знании, познании познающий – субъект, а то, что познается, – объект, тогда как в собственно сознании знание, познание, отношение *субъекта и объекта* есть необходимый, но подчиненный момент, а главный специфический момент сознания есть отношение *субъектов друг к другу*.

Итак, знание, познание людей едины с собственно сознанием и в отрыве от него реально не существуют; собственно сознание едино с знанием, познанием, необходимо включает их в себя, и в отрыве от знания, познания реально не существует. Сознание в целом, в широком смысле, есть внутреннее единство этих различных сторон.

Исходя из сказанного, мы полагаем, что наука, по преимуществу, есть форма знания, познания (особая форма, скажем, в отличие от обыденного знания, познания). В той мере, в какой знание, познание есть сознание, едины с собственно сознанием, «пронизаны» им, наука представляет собой форму сознания, форму общественного сознания. При сохранении поработящего разделения труда (или более или менее существенных его остатков) имеет место разделение наук на науки о природе и науки об обществе.

Науки о природе (о природе специфически по-человечески мы можем знать лишь постольку, поскольку она прямо или косвенно, непосредственно или опосредованно включена в производительный обмен веществ между ней и человеком) представляют собой главным образом знание, познание. Науки об обществе представляют собой главным образом сознание. Наука, соответствующая развитому, зрелому человеческому обществу, – главным образом синтетическая, внутренне единая наука; знание, познание природы и осознание общества низводятся в ней на роль внутренних единых различных моментов.

Специфика содержания собственно сознания, общественно-го сознания, даже если объектом знания, познания служит общество, не сводится к специфике содержания науки.

Собственно общественное сознание, в отличие от науки, вообще от знания, познания, призвано регулировать отношения людей друг к другу как *субъектов*, что необходимо предполагает отношение людей друг к другу также и в качестве самосознающих. Поскольку человек обладает собственно сознанием и самосознанием, постольку он есть *личность*.

Человек как личность существует лишь в коллективе, лишь в отношении к коллективу и притом как способный к свободному выбору своих отношений с другими людьми. Образование личности представляет собой и выделение индивида из коллектива, и осознание единства с коллективом. Специфически человеческий коллектив – это коллектив, состоящий из личностей. Следовательно, образование личности есть в то же время процесс расчленения общности индивидов и их объединения как расчленяющихся.

Собственно общественное сознание существует реально в качестве сознания индивидов и тех их отношений, связей, которые образуются и существуют благодаря тому, что они, прежде чем образоваться, проходят через сознание. Нет общественного сознания без личностей, нет личностей без общественного сознания, они взаимно предполагают друг друга и друг без друга не существуют. *Личность* есть индивид, обладающий сознанием (и самосознанием) и действующий как сознающий (и самосознающий) индивид. Сознание (и самосознание) индивида есть индивидуальное, а точнее, личностное, или личное, сознание (и самосознание). Общественное *сознание* не существует иначе, как в головах индивидов, и, вместе с тем, не сводится к индивидуальному, точнее, личностному сознанию (и самосознанию), а представляет собой продукт деятельности коллектива, продукт деятельности индивидов, образующих *целое*.

Общественное сознание складывается только из сознаний индивидов, точнее, личностей, надындивидуального сознания как сознания личности не существует. Но, вместе с тем, общественное сознание не тождественно ни сознанию отдельной личности, ни сознанию суммы всех личностей, так как общественное созна-

ние – продукт развития *общества, ансамбля* людей, не сводимого к их простой сумме, а представляющего собой *целостность*, органическое единство. Да и само сознание отдельной личности, как только исключительно индивидуальное сознание, не существует, ибо сознание есть знание себя в связи и различии с другими людьми, знание других людей в связи и различии с собой.

Сознание реализуется всегда в головах индивидов, личностей, но *содержание* сознания есть *общественное* содержание. Благодаря тому что сознание реализуется в головах индивидов, сознание какого-либо индивида (или сознания индивидов) предстает для любого другого данного сознающего индивида как нечто *внешнее, объективно, независимо от него данное, выступающее для него в материальной «оболочке»*. Тут хорошо видно, что сознание других индивидов для данного индивида в отмеченном отношении выступает как *объект*, как то, что познается, как объект знания, познания. Следовательно, в этом отношении знание, познание оказываются необходимым моментом собственно сознания.

Общественное *сознание* есть внешнее, объективное, данное независимо от отдельного сознающего индивида, поскольку помимо этого сознающего индивида имеются другие сознающие индивиды; но вместе с тем индивидуальное сознание представляет собой сознание, общественный продукт, установленное или устанавливаемое единство с другими людьми, как сознающими и самосознающими, образует собой внутренний момент общественного сознания.

В собственно общественном сознании для каждого индивида другой индивид или другие индивиды выступают не только в качестве объектов, но главным образом в качестве субъектов (объектом знания, познания здесь будет субъект) и притом как субъектов, внутренне единых друг с другом. Иначе говоря, *собственно* общественное сознание есть знание и познание различными людьми других людей и самих себя в их связях, отношениях, единстве друг с другом как активных и знающих других и себя в этом единстве.

Что образует объект собственно общественного сознания, или сознания в узком смысле (взятого как таковое и в полном объеме), в отличие от его формы (форм)? То в связях, отношениях различных людей, что есть и совершается без участия сознания, что происходит и без сознания.

Что же происходит в отношениях, связях людей без участия общественного сознания? Но прежде чем ответить на поставленный вопрос, необходимо заметить, что *общественное сознание в узком смысле по самой своей сути – сознание общества*, т. е. сознание целого, сознание *общества как целого*, хотя, конечно, это сознание может быть более или менее отчетливым, более или менее верным, совершаться так или иначе, воспроизводить те или иные аспекты целого в той или иной степени...

Объектом общественного сознания, взятого в узком смысле, являются производственные отношения, как не зависящие от общественного сознания. Производственные отношения не зависят от общественного сознания постольку, поскольку производственные отношения определяются с необходимостью спектром возможностей, имеющихся главным образом в производительных силах, в наличном производительном отношении к природе.

Поскольку определенное общественное сознание вырастает из этого отношения к природе и обусловленных им производственных отношений, постольку производительное отношение к природе и производственные отношения образуются и развиваются, не проходя при своем складывании полностью как целое через общественное сознание. И даже сознательное развитие производительного отношения к природе, производительных сил, производственных отношений, хотя и есть предвосхищение этого развития, но границы предвосхищения всегда в конечном счете определяются самим этим развитием.

Следовательно, общественное сознание всегда, на всех стадиях развития общества, с одной стороны, играет известную роль в развитии способа производства, с другой – эта роль не является определяющей.

Знание человека есть не просто отражение, а отражение предметов, процессов и т. п. с точки зрения возможностей их изменения. Общественное сознание, поскольку оно есть, между прочим, и знание, есть отражение материальной жизни общества, главным образом производственных отношений, обязательно как процесса с точки зрения возможностей их изменения (коренного или не коренного). Общественное сознание как собственно сознание *«призвано»* регулировать отношения людей как *активных и знающих себя в их единстве в качестве субъектов*, прежде всего и главным образом в сфере производственных отношений. Естественно, что и с той, и с другой стороны общественное сознание имеет *особенное значение* тогда, когда *необходимо коренное изменение* общественного способа производства. Соответственно, роль общественного сознания менее значительна в период по преимуществу простого функционирования данного способа производства.

Из сказанного следует, что в общем и целом наименее значительна роль *общественного* сознания на стадии возникновения новых производственных отношений, на стадии наибольшего соответствия существующих производственных отношений имеющимся производительным силам, а наиболее значительна роль *общественного* сознания на стадии упадка существующих производственных отношений.

Содержание общественного сознания вообще, поскольку общественное сознание есть знание и познание, представляет собой отражение главным образом производственных отношений и особенно возможностей их изменения, обусловленных имеющимся производительным отношением к природе, имеющимися производительными силами¹. Поскольку же содержание общественного сознания есть *отражение*, существующее в головах *индивидов*,

¹ Подчеркнем еще раз: науки об обществе в той мере, в какой они представляют собой познание, знание общества, изучают общество как *объект*: в формах собственно общественного сознания (и в науках, поскольку они относятся к этим формам) отражаются люди как *субъекты* и связи, отношения людей как связи, отношения субъектов, *активных, действующих, чувствующих, мыслящих людей*.

постольку на содержание общественного сознания влияет, хотя это и не главное влияние, своеобразие *индивидов*, специфика их индивидуального отражения. Реализуется это отражение индивидами, обладающими не только определенными биологическими потребностями, занимающими определенное место в производительном отношении к природе и в производственных отношениях, но также определенными природными задатками, вступающими в своеобразную «реакцию» с общественной средой, в результате которой (реакции) образуется своеобразная личность, имеющая черты как общие со всеми другими или с частью других личностей, так и неповторимые. (Среда, в которой возникает, формируется, развивается личность, у каждого индивида обладает не только общими, но и своеобразными, неповторимыми чертами и неповторимым их сочетанием.)

Отражение индивидами действительности происходит в деятельности, в действии, при помощи чувств и мыслей.

Знание вырастает в труде, как момент труда (под трудом мы подразумеваем труд во всем его многообразии, в том числе и умственный). Знание, взятое в целом, получается в конечном счете прежде всего ради преобразования природы и в процессе преобразования природы. Знание (в его специфике по отношению к внутренне единому с ним сознанию) об обществе, о людях представляет собой как бы «перенос» способа, характера отражения преобразуемой природы на особую, социальную форму движения материи. Поскольку общество, люди едины со всей остальной природой, постольку их достаточно главным образом познать; поскольку же общество, люди не сводятся ко всей остальной природе, постольку их отражение осуществляется преимущественно сознанием. Но люди, общество отличны от природы во внутреннем единстве с ней; знание и сознание отличаются друг от друга также в их внутреннем единстве друг с другом. В той мере и в том отношении, в какой мере и в каком отношении человек преобразует природу, он проникает *внутрь* природы, внутрь природных предметов, процессов, явлений, вскрывает то, что в природе самой по

себе «скрывается», что в *непосредственно* данных предметах, явлениях, процессах природы не имеет места.

То в природе, что воспринимается непосредственно без и вне ее преобразования, отражается главным образом чувственно. В чувствах отражается, по преимуществу, непосредственно данное, внешнее. Те стороны, черты и т. п. процессов, предметов, явлений природы, которые обнаруживаются благодаря процессу преобразования, не даны без процесса преобразования, не даны непосредственно, внешне, а есть *внутренние, существенные* стороны, черты и т. п.

Так как труд (в качестве процесса обмена веществ между человеком и природой) достигает зрелости тогда, когда он становится устойчиво, постоянно совершающимся и происходящим при помощи искусственно созданных *средств* труда, то и в познании, знании закрепляется, становится устойчивым отражение того, что не дано непосредственно, но представляет собой внутреннее, существенное, тогда, когда и в познании, знании *специально* отражаются *средства и способы познания*.

Собственно человеческое мышление как знание есть *отражение внутреннего, сущности процессов, предметов, явлений, причем с выделением средств и способов постижения внутреннего, сущности*¹. Но постижение средств и способов отображения внутреннего, сущности есть направленность мышления на само мышление. Следовательно, развитое мышление человека, ставшее мышлением *человека*, – это отображение внутреннего, сущности процессов, предметов, явлений, на которые направлено мышление, и одновременно мышление о мышлении, а именно – при рассмотрении мышления в качестве познания – мышление о средствах и способах мышления.

Человеческое мышление как сознание, если его рассматривать в «чистом» и развитом виде, есть мышление и мышление о

¹ Осознание средств и способов достижения внутреннего, сущности начинается задолго до возникновения теории познания как особой области знания, задолго до возникновения наук. Мышление о мышлении развивается, представляет собой процесс. Исторически мышление о мышлении образуется сначала как еще не обособившийся момент, как момент синкретического восприятия людей.

мышлении именно с точки зрения отражения их связи с *общественными* потребностями, с точки зрения их *общественной* природы, их *общественной* роли и значения.

Человеческое мышление как *самосознание* есть осознание индивидом, личностью своего мышления (т. е. это тоже направленность на мышление, но тут на мышление может быть направлено не только мышление, но и чувства) в его связи и различии с сознанием других людей, с общественным сознанием.

Чувства человека не существуют в отрыве от мыслей, чувства человека всегда в той или иной степени, так или иначе связаны с его мыслями, с его сознанием, связаны с чувствами и мыслями других людей как индивидов и как общественного целого.

Чувства и мысли индивидов, их сознание побуждают их к действиям и направляют их действия.

Объект общественного сознания не зависит от общественного сознания. А объект у общественного сознания есть, ибо оно есть *со-знание*. Но для общественного *со-знания* характерны *отражение субъекта как субъекта* и *воздействие на людей как субъектов*. Поскольку же имеется в виду общественное *со-знание*, постольку оно имеет содержание, не сводимое просто к отражению процессов, отношений, связей, не зависимых от общественного сознания, постольку оно имеет содержание, не сводимое только к знанию, познанию. Само это содержание общественного сознания имеет различные формы.

Содержание и формы общественного сознания есть продукты взаимодействия людей, имеющих чувства, мысли, людей действующих.

Каковы же основные формы¹ общественного сознания? Так как для общественного сознания характерны отражение субъекта

¹ Когда говорится о *формах* общественного сознания, то имеется в виду (отдают себе в этом отчет или нет – безразлично) оформившееся, сформировавшееся, т. е. зрелое, общественное сознание. Относительно несформировавшегося общественного сознания и постольку, поскольку оно не сформировалось, целесообразнее говорить о различных сторонах и т. п. общественного сознания. Форма общественного сознания, в отличие от других форм, есть некое определенное и относительно самостоятельное особое образование.

как субъекта и воздействие на людей как субъектов, а это отражение и воздействие осуществляются в действии и при помощи чувств и мышления, то общественное сознание расчленяется на три основные формы в зависимости от преобладания того или иного из этих трех моментов (т. е. действия, чувств, мышления) ¹.

«Вначале было дело», – справедливо гласит поговорка. Поэтому мы начнем с формы общественного сознания, для которой характерно преобладание действия. Какова та форма общественного сознания, в функционировании которой преобладает влияние действий, или, иначе говоря, в которой оформление общественного сознания происходит при преобладающем влиянии действия? Речь идет о действиях личностей, о действиях сознающих и самосознающих индивидов, т. е. индивидов, выделившихся из коллектива и так или иначе сознающих и свое выделение из коллектива, и свою связь с ним. Кроме того, речь, естественно, идет о действиях индивидов по отношению к другим индивидам и коллективу, о действиях, направленных на других индивидов и на коллектив в целом (или о действиях, направленных на преобразование природы, но постольку, поскольку эти действия влияют *непосредственно* на других индивидов, на коллектив).

Во всяком целом его части, стороны подчинены целому. Какова высшая цель действий индивидов по отношению друг к другу и к коллективу? Сохранение и развитие целого, т. е. коллектива, в конечном счете сохранение и развитие всего общества, всего человечества как целого² и притом наилучшее сохранение и раз-

¹ Наука есть главным образом форма *знания*, форма *познания*. В той мере, в какой знание, познание необходимо включают в себя сознание и едины с сознанием, наука представляет собой также форму общественного сознания. Тем не менее наука, по преимуществу, все же форма знания, форма познания.

² Мы рассматриваем здесь общество в логическом аспекте. А логический способ исследования, указывал Ф. Энгельс, есть «отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы» [1, т. 13, с. 497]. Поэтому если возникнет, например, вопрос: относится ли это к первобытному обществу, то такой вопрос будет основываться на непонимании специфики логического способа исследования.

витие всего человечества. *Если сохранение и развитие коллектива противоречат сохранению и развитию индивида, то более существенным являются сохранение и развитие коллектива, а сохранение и развитие человечества в целом более существенны, чем сохранение той или иной его части (класса, слоя, группы и т. п.). Идея добра в ее наивысшем развитии – идея направленности действий на сохранение и развитие всего человечества.*

Действия индивидов определяются прежде всего и главным образом необходимостью удовлетворения биологических потребностей, тем или иным местом в производительном отношении к природе и в производственных отношениях. Их материальное положение, их место в материальной общественной среде определяет их материальный интерес. Говоря о материальном интересе, мы имеем в виду интерес, поскольку он с необходимостью определяется материальным положением, местом в материальной общественной среде. Так как общество есть не только и не просто сумма индивидов, а целое, то у общества как целого есть материальные интересы, не сводимые к материальным интересам отдельных индивидов или даже просто к одинаковым интересам всех отдельных индивидов, взятых в качестве простой суммы индивидов.

Если общество разделяется на части (классы, слои, группы и т. п.) по их материальному положению, то каждая из этих частей сама может быть меньшим целым и обладать материальными интересами, присущими им именно как таким целым.

Материальные интересы с необходимостью определяют действия индивидов, частей общества. Но, как мы уже писали, эта *необходимость* действия определяет их *пределы*. В пределах же, определенных каждый раз с необходимостью, возможен спектр различных действий (та или иная реализация этих возможностей есть, вместе с тем, и определенное изменение необходимости). Поскольку материальное положение индивидов, общества, его частей не есть нечто неизменное, постольку изменяются и материальные интересы.

Человек действует как сознающий (и самосознающий) индивид. Поэтому он может выбирать различные возможные действия в спектре, определенном его материальными интересами.

Часть общества, действующая как целое, и все общество, действующее как целое, также могут выбирать различные действия в спектре, определенном их материальными интересами.

Эти действия могут приносить либо пользу, либо вред (польза и вред могут различаться по степени).

Общественное сознание не сводится ни к индивидуальному сознанию, ни к простой сумме сознаний всех индивидов. Однако общественное сознание и не существует в отрыве от индивидуального сознания, от сознающих индивидов. Общественное сознание есть *связь* индивидов как сознающих (и самосознающих) индивидов.

Следовательно, форма общественного сознания, фиксируемая через призму *действий* сознающих (и самосознающих) индивидов, есть *форма связи* сознающих и (самосознающих) индивидов друг с другом, фиксируемая через призму их действий, форма именно связи, а не просто одинаковости изолированных индивидов.

При такой форме общественного сознания действия осознаются и совершаются с точки зрения их пользы и вреда для других индивидов, для связи индивидов, поскольку она отлична от составляющих общество отдельных индивидов, т. е. для индивидов, объединенных в целое.

Полезность действий людей как сознающих (и самосознающих) индивидов для наилучшего сохранения и развития человечества как целого есть *добро в его наивысшем развитии*. Вредность действий людей как сознающих (и самосознающих) индивидов для сохранения *и развития* человечества в целом есть зло в его наивысшем развитии.

Внутри этой формы общественного сознания можно, в свою очередь, различить, что по преимуществу относится к содержанию, а что – к форме.

Сначала о содержании внутри этой формы.

1. Действия индивида могут быть направлены на пользу другого индивида или части общества, или всего общества в целом, и, вместе с тем, они могут быть полезны самому индивиду. 2. Действия индивида могут быть направлены на пользу другого индивида или части общества, или всего общества, и, вместе с тем, они могут быть вредны самому индивиду. 3. Действия индивида могут быть направлены во вред другому индивиду или части общества, или всему обществу, и, вместе с тем, они могут быть полезны самому индивиду. 4. Действия индивида могут быть направлены во вред другому индивиду или части общества, или всему обществу, и, вместе с тем, они могут быть вредны самому индивиду. Возможны переплетения этих случаев в различных отношениях и в разных ситуациях. Действия осуществляются в рамках противоположности добра и зла.

В основе всех этих действий лежат материальные интересы, их одинаковость или неодинаковость, их связи, различия, противоположности, противоречия. Но как сознающий (и самосознающий) индивид, стремящийся своими действиями принести пользу или вред другому индивиду (другим индивидам), части общества или всему обществу в целом, человек действует преимущественно в рамках общественного сознания, притом его определенной формы.

Поскольку часть общества и все общество представляют собой целые, не сводимые ни друг к другу, ни к отдельным индивидам, ни к сумме индивидов, постольку добро и зло, с точки зрения сугубо индивидуальной, добро и зло, с точки зрения части общества как особой целостности, и добро и зло, с точки зрения всего общества как целого, не сводимы друг к другу.

Необходимость добра и зла, с точки зрения отдельного индивида, с точки зрения разных индивидов, с точки зрения части общества как особой целостности и всего общества как целого, служит основанием для существования *долга*. Так как сознание есть по своей сути *общественное* явление, то и долг – явление

общественное. Долг – требование действия в соответствии с добром, поскольку это добро не совпадает непосредственно с сугубо индивидуальной пользой. Действия в соответствии с сугубо индивидуальной пользой, совершаемые сознающим (и самосознающим) индивидом, не есть добро, ибо добро отсутствует, если нет действия сознающего (и самосознающего) индивида, направленного на пользу существования другого индивида (или индивидов) как общественного существа.

Следовательно, долг – это *внешнее* требование действия в соответствии с добром. Человек может или сам выбрать исполнение долга, или быть к этому вынужден. Если действие в соответствии с добром усваивается индивидом, пропускается через его внутренний мир и образуется *потребность* в его совершении, то у человека формируется *совесть*. Совесть есть *внутренняя* потребность личности (индивид, не являющийся личностью, не может иметь совести) в совершении действий в соответствии с добром. Отсюда видно, что долг и совесть существуют всегда, когда существует общество, они необходимы для существования общества, у изолированного индивида они невозможны и образуются у сознающих (и самосознающих) индивидов в процессе их участия в жизни общества.

Материальным основанием добрых действий служат одинаковость и главным образом единство, связь материальных интересов. Материальным основанием злых действий служат неодинаковость, различие и главным образом противоположность и противоречие материальных интересов. Но, как уже отмечалось, это – основание, к которому действия, их выбор не сводятся, ибо добрые и злые действия есть действия сознающих (и самосознающих) индивидов.

Тем не менее, если в обществе преобладают одинаковость и единство материальных интересов, то в нем преобладают добрые действия, если в обществе преобладают неодинаковость, различие, а тем более противоположность и противоречия материальных интересов, то в нем преобладают злые действия.

Конечно, коль скоро материальные интересы индивидов как *индивидов*, даже если они одинаковы у всех индивидов, никогда не могут быть полностью сведены к материальным интересам общества как *целого*, то всегда сохраняется материальное основание для злых действий. Но имеется колоссальная разница между таким состоянием, когда материальный интерес общества, хотя и не сводится полностью к непосредственному интересу индивида, отличается от него, но в конечном итоге не противоречит ему и оказывается опосредованным материальным интересом индивида и таким состоянием общества, когда материальный интерес общества или части общества противоположен, противоречит непосредственному материальному интересу индивида.

На тех этапах истории человечества, когда развитие общества происходит преимущественно путем раскола общества на противоположные и противоречащие части, имеющие противоположные и противоречащие интересы, развитие добра происходит, но происходит в общем и целом не непосредственно, а через его отрицание злом, через осуществление зла, т. е. через свою противоположность. *Непосредственно и ближайшим образом* господствует зло, но преобладание зла необходимо в конечном счете для развития добра и как подготовка к преобладанию добра, более того, добро, когда существование эксплуатации исторически необходимо, осуществляется в общем и целом через осуществление зла, через осуществление своей противоположности.

Поскольку общество развивается в целом и как целое прогрессивно, постольку всегда *в конечном счете* доминирует добро. И тем не менее непосредственно на тех или иных стадиях прогрессивного развития человечества это развитие может с необходимостью происходить через осуществление и развитие зла, через непосредственное доминирование зла.

Осуществление в конечном счете добра через непосредственное осуществление господства зла происходит при наличии противоположности и противоречия в обществе материальных интересов и противоположности, противоречий материальной

деятельности носителей таких интересов. Тогда то, что есть добро с точки зрения носителей одних материальных интересов, оказывается злом с точки зрения носителей противоположных и противоречащих интересов. И наоборот.

Высшее добро, т. е. добро с точки зрения развития *всего* человечества, опосредствовано этой противоположностью и осуществляется постольку, поскольку те или иные из противоположных и противоречащих интересов совпадают с интересами всего человечества в целом.

Неследование представителями одних материальных интересов тому, что есть добро, и следование тому, что есть зло, с точки зрения носителей противоположных и противоречащих материальных интересов, и такое же отношение последних к тому, что есть добро и зло, с точки зрения первых, становятся правилом при расколе общества на носителей противоположных и противоречащих материальных интересов.

Тут имеет место борьба носителей противоположных и противоречащих материальных интересов. Рассмотрение общественного сознания под углом зрения формы, в которой общественное сознание предстает прежде всего через призму *действий сознающих (и самосознающих) индивидов*, обнаруживает, что при единстве материальных интересов эта форма существует в одном проявлении: как добрые или злые действия при опосредствованном и непосредственном преобладании добрых действий.

Иное дело при доминировании в обществе противоположных и противоречащих материальных интересов (следует при этом иметь в виду, что раскол общества на носителей противоположных и противоречащих интересов возникает и существует всегда *внутри* общества как целого, общество тут развивается как целое, но через борьбу носителей противоположных и противоречащих материальных интересов, через раскол, в конечном счете все-таки доминирует развитие общества как целого, как единства). Здесь названная форма общественного сознания имеет уже не одно (мораль), а три необходимых проявления. К уже отмеченному прояв-

лению присоединяются еще два проявления, связанные именно с наличием *противоположных, противоречащих* материальных интересов, – политика и право.

Но прежде чем говорить о политике и праве, отметим еще одно немаловажное обстоятельство. Рассматриваемая форма общественного сознания выступает в виде особой формы потому, что общественное сознание предстает прежде всего через призму *действий* сознающих (и самосознающих) индивидов, а не через призму главным образом чувств или мыслей. Однако действия сознающих (и самосознающих) индивидов представляют собой всегда *действия чувствующих и мыслящих* индивидов. С точки зрения рассматриваемой формы общественного сознания, не происходит полного отвлечения от чувств и мыслей, они необходимо присутствуют, но доминирует рассмотрение через призму действия.

В первом из рассмотренных проявлений этой формы, т. е. в морали, главное – моральный (или аморальный) *поступок*, моральное (или аморальное) действие. Но мораль не сводится только к действию. Это – действие либо в соответствии с чувством, эмоциями, переживанием, либо в соответствии с мыслями, пониманием вредности или полезности такого действия, либо в соответствии с тем и другим. Таким образом, в области морали, в свою очередь, можно различить моральные (или аморальные) *действия*, моральные (или аморальные) *чувства*, моральные (или аморальные) *мысли*. Например, действия в соответствии с совестью есть действия в соответствии непосредственно и по преимуществу с моральным чувством, переживанием, нежели с моральными мыслями. Действия же в соответствии с долгом как таковым есть действия в соответствии непосредственно по преимуществу с моральными мыслями. Конечно, у человека нет ни чувств, эмоций, переживаний в полном отрыве от мыслей, ни мыслей в отрыве от чувств, эмоций, переживаний, можно говорить лишь о том или ином преобладании того или другого. Так различаются художественный и мыслительный типы людей. По нашему мнению, для людей худо-

жественного типа характерно моральное поведение преимущественно в соответствии с совестью, а для людей мыслительного типа – преимущественно в соответствии с долгом как таковым.

Широко распространено мнение, что если не для всего общественного сознания, то уж во всяком случае для морали *характерен ценностный*, аксеологический подход. Следовательно, скажем, моральное (или аморальное) суждение есть *главным образом оценочное* суждение. Нам такое мнение представляется, по крайней мере, сомнительным. И вот почему.

Сама терминология – «ценность», «оценка» и т.п. – выросла в мире стоимостных отношений и цены как формы выражения стоимости в мире, где непосредственно на первый план выступает *количественная* определенность меновых стоимостей.

Всякое сознание предполагает *сравнение* людей друг с другом, сравнение сознающим (и самосознающим) индивидом себя с другими людьми, т. е. *приравнивание* людей друг к другу. Однако *главным* приравнивание людей друг к другу стало в обществе, где господствует обмен продуктами труда, производства, где, следовательно, стоит на первом плане *приравнивание различных* вещей друг к другу, а так как рабочая сила тут наиболее существенный товар, вещь, имеющая стоимость, то происходит *приравнивание* рабочих сил *различных* людей. Поэтому и в общественном сознании на авансцену выступает *идея равенства*, т. е. *идея одинаковости изолированных индивидов* (а не идея различия объединенных людей).

Напротив, в обществе, в котором доминирует *единство* материальных интересов, главным становится не *одинаковость* различных изолированных друг от друга людей, а *единство*, связь людей через их *отличие* друг от друга. Людей как личностей связывает главным образом не то, что каждый из них и чем-то одинаков с другими, но то, что каждый из них своеобразен в качестве личности и тем интересен для других. Следовательно, выбор морального действия совершается тут главным образом не сравнением различных ценностей друг с другом, главным образом не

соответственно шкале ценностей, т. е. не соответственно чему-то внешнему, навязанному индивиду, а как то, что способствует его собственному развитию и вследствие этого развитию других людей как отличных от него, как своеобразных личностей, т. е. выбор морального действия происходит главным образом как *внутренняя необходимость* принесения пользы другим людям, ибо только через это оказывается возможным собственное развитие в главном, основном.

Парадоксально, но факт, что если люди, по преимуществу, изолированы друг от друга материальными интересами, то их связь осуществляется через установление одинаковости изолированных индивидов, а отсюда и в общественном сознании преобладает стремление людей быть либо одинаковыми, похожими друг на друга, либо выделиться своей полной внешней непохожестью при внутренней одинаковости. Если же в обществе люди, по преимуществу, *объединены* друг с другом материальными интересами в целое, то их связь осуществляется через их отличие как от целого, так и друг от друга. Отсюда и в общественном сознании преобладает стремление людей быть самими собой, своеобразными, отличными от других людей, но не ради чего-то внешнего, а ради глубинного развития себя и других людей.

Итак, сознание предполагает *сравнение, приравнивание* людей друг к другу. Но *лишь* сравнение, лишь приравнивание людей друг к другу есть сравнение, приравнивание людей как изолированных. Внутреннее единство есть единство различного, единство через различие. Сознание как отражение внутреннего единства людей есть сознание людей как единых в своем различии. Что касается морального действия, морального поступка, моральных чувств и моральных мыслей, то к ним тогда главным образом подходят не так, что одни действия и т. д., с точки зрения оценки других людей или общества, лучше или хуже, более или менее ценны, не с *внешней* меркой, не с эталоном, находящимся вне личности, а главным образом так, что моральное действие и т. п.

входит в самое ядро личности, моральность личности совпадает с развитием индивида в качестве личности.

Если же моральные ценности остаются, по преимуществу, ценностями, т. е. чем-то внешним для индивида, чем-то таким, к чему он как к внешнему, существующему наряду с ним, приравнивает себя, то это означает, что моральность личности в основном не совпадает с чем-то другим, существенным в развитии индивида как личности, и, следовательно, развитие личности в области морали оказывается вместе с тем в чем-то губительным для личности (для каких-то других существенных сторон индивида как личности).

Второе проявление рассматриваемой формы общественного сознания, формы, в которой главную роль играют *действия* сознающих (и самосознающих) индивидов, – политика¹. Политика как одно из проявлений общественного сознания есть действия сознающих (и самосознающих) индивидов как *противостоящих, борющихся* с другими индивидами, имеющими существенно различные, *противоположные и противоречащие материальные интересы*, причем политическое сознание (и самосознание) с необходимостью есть сознание той или иной связи с обществом как *целым*. Существенно различные, противоположные и противоречащие материальные интересы могут быть между индивидами, между индивидом и обществом, между индивидом и той или иной частью общества, между частями общества, между частью общества и всем обществом. Политическое отношение есть отношение между ними постольку, поскольку их материальные интересы так или иначе осознаются, осознается их существенное различие, противоположность, противоречие и действия направляются этим сознанием (действия носителей существенно различных, проти-

¹ По нашему мнению, политика, в отличие от морали, во вполне зрелом человеческом обществе, т. е. в зрелом, развитом коммунистическом обществе, отомрет. Здесь мы фиксируем общество в *логическом* аспекте, рассматриваем стороны зрелого, развитого, подлинного человеческого общества, но так как в современную эпоху политика играет весьма важную роль, то, отступая от строго логической последовательности, мы кратко охарактеризуем ее.

воположных, противоречащих интересов также существенно различны, противоположны, противоречат друг другу, как и носители этих интересов).

Политика главным образом есть действия, направляемые сознанием существенного различия, противоположности, противоречия того, кто действует, по отношению к тому, против кого действие направлено (основа этого – существенное различие, противоположность, противоречие материальных интересов), для достижения, удовлетворения материальных интересов. Это могут быть действия индивида, той или иной части общества как целого, всего общества, если интересы всего общества как целого существенно отличны, противоположны, противоречат той или иной его части, т. е. когда материальные интересы общества как целого осуществляются через борьбу составляющих общество частей, индивидов.

Политика есть необходимо борьба за какой-то материальный интерес (за какие-то материальные интересы) против существенно отличного, противоположного, противоречащего материального интереса (против существенно отличных, противоположных, противоречащих материальных интересов), борьба, в которой возможны либо победа, либо поражение, либо равновесие сил (последнее по самой сути дела может быть лишь временным, переходным состоянием), борьба, в которой плохо ли, хорошо ли сознается тот материальный интерес (интересы), за который она ведется.

Если политика есть главным образом действия, то это действия сознающих (и самосознающих), чувствующих и мыслящих индивидов. И в области политики можно различить политические чувства, эмоции, переживания и политические мысли. Сознание существенного различия, противоположности, противоречия материальных интересов требует по преимуществу мышления. Поэтому в политике, по сравнению с моралью, роль мысли существенно более важна, чем роль чувств, эмоций, переживаний. Но это не значит, что в политике политически окрашенные чувства, эмоции, переживания не играют важной роли.

Когда говорится о политике, то всегда о политике *того, кто* борется за свой материальный интерес (или за свои материальные интересы), о противостоящем кому-то другому, имеющему существенно отличный, противоположный, противоречащий материальный интерес (или материальные интересы). В политической борьбе маловероятно и малоустойчиво равновесие сил, ибо существенно отличные, противоположные, противоречащие материальные интересы побуждают все вновь и вновь возобновлять борьбу до победы или поражения, причем побежденные опять-таки не могут вполне смириться со своим положением.

При неустрашимых существенном различии, противоположности, противоречии материальных интересов носители победивших, господствующих материальных интересов навязывают побежденной, подчиненной стороне свои материальные интересы так, как будто они есть материальные интересы и побежденной, подчиненной стороны. Это – *третье проявление* рассматриваемой формы общественного сознания, *право*¹.

Право есть, главным образом, действия носителей победивших, господствующих материальных интересов, направленные на навязывание побежденным своих материальных интересов как собственных интересов последних. Право эксплуататорских обществ принципиально отлично от права социалистического общества, ибо в эксплуататорском обществе имеет место противоположность, а в социалистическом – единство, совпадение коренных материальных классовых интересов при сохранении существенных различий как интересов классов, так и личных и общественных интересов.

Следовательно, правовое сознание есть сознание материального интереса носителей господствующей стороны, навязываемое подчиненным, имеющим противоречащие, противоположные или

¹ Характеристика права при логическом рассмотрении общества, т. е. при рассмотрении зрелого человеческого общества, есть отступление от логического аспекта, ибо право, как и политика, отомрет в развитом коммунистическом, т. е. вполне зрелом человеческом обществе.

просто существенно иные интересы, как собственное сознание последних.

Все три перечисленных проявления есть проявления одной формы общественного сознания, а именно такой, которая образуется посредством преломления содержания общественного сознания *преимущественно* через призму *действий* сознающих (и самосознающих) индивидов.

Чувства и мысли сознающих (и самосознающих) индивидов также включаются в эту форму, но лишь в подчиненной роли, в том «освещении», которое им придает преобладающее значение действий этих сознающих (и самосознающих) индивидов.

Вторая форма общественного сознания образуется посредством преломления содержания общественного сознания *преимущественно* через призму *чувств* сознающих (и самосознающих) индивидов. Как мы увидим, в эту форму включаются также действия и мысли, но для образования формы они не имеют решающего значения.

Первое проявление этой формы общественного сознания есть *эстетическое сознание*. Эстетическое сознание есть отражение в *чувственных эквивалентах сущности* людей, *закономерностей* общественных отношений¹. Красота постольку, поскольку она специфична для человека, есть отражение сущности, закономерности посредством их чувственного эквивалента. Сущность, закономерность адекватно выражаются в мышлении, чувство по своей природе охватывает, главным образом, внешнее, поверхностное, случайное и т. п. Однако внутреннее, сущность, закономерное и т. п. проявляются в последнем. Красота именно постольку, поскольку она специфична для человека, и есть отражение сущности, закономерного, внутреннего и т. п. в их чувственном эквиваленте. По-

¹ Говоря об эстетическом сознании, мы пытаемся выделить преимущественно самое главное для его характеристики, чтобы определить в общем и целом место и значение этой формы общественного сознания в обществе как системе. Подробное рассмотрение этой формы общественного сознания не является нашей задачей.

пробуем пояснить на примере. Золото и серебро исторически приобрели в товарном мире роль всеобщего эквивалента, с натуральной формой золота и серебра общественно срослась всеобщая эквивалентная форма, или форма стоимости вообще. Эстетические свойства золота и серебра – это не просто их блеск, яркость и т. п., т. е. непосредственно, чувственно воспринимаемые натуральные свойства золота и серебра, блеск золота и серебра есть блеск их общественной роли, их общественного значения. И в этом отношении из всех остальных *товаров* золото (и серебро) для человека, захваченного миром товарных отношений, обладает наибольшей эстетической силой воздействия. Блеск золота оказывается не просто природным свойством, а чувственно воспринимаемым общественным могуществом золота в товарном мире, т. е. чувственным эквивалентом общественного могущества. В *эстетическом* сознании главное – восприятие сущности, закономерного и т. п. через их чувственные эквиваленты. Если в познании чувства выполняют при переходе к мышлению и в мышлении подсобную роль, сама же сущность (внутреннее, закономерное и т. п.) отражается, главным образом, в абстрактном виде, соответствующем природе мышления, то в эстетическом сознании главное – отражение сущности и т. п. в чувственном эквиваленте. И само мышление в эстетическом сознании совершается, главным образом, при помощи, посредством *противоположности мышления*, т. е. при помощи чувств.

В эстетическом *сознании* воспринимается сущность человека, закономерное и т. п. в *общественных отношениях* посредством чувственных эквивалентов. Через это выражается и отношение к природе.

Уже при рассмотрении первой формы общественного сознания можно было заметить, что это – сознание материальных общественных отношений, но не просто как таковых, а в их единстве с производительным отношением к природе. Действительно, польза или вред действия индивидов как сознающих (и самосознающих) индивидов друг на друга есть в основе своей прежде всего

материальная польза или материальный вред, т.е. то, как сказываются эти действия на всем материальном существовании людей.

То же самое, но, пожалуй, с большей отчетливостью обнаруживается при рассмотрении второй формы общественного сознания; более отчетливо *внутри* самой этой формы выступает ее зависимость от производительного отношения людей к природе. В самом деле, восприятие сущности, закономерного и т. п. посредством чувственных эквивалентов возникает прежде всего в познании и преобразовании природы, где к выявлению сущности и т. п. идут, в общем и целом, путем от чувственного познания и через него к мышлению. И в познании, взятом в его специфике по сравнению с сознанием, сущность (закономерные связи, целостность и т. п.) познаваемых предметов, процессов сначала схватываются, в основном, чувственно, и это представление затем направляет познание субъекта.

Но как сознание эстетическое отношение к действительности есть такой подход к действительности, когда она отражается через сущность человека, сущность отношений людей друг к другу, сущность, взятую в виде ее чувственных эквивалентов. Поэтому эстетическое сознание есть, главным образом, *переживание*, связанное с восприятием сущности и т. п. в виде чувственных эквивалентов.

Эстетическое сознание невозможно без действий. Однако ближайшим образом это есть действия, вызываемые и направляемые именно эстетическим сознанием. Эстетическое сознание включает в себя и мышление, но мышление посредством чувственных эквивалентов сущности, закономерного и т. п., т. е. мышление посредством образов.

Эстетическое отношение к действительности в процессе преобразования и познания природы, взятого в его отличии от общественной формы, в которой оно реализуется, есть лишь предпосылка эстетического сознания. Собственно же эстетическое сознание имеет место лишь как осознание преобразования природы в единстве с общественной формой. Тем не менее, внутри эс-

стетического сознания можно отчетливо различить обусловленность его как производительным отношением к природе, так и общественной формой, в которой оно реализуется.

Другое проявление второй формы общественного сознания – *религиозное сознание*¹.

Религия, как писал Ф. Энгельс, есть «непосредственная, т. е. эмоциональная форма отношения людей к господствующим над ними чуждым силам, природным и общественным», она продолжает свое существование «до тех пор, пока люди фактически находятся под властью этих сил» [1, т. 20, с. 329].

Религиозное сознание, как и эстетическое, представляет собой преломление содержания общественного сознания, главным образом, через чувства. И в религиозном сознании определяющим, господствующим служат переживания, эмоции, чувства, а не мысли и действия. Но религиозное сознание в своей специфике представляет собой сознание тех природных и общественных сил, которые не подчинены человеком его власти и действуют *разрушительно, вредно* на людей (следовательно, это силы, обязательно *непознанные* в достаточной мере, ибо, с точки зрения человека, познание достаточно настолько и постольку, насколько и поскольку оно дает возможность преобразования познанного в направлении, нужном познающему).

Подобно тому, как политическое и правовое сознание отличаются от морального сознания, главным образом, не по форме, а по содержанию общественного сознания (хотя эти различия сказываются и на их различиях по форме), так и религиозное сознание отличается от эстетического, главным образом, по содержанию, а не по форме (хотя и тут эти различия сказываются и на их различиях по форме).

Религиозное сознание необходимо есть восприятие в виде чувственных эквивалентов *неизвестной и притом непознаваемой* сущности, *господствующей* над сознающими (и самосознающими).

¹ Характеристика религии есть отступление от строго логического способа рассмотрения общества (как и характеристика политики и права).

ми) индивидами и, в основном, враждебной им. Так воспринимаются и соответствующие силы природы, и сущность человека, закономерные общественные отношения людей.

Религиозное сознание *противоречиво*. С одной стороны, как сознание религиозное сознание есть и *познание* сущности..., и действие в соответствии с познанием, а значит, преобразование *в соответствии со своими потребностями*. С другой стороны, как *религиозное* сознание оно есть познание того, что, соответственно сути религии, *непознаваемо* в принципе, преобразование в соответствии с потребностями человека того, что в принципе, с точки зрения религии, не может быть подчинено людьми, а *господствует* над ними и *действует враждебно* по отношению к ним. Ведь суть *религиозного* сознания и состоит в сознании того, что непознаваемо, что господствует над людьми и враждебно им. Без признания непознаваемых, господствующих над людьми и враждебных людям сил нет *религиозного* сознания.

Итак, в религиозном сознании познание направлено на то, что, в принципе (соответственно природе *религиозного* сознания), непознаваемо, действие направлено на подчинение того, что в принципе не может не быть господствующим над людьми и враждебным им. Реальные природные и социальные силы воспринимаются как непознаваемые, извечно и всегда господствующие над людьми и враждебные людям, а значит, религиозное сознание направляется на то, что реально, действительно существует и действует на людей, притом действует разрушительно, но что еще не познано и не преобразовано людьми в соответствии с их потребностями. И вот непознанность, непреобразованность этих сил в религиозном сознании выступают как непознаваемость сил, всегда господствующих над людьми и враждебных людям.

Эстетическое сознание есть восприятие посредством чувственных эквивалентов *действительной* сущности, закономерно. Без сознания о *действительной* сущности, о *действительной* закономерности и т. п. нет и эстетического сознания. Поскольку религиозное сознание все же есть сознание, *постольку оно род-*

ственно ближайшим образом эстетическому сознанию. Но поскольку религиозное сознание есть сознание религиозное, постольку это сознание посредством чувственных эквивалентов недействительной, несуществующей сущности. В последнем отношении религия прямо и непосредственно исключает эстетическое сознание, есть прямое отрицание эстетического сознания.

Роль религиозного сознания также двойственна и противоречива. С одной стороны, религиозное сознание есть сознание реально существующих сил и сознание положения людей, когда эти силы непознаны людьми, господствуют над людьми и враждебны людям. Когда человек или человечество не могут изменить саму неблагоприятную материальную жизнь, то один из способов приспособления к этой жизни – изменение сознания о ней. Это позволяет в какой-то степени *смягчить муки* неблагоприятного воздействия материальной жизни. С другой стороны, оно есть такое сознание, в котором непознанность этих сил выступает как их непознаваемость, господство их над людьми и враждебность людям – как непреодолимые, тем самым религиозное сознание *закрепляет* это положение.

Где и поскольку люди не имели возможности устранить или смягчить действие природных и социальных сил, там и постольку религиозное сознание играло определенную позитивную роль. Но где и поскольку складывались условия для их познания и преобразования, там и постольку религиозное сознание играло отрицательную роль.

Когда же в обществе, взятом в целом, во всемирно-историческом масштабе созревают условия для познания и преобразования сил природы и общества, господствующих над людьми и враждебных людям, тогда религиозное сознание начинает играть в истории человечества в целом отрицательную, консервативную и реакционную роль.

В религиозном сознании есть религиозные чувства, эмоции, переживания (они имеют решающее значение в религии), религиозные действия, т. е. действия, вызванные и направляемые рели-

гиозным сознанием (культ), и религиозные мысли. Религиозное мышление есть мышление посредством религиозных чувственных эквивалентов, посредством *религиозных образов*.

Религиозное мышление в образах, религиозные образы внутренне противоречивы. Религиозный образ *есть образ*, а значит, отражение существующего, вместе с тем это *религиозный образ* и, значит, изображение *несуществующего*. Религиозные образы – фантастические образы непознаваемых, господствующих над людьми и враждебных людям сил. Такое мышление в образах – образование религиозных образов и оперирование ими. Религиозное мышление есть мышление в религиозных образах, есть выражение названных сил в таких образах, которые типично представляют непознаваемость названных сил, их господство над людьми и их враждебность людям. Но мышление есть по своей сути мышление о существующем. Поскольку же мышление религиозно, постольку оно – мышление о несуществующем и, следовательно, не представляет собой мышления, а есть *отрицание мышления* (подобно тому, как религиозный образ есть и образ, и *отрицание образа*).

Религиозное сознание в целом есть *сознание, существующее и осуществляющееся через отрицание сознания*.

Третья форма общественного сознания образуется посредством преломления содержания общественного сознания преимущественно через призму *мыслей* сознающих (и самосознающих) индивидов. Речь идет о *философии*.

Мышление как таковое – это мышление о всеобщем, о сущности, о закономерном и т. п. в их чистом, абстрактном, отвлеченном виде. Следовательно, «точка зрения» мышления представляет собой по своей форме всеобщность, сущность, закономерное и т. п. в отвлечении от отдельного, особенного, поверхностного, случайного.

В науке на ее теоретическом уровне преобладает мышление. И тем не менее наука вообще и наука о производственных отно-

шениях в частности не полностью тождественна рассматриваемой форме общественного сознания.

Наука о производственных отношениях должна выявить в производственных отношениях их материальность, независимость от воли и сознания людей и законы производственных отношений, рассматриваемых в этом плане.

Сама возможность человеческого воздействия на производственные отношения раскрывается в качестве обусловленной материальностью производственных отношений. Общественное сознание производственных отношений – отражение отмеченной возможности, с точки зрения воздействия главным образом сознания людей, как продукта общества в целом, с точки зрения того, в какой степени и как эта возможность используется людьми, обладающими сознанием общества как целого. Поэтому тут дело заключается не в отражении производственных отношений самих по себе, а в отражении отношения *между общественным сознанием и общественным бытием*, в отражении отношения между общественным сознанием и производственными отношениями в их единстве с производительными силами. Следовательно, производственные отношения интересуют в таком случае под углом зрения их места, роли, значения в существовании и развитии общества, взятого в целом.

Сказанное верно о всех формах общественного сознания, но во всеобщем виде оно выражается лишь в философии.

Таким образом, философия есть отражение главным образом в мыслях, во всеобщем виде *отношения* сознания, людей в качестве сознающих (и самосознающих) и общественных материальных условий их существования (а сутью материальных условий существования *людей* служат производственные отношения в их единстве с производительным отношением к природе). Естественно, что философия отражает и компоненты отношения, то, что относится, но под углом зрения отношения.

Причем само названное отношение отражается для того, чтобы выяснить во всеобщем виде возможности изменения людьми общественных материальных условий существования людей.

Закономерности природы и общества фиксируются в рамках этой формы общественного сознания не просто сами по себе, точно так же и мышление должно рассматриваться не само по себе, соответственно сути этой формы общественного сознания природа, общество, мышление сознаются в мышлении, во всеобщем виде через осознание взаимоотношения, взаимодействия сознания, людей как сознающих (и самосознающих) и того, что создается. Кратко, хотя, как будет показано ниже, несколько огрубленно, философия в этом аспекте есть миропонимание. Но люди не только мыслящие, но и чувствующие, действующие существа. Люди чувствуют, переживают взаимодействие сознания и того, что создается. В таком аспекте философия выступает, несколько огрубленно говоря, как мироощущение, мирозерцание. В совокупности обоих аспектов философия, опять-таки несколько огрубленно, может быть названа мирознанием, мировоззрением. Люди могут совершать действия, вызываемые и направляемые философским сознанием, назовем их условно философскими действиями (философской деятельностью). Для определения философии как руководства к действию нет особого отдельного слова – термина.

Термины «миропонимание», «мироощущение», «мирозерцание», «мировоззрение», «мирознание» недостаточно глубоко фиксируют суть дела. Специфика философии заключается не просто в рассмотрении мира, «мира в целом», даже если сюда включается и сознание, мышление, не в рассмотрении общих закономерностей природы, общества и мышления, а в рассмотрении отношения (взаимоотношения, взаимодействия) сознания и материального мира и через рассмотрение этого отношения осознание природы, общества, сознания, мышления. Причем отношение сознания и материального мира – это отношение сознания и преобразуемого посредством общественного способа производства материального мира. Что-либо по-человечески знать о мире, сознавать

его можно лишь в процессе его преобразования либо в связи с этим процессом.

Обозначение философии перечисленными терминами, по нашему мнению, достаточно отражает положение вещей тогда, когда философия еще не отпочковалась от других форм общественного сознания.

Весьма любопытно, что при логическом анализе других форм общественного сознания не ставился специально вопрос об *отношении* общественного сознания и общественного бытия, вообще материального мира; общественное сознание, хотя и представлялось отражением общественного бытия, однако на первом плане закономерно возникал вопрос о зависимости, определяемости содержания общественного сознания общественным бытием и о специфике форм общественного сознания, а потому на первом плане было рассмотрение общественного сознания и его форм без *специального* рассмотрения *отношения этих форм, оформленного* общественного сознания и общественного бытия. Напротив, при анализе философии как *формы* общественного сознания обнаруживается, что *сама форма состоит в сознании отношения сознания к бытию*, само рассмотрение специфики формы оказывается рассмотрением *отношения, связи* общественного сознания и материальной жизни общества.

Тем самым изучение философского сознания, т. е. философии как формы общественного сознания, приводит, во-первых, к вопросу о связи форм общественного сознания друг с другом и, во-вторых, о связи форм общественного сознания (как взаимосвязанных друг с другом) с материальной жизнью общества, т. е. *специально* ставит вопрос об *их влиянии на материальную жизнь общества*.

Сознание не существует в чистом виде, само по себе, оно всегда существует через своих материальных носителей – звуки, жесты и т. д. (подобно тому, как стоимость не существует без потребительных стоимостей и проявляется только в отношениях потребительных стоимостей).

Сознание позволяет произвести выбор возможности изменения производственных отношений из имеющегося более или менее определенного спектра материальных возможностей. Общественное сознание нужно не само по себе, а, главным образом, для изменения материальных общественных отношений, т. е. общественное сознание *реализуется* посредством материальных общественных действий, материальной общественной деятельности. Общественное сознание образуется на основе производственных отношений, взятых в единстве с производительным отношением к природе, как отражение этой основы, не зависящей от воли и сознания людей. Вместе с тем, общественное сознание образуется ради воздействия на материальные отношения, *ради воздействия на отношения, не зависящие от воли и сознания людей.*

Как же может общественное сознание, знание воздействовать на то, что не зависит от общественного сознания, знания, на то, что материально? Как может идеальное воздействовать на материальное, если материальное есть то, что не зависит от идеального?

Идеальное, знание, сознание есть *отражение* существующих материальных возможностей изменения, преобразования процессов, предметов. Выбор из имеющихся возможностей осуществляется человеком в зависимости от его потребностей, желаний, стремлений и т. п. Возможность, выбранная для реализации, если эта возможность верно отражена, представляет собой ту или иную *материальную* возможность. Поэтому и процесс ее *реализации* есть *материальный* процесс. Таким образом, сознание, знание не творят материальный мир из ничего, а лишь отражают различные материальные возможности изменения материального мира, имеющиеся в нем самом, и позволяют людям выбрать те или иные из этих материальных возможностей в соответствии опять-таки со своими материальными потребностями, материальными интересами.

Сознание, знание идеальны только как *отражение* материальной действительности. Именно благодаря способности отра-

жения люди могут выбирать различные материальные возможности изменения материального мира в соответствии со своими материальными потребностями, материальными интересами. Роль сознания, знания заключается в том, что они создают возможность выбора материальных возможностей. Сами же по себе сознание, знание ничего не творят.

Итак, *роль общественного сознания состоит, главным образом, в отражении материальных возможностей преобразования производственных отношений в их единстве с производительным отношением к природе.* Такова роль общественного сознания, поскольку оно есть отражение с позиций человечества в целом, притом человечества, развивающегося прогрессивно.

Общественное сознание есть не только отражение материальных возможностей, имеющих в производственных отношениях, взятых в их единстве с производительным отношением к природе, не просто отражение ради выбора из них тех или иных материальных возможностей для реализации. Общественное сознание само порождается материальными потребностями, материальными интересами, а потому с самого начала отражение материальных возможностей воздействия на производственные отношения в их единстве с производительным отношением к природе определяется этими материальными потребностями, этими материальными интересами.

Поэтому обратное воздействие общественного сознания, если все материальные интересы едины, при прогрессивном развитии производственных отношений, взятых в единстве с производительным отношением к природе, заключается в том, что общественное сознание отражает материальные возможности, главным образом, под углом зрения прогрессивного преобразования производственных отношений в их единстве с производительным отношением к природе.

Обратное воздействие общественного сознания при наличии противоположных и противоречивых материальных интересов также по своей сути противоположно и противоречиво.

Обратное воздействие общественного сознания на производственные отношения в их единстве с производительным отношением к природе может быть (с точки зрения воздействия именно на производственные отношения) трояким: направленным либо на регресс последних, либо на их сохранение, консервацию, либо на их прогрессивное развитие. Конечно, возможно и то или иное сочетание друг с другом этих воздействий. Какое из этих воздействий оказывает общественное сознание, зависит от того, с позиций каких материальных интересов и ради осуществления каких материальных процессов совершается отражение: либо с реакционных, либо с консервативных, либо с прогрессивных.

Итак, во-первых, *отражение* в общественном сознании происходит *под углом зрения материальных потребностей, материальных интересов*; во-вторых, *выбор* из отраженных материальных возможностей тех, которые подлежат реализации, совершается *ради удовлетворения материальных интересов, материальных потребностей*.

Таково обратное воздействие общественного сознания вообще на производственные отношения, взятые в единстве с производительным отношением к природе. Однако, так как общественное сознание имеет различные формы, его обратное воздействие преломляется через специфику этих форм. В первой из перечисленных ранее форм общественное сознание влияет преимущественно через действия людей, во второй – преимущественно через чувства, в третьей – преимущественно через мысли.

Разные формы общественного сознания, будучи отражением производственных отношений в их единстве с производительным отношением к природе и наоборот, воздействуя на последние, занимают разное место по отношению друг к другу и к тому, что они отражают и как взаимодействуют между собой.

Мы классифицировали формы общественного сознания в зависимости от различия действий, чувств, мыслей. Общественное сознание есть *отражение*, познание общественного бытия. Поэтому, по нашему мнению, можно *классифицировать* и мес-

то различных форм общественного сознания *в соответствии с местом действий, чувств, мыслей в ходе процесса познания.* В процессе познания сначала, главным образом, совершаются действия с познаваемыми предметами и т. п., в процессе совершения действий формируются чувства, представления, живое созерцание; мышление же характерно для наиболее развитой стадии познания. Конечно, в знании человека действия, чувства, мысли всегда находятся в единстве, но все же на разных стадиях, ступенях познания их соотносительная роль, соотносительное значение различны.

Соответственно и все формы общественного сознания существуют в их единстве. Однако в общем и целом, первая группа форм общественного сознания (мораль, политика, право) наиболее тесно, близко связана с общественным бытием, более опосредствована, в общем и целом, связь с общественным бытием второй группы форм общественного сознания (эстетическое сознание, религиозное сознание), и еще более опосредствована связь с общественным бытием третьей формы общественного сознания (философии).

Все формы общественного сознания взаимодействуют между собой. Чем больше непосредственно та или иная форма общественного сознания связана с общественным бытием, тем непосредственнее в ней отражаются изменения общественного бытия. И наоборот, чем удаленнее форма общественного сознания от общественного бытия, тем более опосредствованно в ней отражается общественное бытие.

Чем ближе форма общественного сознания к общественному бытию, тем меньше – при прочих равных условиях – отражение в ней общественного бытия опосредствуется отражением общественного бытия в формах, более удаленных от общественного бытия. И наоборот. Поэтому чем ближе форма общественного сознания к общественному бытию, тем более непосредственно – при прочих равных условиях – изменения общественного бытия отра-

жаются в ней, тем более непосредственно изменения этой формы следуют за изменениями общественного бытия. И наоборот.

В общем и целом, несмотря на взаимодействие форм общественного сознания, первая группа форм следует более непосредственно за изменениями общественного бытия, более непосредственно отражает эти изменения, чем вторая группа форм, а вторая группа форм более непосредственно отражает изменения общественного бытия, чем третья.

Вторая группа форм в своем изменении в большей мере, в общем и целом, опосредствуется первой группой форм, чем первая группа второй, а третья форма – в большей мере второй группой форм (а тем более первой), чем вторая (а тем более первая) – третьей.

Так, например, эстетическое сознание в своем изменении в большей мере, в общем и целом, опосредствуется моралью, чем мораль – эстетическим сознанием; а философия в своем изменении в большей мере, в общем и целом, опосредствуется моралью и эстетическим сознанием, чем мораль и эстетическое сознание – философией.

Изменения общественного бытия более непосредственно сказываются на морали, политике, праве, чем на эстетическом и религиозном сознании и тем более на философии.

Подобно тому как познание движется от практики через чувственное отражение к абстрактному мышлению (с тем, чтобы опять вернуться к практике: причем практика, вместе с тем, служит основой и критерием каждого шага познания) и при этом, как бы отлетая от действительности, все более углубляется в нее, вскрывает внутреннее, закономерное, сущность, подобно этому и все более опосредствованные формы общественного сознания¹ дают

¹ За исключением религии, которая представляет собой пустоцвет на древе общественного познания, такую форму общественного сознания, которая есть одновременно разрушение, *отрицание общественного сознания как такового*. И тем не менее, как уже было сказано выше другими словами, пустоцвет есть *пустоцвет* и *пустоцвет*.

все более глубокое отражение сущности, закономерного в общественном бытии.

Философия – наиболее глубокая форма общественного сознания. Как всякая форма общественного сознания, она отражает общественное бытие¹, отражает в мышлении, в «чистом», абстрактном виде; такое отображение бытия возможно лишь через отношение к общественному сознанию, следовательно, философия необходимо есть и осознание сознания. Основным ее содержанием служит, таким образом, отношение сознания и бытия.

Сведение различных форм общественного сознания друг к другу, недооценка специфики тех или иных форм общественного сознания не позволяют полностью использовать возможности обратного воздействия общественного сознания на общественное бытие. Например, недооценка специфики марксистско-ленинской философии как формы общественного сознания ведет к недопониманию наиболее глубоких и перспективных возможностей сознательного воздействия на прогресс производственных отношений в их единстве с производительным отношением к природе.

Здесь, по нашему мнению, целесообразно еще раз кратко сказать об отношении форм общественного сознания и науки. Познание, знание есть по своей сути отражение человеком преобразуемой природы. Если познаются общество, люди, то для науки они выступают, по преимуществу, в качестве *объекта* познания, как нечто объективное. Фактически способ отражения природы распространяется на общество, на людей. И это верно постольку, поскольку общество, люди есть продукт и часть природы. Сознание есть познание, знание различных людей в их единстве друг с другом как субъектов, есть познание, знание единства различных людей как субъектов.

Научное познание и знание есть познание и знание сущности, внутреннего, закономерного, т. е. познание и знание внутрен-

¹ Отражение общественного бытия возможно лишь через призму общественного бытия: природа вне связи с процессом ее преобразования есть непознанная, неотраженная по-человечески природа.

него единства, а значит, познание и знание как система. Кроме того, наука есть социальное образование, а именно предмет занятий особой группы людей, занимающих своеобразное место в разделении труда.

Сознание может быть и ненаучным, и антинаучным, и научным. К антинаучному общественному сознанию относится религиозное сознание. Научное познание природы и социальных сил, сначала непознанных людьми, господствующих над людьми и враждебных людям, открывает действительные законы и закономерности, устраняет, рассеивает представление, переживание их в качестве непознаваемых, открывает людям путь к овладению ими. Наука и религиозное сознание по сути своей, по своему назначению противоположны, исключают друг друга, религиозное сознание по своей сути антинаучно.

Первая и вторая группы форм общественного сознания, если их рассматривать как таковые, как бы они ни изменялись, не могут стать сами по себе научным сознанием. Они всегда остаются, по преимуществу, ненаучным сознанием, а религия – антинаучным сознанием. Поэтому при достижении общественным сознанием определенного уровня развития возникают, формируются, развиваются особые науки об этих формах общественного сознания, в общем и целом отличные от самих этих форм, не сливающиеся с самими этими формами. Так, образуются наука о морали, наука о политике, наука о праве, наука об эстетическом сознании. Осуществляется также научное рассмотрение религии.

Третья форма общественного сознания – философия – представляет собой с самого начала преломление содержания общественного сознания через мышление. А мышление есть отражение сущности, внутреннего, закономерного в чистом виде. В этом отношении философия с самого начала по своей сути была родственна с наукой. И по мере отделения форм общественного сознания друг от друга это родство все более отчетливо обнаруживалось, оказывалось, что подлинная философия, философия, соответствующая своей сути, есть научная философия, т. е. такая

форма общественного сознания, которая, вместе с тем, есть научное знание, т. е. отражение в мыслях сущности, закономерного в отношении общественного сознания к общественному бытию.

Вместе с тем философия как форма общественного сознания не сводится к науке, а есть также идеология, т. е. совокупность идей, необходимых для воздействия на мысли, чувства, действия людей в процессе их деятельности. Причем философия, главным образом, воздействует на мысли людей.

Общественное сознание обнаруживается в своих материальных носителях, материализуется при помощи материальных действий и материальных средств.

Необходимо различать материальные общественные отношения и идеальные общественные отношения, или точнее, сознательные общественные отношения. Материальные общественные отношения складываются, не проходя как целое через общественное сознание. Сознательные общественные отношения при своем возникновении, формировании и развитии проходят через общественное сознание. Кроме того, сознательные общественные отношения есть отношения людей как *субъектов*, как действующих, чувствующих, думающих общественных существ. Для материальных же отношений характерна скорее непосредственно связь через посредство объектов. Само сознание по происхождению – продукт развития материального. Следовательно, *сознание, так же как и познание, со стороны его возникновения, формирования, развития, изменения представляет собой особое свойство материи, т. е. сознание (и познание) выступает со стороны его материальной обусловленности. Поскольку же сознание (и познание) существует как готовое, сформировавшееся и сохраняющееся, постольку оно – идеальное, противостоящее материи как отличное от нее.*

При рассмотрении цели можно было видеть, что цель образуется вполне только тогда, когда соответствующий процесс материального преобразования оформился, т. е. цель формируется с формированием процесса труда, а не до формирования

процесса труда. Вместе с тем, достигая своего апогея, цель исчезает в качестве цели. Действие в соответствии с вполне сформировавшейся целью есть простое повторение процесса труда. Сформировавшаяся цель позволяет точно воспроизвести уже сформировавшийся процесс труда.

Общественное сознание также возникает, формируется и развивается вместе с возникновением, формированием и развитием материальных общественных отношений. Общественное сознание как знание, как сознание, с точки зрения его *противопоставления* материи, необходимо для того, чтобы воспроизводить материальные общественные отношения в качестве только объекта, т. е. чего-то только независимого от людей, а значит, в том же самом виде. Поэтому все сознательные общественные отношения, именно как *сознательные*, взятые в «чистом», абстрактном виде, в *прямую* противоположность материи, есть отношения, направленные на сохранение, воспроизведение имеющихся материальных общественных отношений. Общественное сознание в таком его виде отражает те возможности изменения, которые *уже есть* в самих материальных общественных отношениях.

В самих материальных общественных отношениях есть, имеется, уже существует что-то от прошлого, что-то от настоящего, что-то от будущего. Поэтому люди, в зависимости от своих материальных интересов, могут отражать, сознать материальные общественные отношения с точки зрения прошлого, настоящего, будущего. Поскольку же в, соответствии с общественным сознанием, совершается *преобразование* материальных общественных отношений, постольку это – *материальный* процесс. Общественное сознание есть *со-знание*, и как общественное *со-знание* оно имеет своим содержанием единство людей в качестве *субъектов*, в качестве действующих, чувствующих, думающих. Люди в качестве субъектов – активные «компоненты» материальных общественных отношений, они не просто реализуют имеющиеся независимо от них возможности изменения материальных общественных отношений, сама их деятельность, осуществление

ими себя в качестве субъектов есть одновременно процесс изменения материальных общественных отношений, т. е. такое использование имеющихся объективных возможностей изменения, которое есть вместе с тем созидание возможностей изменения материальных общественных отношений. Общественное *со-знание*, по преимуществу, служит для деятельности по изменению материальных общественных отношений и входит в нее как момент.

Деятельность людей, направляемая общественным сознанием, включает в себя, помимо общественного сознания, объединение, организацию людей как социальных субъектов, а также материальные средства осуществления этой деятельности. Все эти моменты образуют *надстройку* над общественными производственными отношениями, которые, в свою очередь, предстают как экономический базис, который определяет надстройку, хотя надстройка, как можно видеть из сказанного выше, ни в коем случае не может быть сведена к экономическому базису.

Уже потому, что надстройка не есть деятельность только «чистого» сознания, а включает в себя и материальные средства, и является также материальной деятельностью, реализация общественного сознания означает получение не только того, что заранее предвосхищается, но также и кое-чего такого, что заранее, до реализации, нельзя было предвидеть. Материальные действия и средства вполне соответствуют общественному сознанию лишь при постоянном повторении реализации одного и того же общественного сознания при помощи совершенно одинаковых материальных действий и средств.

Надстройка материальна по действиям и средствам, применяемым людьми. Но надстройка отличается от производственных общественных отношений тем, что надстроечные отношения как целое при своем образовании проходят через общественное сознание и направляются им, они направляются общественным сознанием и при их функционировании. Вместе с тем, уже вследствие материальности действий и средств результаты и в области

надстройки никогда абсолютно не соответствуют целям, а содержат, помимо предвосхищаемых, и побочные, не предвосхищаемые продукты деятельности людей.

Надстройка как особое образование нужна, главным образом, для того и тогда, чтобы и когда необходимо материально в соответствии с общественным сознанием изменить материальные общественные отношения при помощи материальных средств.

Необходимость воздействия общественного сознания на материальные *общественные отношения* посредством объединения людей, совершающих материальные действия и применяющих материальные средства, доказывает, что *внутри* самих материальных общественных отношений есть материальные препятствия для осуществления воздействия на них общественного сознания, а значит, есть противоположные, противоречивые или просто различные материальные интересы.

Переход к рассмотрению надстройки в целом означает переход к специальному рассмотрению *единства* общественного сознания и общественного бытия в их различии. Надстройка в своей специфике по сравнению с общественным сознанием как ее компонентом служит для обратного материального воздействия общественного сознания на общественное бытие.

Таким образом, мы вновь как бы возвращаемся к материальной деятельности людей, но это такая деятельность, которая освещена тем или иным сознанием общества как целого.

Продолжая как бы возвращение назад, мы опять приходим к человеку как к живому существу, как биологическому существу, т. е. к индивиду. Однако это «возвращение» на новой основе, и потому исходный пункт предстает в снятом, преобразованном виде.

Общественное сознание и его формы существуют только как ансамбль сознаний живых индивидов и реализуются в их деятельности.

Общественное сознание, если оно уже возникло – а именно так оно должно рассматриваться при логическом подходе, – выступает по отношению к каждому новому поколению индивидов в

качестве чего-то данного, существующего объективно. Каждый индивид в своем индивидуальном развитии включается в жизнь общества, усваивает те или иные стороны жизни общества, «пропускает» их через свою индивидуальность, делает их своими, и тем самым он превращается из просто индивида в *личность*.

Рассматривая материальное отношение к природе и материальные отношения индивидов в процессе преобразования природы, мы видели, что именно тут и на этой основе вырастают люди как личности. Однако о вполне развитой, о *зрелой личности* можно говорить лишь тогда, когда индивид сознательно усваивает социальное, сознательно делает социальное своим собственным, внутренне ему присущим, тогда, когда его деятельность освещена тем или иным осознанием общества как целого.

Личность есть человек как внутреннее *единство* социального и индивидуального, есть «преломление» социального через живых индивидов. То в социальном, что остается внешним для индивида, не усвоенным им, не есть достояние его как личности, не есть личностное. Закономерное развитие человека как личности зависит, следовательно, во-первых, от усваиваемого индивидом социального содержания и, во-вторых, от биологических задатков индивида. Личность же есть внутреннее единство, органическое соединение того и другого.

Остановимся на первой стороне этого единства.

Социальная программа развития личности задается строением общества и развитием строения общества. В наиболее полном своем виде общее строение только социальной стороны личности есть воспроизведение общего «каркаса» строения общества. Конечно, индивид может воспроизводить в строении себя в качестве личности не весь общий «каркас» строения общества, а те или иные отдельные его стороны. Но в своем полном развитии строение личности, с точки зрения лишь ее социальной стороны, есть отражение общего строения общества.

Наибольшее развитие личность получает тогда, когда человеческое общество созревает и когда в строении личности «отпе-

чагывается» общее строение этого общества. Всесторонне развитая личность есть человек, строение личности которого повторяет основные черты строения зрелого человеческого общества.

Рассмотрим подробнее строение общества как социальную программу развития личности.

Человек, если он не обладает общественным сознанием, не представляет собой личность. В качестве личности человек есть общественно сознательное существо, существо, обладающее общественным сознанием. Структура личности есть структура человека как существа, обладающего общественным сознанием. Человек живет как личность в качестве общественно сознательного существа, существа, обладающего общественным сознанием, жизненные проявления которого направляются его общественным сознанием.

Социальная типология строения личностей

I тип – личность предпосылочного типа, это как бы предличность, зародышевая, «эмбриональная» личность. Центр жизненной программы такой личности – потребление материальных благ, удовлетворение потребностей в поддержании собственного физического существования. Более развитой разновидностью такого типа личности является личность, жизненная программа которой сосредоточивается не только на поддержании своего собственного физического существования посредством потребления материальных благ, но и на обеспечении того же для индивидов, с которыми данный индивид связан отношениями продолжения рода.

Для личностей такого типа производство, труд – *только средство* поддержания физического существования (своего или тех, с кем они связаны отношениями по продолжению рода). Поэтому такая жизненная программа *стихийно* тяготеет к перерастанию – при благоприятных условиях – в паразитическую жизненную программу, а личность – в паразитическую личность.

Поскольку жизненная программа человека концентрируется только на потреблении готового, постольку это – паразитическая программа. Такая паразитическая личность есть *разрушение личности*.

Обе эти крайности вырастают на основе такого развития материальной жизни общества, которая обуславливает отношение к труду, производству только как *средству* поддержания физического существования, как к проклятию¹. Трудится в таких условиях тот, кто не может избежать труда. Привлекательным же, идеальным состоянием представляется возможность потреблять без затраты труда. Поэтому существует тенденция появления и существования паразитических личностей.

II тип – личность сущностного типа первого рода. Жизненная программа личностей такого типа сосредоточивается на труде не как средстве для поддержания физического существования, но ради удовлетворения потребности в труде. Поддержание физического существования – своего или также тех людей, с которыми данный индивид связан отношениями по продолжению рода, – остается необходимым моментом в жизненной программе, но ему отводится подчиненная роль. Можно выделить две главные разновидности личностей такого типа. *Первая разновидность* – это личности, для которых характерен труд ради *успеха* в труде, ради получения *результата* труда. По сути дела, потребность в труде ради труда у таких личностей еще неустойчива. *Вторая разновидность* – это личности, для которых характерен труд ради наслаждения *процессом* труда, ради потребности в самом процессе труда; результат же продолжает быть необходимым, но низводится на роль подчиненного момента труда. Потребность в труде ради труда у таких личностей становится внутренней, устойчивой.

III тип – личность сущностного типа второго рода. Главное в жизненной программе такой личности – подчиненность общественным условиям, но как только необходимым. Это такая конформистская личность², которая сознательно подчиняется

¹ Труд как только или главным образом средство к физическому существованию существует тогда, когда он с необходимостью вместе с тем есть проклятие (см. об этом в третьей части монографии).

² I тип и первая разновидность II типа личностей – конформистские по своей сути.

существующим общественным условиям как только необходимо (а следовательно, вечно) существующим.

IV тип – личность *сущностного типа третьего рода*. Жизненная программа такого типа личностей определяется, главным образом, осознанием своего места в обществе, осознанием общественных связей, отношений и своего единства с обществом. Такой тип личности возможен постольку и настолько, поскольку и насколько существует единство материальных интересов индивида и общества, а преобладать он может только при преобладании в обществе единства индивидуальных и общественных материальных интересов. Главным у личностей такого типа становится жизнедеятельность ради общественных интересов, ради человечества, т. е. жизнедеятельность в качестве *сознательно-общественного* существа.

Отличие этих личностей от личностей III типа – *свобода* выбора общественных целей. (Свобода есть познание необходимости и преобразование людьми как общественными существами действительности на основе познанной необходимости.)

В обществах, в которых развитие совершается через противоположность, через противоречие материальных интересов, материальные интересы той или иной части общества могут, по преимуществу, совпадать с развитием человечества в целом, а интересы другой (или других) части общества – по преимуществу, не совпадать с развитием человечества в целом. Тогда именно на позициях той части (или тех частей) общества, материальные интересы которой в основном совпадают с развитием человечества в целом, становится возможным появление личностей этого типа.

Но поскольку эти личности формируются на почве борьбы различных частей общества друг с другом из-за противоположных, противоречащих материальных интересов и, следовательно, борьбы, доходящей до тех или иных мер физического воздействия, воздействия на условия физического существования, постольку борьба за развитие человечества, за общественные цели как главные цели личной жизни требует самоотверженности, доходящей в

крайних случаях до принесения в жертву общественным целям своего физического существования.

Н. Г. Чернышевский в образе Рахметова выразил идеальный тип революционера, необходимость приближения к которому тем настоятельнее, чем острее классовая борьба, чем отчетливее и напряженнее противоположность материальных интересов. И пока существуют в обществе существенные различия, противоположность, противоречие материальных интересов, личности рассматриваемого типа невозможны без той или иной степени самоотверженности, самопожертвования (а следовательно, аскетизма).

Самоотверженность, самопожертвование (а значит, и аскетизм) – характерные качества личности этого типа в условиях преобладания в обществе противоположных, противоречивых материальных интересов. Но потребность в них оказывается существенной и при наличии существенных различий материальных интересов в обществе. Реализация самоотверженности, самопожертвования означает подрыв существования тех или иных проявлений личности, вплоть до ее физического самоустранения.

Если реализация самоотверженности, самопожертвования у личностей этого типа оказывается устойчивой тенденцией, то она означает деформацию личности, вплоть до ее полного устранения.

Но следует со всей решительностью подчеркнуть, что личности этого типа в условиях существенного различия, противоположности, противоречия материальных интересов с необходимостью должны обладать способностью к самоотверженности, к самопожертвованию. Более того, личность достигает наивысшего своего развития тогда, когда «дело жизни», главная жизненная цель, доминирующая внутренняя потребность – это деятельность для и ради общества. В таком случае, если эта внутренняя потребность для своего осуществления нуждается в жизни индивида, он отдает ее, приносит в «жертву».

Даже в условиях существующего в основном единства материальных интересов подлинная, а не мнимая личность такого рода

сохраняет готовность к проявлению самоотверженности, самопожертвования.

При гармоническом существовании личности IV типа ее жизнедеятельность ради общих интересов не вступает в противоречие ни с удовлетворением материальных потребностей для поддержания своего биологического существования и биологического существования лиц, с которыми этот человек связан отношениями продолжения рода, ни с трудом ради удовлетворения потребности в труде. Тем не менее, пусть и потенциально, «готовность к самопожертвованию» у такой личности необходимо сохраняется.

Всестороннее развитие личности означает развитие личности во всех основных, главных сферах социальной жизни. Такими сферами, как это следует из всего предыдущего изложения, оказываются удовлетворение потребностей в поддержании биологического существования, всестороннее физическое развитие, труд, совершаемый ради удовлетворения потребности в труде (сюда входит и труд по производству материальных благ, и труд по производству знаний), деятельность по совершенствованию материальных производственных отношений, проявления жизнедеятельности личности (как сознательно общественного существа), совершенствование во всех сохраняющихся во вполне зрелом обществе формах общественного сознания. Развитие личности есть по сути своей *усвоение* человеком социального, т. е. не только образование, но и, обязательно, *воспитание и самовоспитание* человека как сознательно общественного существа.

Но личность есть единство социального и биологического в индивиде, преломление социального через биологическую природу индивида. Поэтому для характеристики личностей требуется биологическая характеристика индивидов, поскольку усвоение и изменение социального индивидом зависят от биологической природы индивида, трансформируются последней.

Так, различие биологии мужчины и женщины сказывается на определенных различиях в усвоении ими социальной среды, на

их месте в обществе, на их социальной роли. Например, для продолжения человеческого рода нецелесообразно, чтобы занятия женщин были связаны с риском для жизни, все занятия такого рода должны быть уделом преимущественно мужчин. Игнорирование социальных последствий биологических различий между мужчиной и женщиной чревато весьма серьезным ущербом для продолжения человеческого рода. Эмансипация женщин, являющаяся ныне велением времени, не должна иметь ничего общего с забвением того, что биологическое различие между мужчиной и женщиной всегда, в любом обществе, пока продолжается человеческий род, сказывается на известных различиях их социальной роли, социального поведения, места в обществе.

Систематическое изучение необходимого воздействия биологических различий между мужчинами и женщинами на «присвоение» ими социальной среды, изучение социальной среды, с точки зрения благоприятности или неблагоприятности ее для проявления биологических различий между мужчиной и женщиной, ведутся весьма недостаточно. Процесс эмансипации женщин не должен рассматриваться как *чисто* социальный процесс, без учета воздействия на него биологических различий между мужчиной и женщиной. Необходимо также систематическое изучение зависимости «присвоения» социальной среды от возрастных этапов существования индивида. Каждому возрастному периоду в существовании индивида свойственны определенные закономерные черты отношения к социальной действительности, связи с социальной действительностью, обусловленные особенностями возрастной стадии. Например, мир глазам подростка и старика предстает не совсем одинаково, разница связана с их биологическим возрастом. Личность человека зависит не только от социальной среды, социальных условий, но и, в частности, также от особенностей стадии его индивидуального биологического развития. В настоящее время эта проблематика разработана еще весьма и весьма слабо.

Различные люди, даже одного биологического возраста и пола, имеют различные психофизиологические характеристики. Психофизиологические особенности людей также влияют на «присвоения» ими социальной действительности, на изменение этой действительности.

Так, с точки зрения физиологии, наиболее общим и распространенным является деление людей по типу нервной системы в зависимости от силы или слабости, подвижности или инертности, уравновешенности или неуравновешенности нервных процессов, а также деление людей на художественный и мыслительный типы. Эти различия, несомненно, сказываются на социальной жизнедеятельности людей. Например, для работы в экстремальных условиях малоприспособлены или неприспособлены люди со слабой нервной системой, что не исключает предпочтительности людей со слабой нервной системой для некоторых других занятий, в частности таких, где нужна более высокая чувствительность.

Конечно, содержание личности есть социальное содержание, но социальное содержание не существует как особая личность, личность представляет собой «преломление» социального содержания через биологическую, психофизиологическую природу индивида. И эта последняя не остается совершенно безразличным носителем социального содержания, социальное содержание не может в определенной степени и в определенных отношениях не трансформироваться биологической, психофизиологической природой индивида. А биологическая, психофизиологическая природа различных индивидов различна. К таким различиям, в частности, и относятся типы нервной системы. Или, например, наследственная слабость, предрасположенность к заболеваниям тех или иных органов и систем организма (сердца, легких, органов зрения и т. д.) рано или поздно заставляют человека считаться с ними в своей социальной деятельности, могут повлиять, и притом существенно, на его социальную деятельность.

Действительность отношений людей в обществе есть их *отношение в качестве личностей*, этих «органических соедине-

ний» социального с биологической, психофизиологической природой индивида. Связи людей как всесторонних и гармоничных личностей, формы этих связей исследованы ныне совершенно недостаточно. В общем виде их можно охарактеризовать так.

Это связи преимущественно не по принуждению, а по убеждению, связи по интересам, но интересам не своекорыстным, а таким, которые заключаются главным образом в реализации общественного интереса, когда, реализуя интересы других людей, личность тем самым достигает реализации своего собственного интереса. Это связи всесторонних и гармоничных личностей, а следовательно, каждая личность вступает во всесторонние (во *всех основных* сферах общества) отношения с другими личностями, и, следовательно, это связи подвижные, не закрепляемые социально и специально, а зависимые от свободного выбора людей, вступающих в отношения, это связи, строящиеся с учетом половой, возрастной, психологической и т. п. совместимости.

Естественно, такие отношения не могут преобладать, пока в обществе большую часть усилий людей отнимает производство материальных благ, необходимых для поддержания физического существования людей.

Итак, с самого начала мы рассматривали человека как существо биосоциальное. Причем биологическая природа человека (в ее непосредственном единстве с социальным) предстает прежде всего в качестве необходимой предпосылки человеческой сущности. Так как биологическая природа человека берется в качестве необходимой предпосылки сущности человека, то с самого начала, хотя и неявно, предполагается связь предпосылки с сущностью, предпосылкой которой она служит, т. е. связь биологического с социальным. С самого начала биологическая природа человека рассматривается не в отрыве от социального, но при этом ни социальное, ни его связь с биологической природой человека специально не фиксируются. Человек предстает главным образом как *индивид*. Затем осуществляется переход к рассмотрению сущности человека, к рассмотрению социального. Однако если изложе-

ние социального, сущности человека в чистом виде выступает на первый план, если специально анализируется именно сущность человека, социальное, то, вместе с тем, во-первых, предполагается связь социального с биологической природой людей (сущность человека закономерно выступает *после* рассмотрения биологической природы человека, а не до нее); во-вторых, предпосылка не просто фиксируется до сущности, а предпосылка в снятом виде сохраняется *внутри* сущности как ее несущественная, но необходимая сторона, как одна из двух противоположных сторон сущности (сущность человека, социальное имеет внутри себя в снятом виде и в качестве несущественной стороны сущности биологическую природу людей).

После рассмотрения социального, сущности человека самой по себе мы перешли к характеристике *специально единства* социального с биологической природой человека, т. е. к характеристике человека как личности. Действительность человеческого общества есть отношения людей как личностей и формы этих отношений.

Основной или один из основных недостатков подчас весьма интересных трудов, посвященных сущности человека или затрагивающих эту проблему, заключается в том, что *сущность человека не рассматривается как процесс, ее рассмотрение не включается в картину целостного рассмотрения общества.*

Из сказанного выше можно вывести иерархию целей общества как такового от низшей цели (поддержания *только* физического существования индивидов и *лишь* физического продолжения человеческого рода) до высшей цели (существование, воспроизведение, развитие людей как личностей¹). Причем осуществление высшей цели с необходимостью предполагает осуществление низших целей в снятом виде как преобразованных, подчиненных моментов.

¹ Существование и воспроизведение вполне развитых личностей, как можно заметить из сказанного выше, означают ассоциацию, «в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [1, т. 4, с. 447].

Высокая цель общества как такового оказывается целью коммунистического общества. Это не случайно, ибо коммунистическое общество есть подлинная история человечества, в отличие от предыстории человечества, есть зрелое человеческое общество.

Поэтому изучение логическим способом человеческого общества как такового, способом, при котором все стороны изучаемого предмета берутся в их наиболее развитом, зрелом виде, представляет собой изучение коммунистического общества. А точка зрения исследования общества как такового есть позиция людей, для которых главной задачей является не *отрицание докоммунистических* общественных порядков, а *положительное устройство коммунистического* общественного порядка.